

Виктор КОРОЛЕВ

# ЗА КУЛИСАМИ театра военных действий

**Исторический роман-спектакль  
о Первой мировой войне**

**в 8 действиях, 24 картинах,  
с прологом и эпилогом**

Новокузнецк  
«Союз писателей»  
2023

УДК 82-311.6  
ББК 84(2=411.2)6-442  
К68

**Королев, Виктор Владимирович.**

К68     **ЗА КУЛИСАМИ** театра военных действий: исторический роман-спектакль о Первой мировой войне / В. В. Королев. — Новокузнецк: Союз писателей, 2023. — 268 с.  
ISBN 978-5-00187-298-6

В этой книге нет кровавых сцен и описаний смертельных битв. Она вообще не о войне. Она о людях. О том, как Первая мировая коснулась сильных мира сего, да и не только их. О том, кто и почему развязал войну. Эта книга о том, как американская государственная идеология, основы которой 200 лет назад были заложены в доктрине Монро, спровоцировала жуткую бойню. Большинство государств мира воевали, а Соединённые Штаты получали прибыль и провозглашали себя миротворцами.

В той далёкой войне бились между собой почти сорок стран. В книге рассказывается лишь о самых крупных. Другие, к сожалению, остались за кулисами. Но их тоже — так или иначе, в то время или позже — затронет неукротимая жажда Америки властвовать над миром, воевать всегда и везде чужими руками.

Если тебя, дорогой читатель, интересуют неординарные личности и их роль в мировой истории, то эта книга для тебя — в ней собрано немало интересных и малоизвестных исторических фактов и артефактов. Главная цель книги — показать людям, кто есть кто в этом мире, кому и почему выгодны войны.

**УДК 82-311.6  
ББК 84(2=411.2)6-442**

ISBN 978-5-00187-298-6

© Королев В. В., текст, 2023  
© Издательство «Союз писателей»,  
оформление, 2023  
© ИП Соседко М. В., издание, 2023

# Сценарий-либретто

|                     |          |
|---------------------|----------|
| <b>ПРОЛОГ</b> ..... | <b>5</b> |
|---------------------|----------|

## **ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ**

|                                                     |          |
|-----------------------------------------------------|----------|
| <b>Закулисье: «Должен же быть порядок!»</b> .....   | <b>8</b> |
| Картина 1-я. Больше трёх не собираться? .....       | 9        |
| Картина 2-я. И грешный ангел, и надменный бес... .. | 23       |
| Картина 3-я. Проклятье Падающей Звезды .....        | 34       |

## **ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ**

|                                                                            |           |
|----------------------------------------------------------------------------|-----------|
| <b>Америка: «И пусть они меж собой воюют...»</b> .....                     | <b>42</b> |
| Картина 4-я. Они такие же, как мы, только другие ...                       | 43        |
| Картина 5-я. «Богатенькое бедное дитя»<br>в суде побило матушку шутя ..... | 53        |
| Картина 6-я. Власть, стоящая за тронном .....                              | 64        |

## **ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ**

|                                                                        |           |
|------------------------------------------------------------------------|-----------|
| <b>Германия: «Боже, покарай Англию!»</b> .....                         | <b>76</b> |
| Картина 7-я. Берлинское танго с ароматом<br>греческой смоковницы ..... | 77        |
| Картина 8-я. «Запомните этот день,<br>будущие морские волки!» .....    | 88        |
| Картина 9-я. «Отличительная черта характера —<br>безжалостность» ..... | 95        |

## **ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ**

|                                                        |            |
|--------------------------------------------------------|------------|
| <b>Британия: «Правь, владычица морей!»</b> .....       | <b>102</b> |
| Картина 10-я. Шляпы капитана «Лузитании» .....         | 103        |
| Картина 11-я. Сороковая комната Уинстона Черчилля .... | 115        |
| Картина 12-я. Не спасти рядового... ..                 | 125        |

## **ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ**

### **Россия: «Не трогайте только Сербию!» ..... 137**

Картина 13-я. Ему не дали «Нобелевку» мира ..... 138

Картина 14-я. «Славно сегодня поохотился» ..... 151

Картина 15-я. Аликс в стране чудес,  
или Икона с колокольчиком ..... 161

Картина 16-я. Крёстная дочь генерала Брусилова... 177

## **ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ**

### **Балканы: «Воздух без них был бы чище...» ..... 182**

Картина 17-я. «Чёрную руку» перебила «Белая рука» .. 183

Картина 18-я. Гаврош, или Дело Принципа ..... 194

## **ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ**

### **Италия: «Сколько можно терпеть?» ..... 205**

Картина 19-я. «Джульетта» объявляет войну ..... 206

Картина 20-я. «Святой Георгий» — чужому маршалу .. 217

Картина 21-я. У ангелов смерти тоже есть заповеди .. 226

## **ДЕЙСТВИЕ ВОСЬМОЕ**

### **Франция: «Родина, поддержи нас!». ..... 234**

Картина 22-я. Завтра была война: первая жертва .. 235

Картина 23-я. Учительница из Лооса ..... 245

Картина 24-я. Пастырь звал на обед: последняя жертва .. 256

## **ЭПИЛОГ..... 264**

## ПРОЛОГ

*«Никто не поверил бы, даже в последние годы девятнадцатого столетия, что за человеческой жизнью на земле зорко и тщательно наблюдали разумные существа, такие же смертные, как человек, но стоящие на более высокой ступени развития, и что в то время, когда люди занимались своими повседневными делами, за ними следили и изучали их так же подробно, как человек изучает в микроскопе кратковременную жизнь существ, живущих и размножающихся в капле воды. С безграничным самодовольством сновали люди взад и вперёд по земному шару, занимаясь своими маленькими делами, в счастливой уверенности в своём господстве над материей. Возможно, что и инфузории, видимые в микроскоп, ведут такое же суетливое существование.*

*Никому не приходило в голову, что человечеству может грозить опасность...»*

**Герберт Уэллс «Борьба миров», 1898 год**

**В**ЕСЬ мир — театр. Люди в нём одновременно и актёры, и зрители. Причём, сидя в зрительном зале, мало кто имеет представление о том, что творится за кулисами. Если бы публика увидела режиссёров-постановщиков, костюмеров и декораторов, познакомилась бы с ними поближе и поняла, как готовятся исторические трагедии, — для каждого это стало бы шоком.

Этому метафорическому открытию много лет. Но ни великий Шекспир, ни малоизвестный Хауз не догадывались, как ясно и правдиво предсказали они будущее. Они увидели огромный зал, вместивший в себя больше половины существующих в мире государств, увидели в партере и на галёрке суетных зрителей, нетерпеливо ожидающих, когда же поднимется занавес. Из-за кулис, с другой стороны, с обратной, показали нам сцену, по которой ходят пока ещё

живые «вещи в себе» — актёры, вошедшие в образы, молчаливые и сосредоточенные, как солдаты перед смертным боем.

Последний звонок. Сейчас актёры выйдут на подмостки. Начнётся представление, и никто не ведает, сколько оно продлится, кто победит, а кому из действующих лиц начертано пасть в жестоком сражении. Ни зрители, ни актёры не знают, какой будет финал. Ещё утром они с безграничным самодовольством сновали «взад и вперёд по земному шару, занимаясь своими маленькими делами, в счастливой уверенности в своём господстве над материей». Но вот накрыли сумерки планету, пришёл смиренный вечер. А наступит ли новое утро, прописано ли оно в адском сценарии — никто не в курсе. Потому что сегодня — при полном аншлаге — играется главный спектакль театрального сезона. Он называется — «Первая мировая война».

Как только погаснет свет, зрителей начнут со сцены убеждать, что война была предreshена исторически. Человечество вступало в новую эпоху, где не осталось места монархиям, и четыре крупнейшие империи в Европе — Османская, Германская, Российская и Британская — должны объективно исчезнуть, уступить выборной демократии и парламентаризму. Сами монархи тоже чувствовали близкий конец, потому и ссорились напоследок. Достаточно оказалось зажжённой спички на Балканах, чтобы Германия с Австро-Венгрией раздули мировой пожар.

Всё так — и не так. Началась эта страшная бойня, унёсшая миллионы жизней, не с убийства эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве. Покушение на австрийского престолонаследника было лишь поводом, случайностью. А закономерность определялась тщательно спланированной политикой одного-единственного государства — Соединённых Штатов Америки.

Этому государству всего двести пятьдесят лет от роду. Успело вырасти лишь два поколения белых первопоселенцев, как власть имущие официально заявили: «Попытки

европейских держав распространять свою систему на любую часть Западного полушария будут рассматриваться как представляющие угрозу нашему миру и безопасности».

Сам президент Джеймс Монро утвердил исключительное право белых американцев на любые земли огромного континента. Для начала они жёстко разобрались с теми, кто сопротивлялся: свыше миллиона индейцев были изгнаны с родных земель и безжалостно убиты, а рабский труд несчастных негров будет потом процветать ещё целое столетие. В 1898 году доктрина Монро начала действовать и против европейцев. Разгром «непобедимой армады» Испании стал сигналом старушке Европе: так будет с каждым.

Сильная Америка с каждым годом становилась всё сильнее. Она больше не хотела воевать на своей территории. Отныне планета казалась Соединённым Штатам бумажной картой, которую можно как угодно резать и перекраивать. Лишь одного теперь опасался Белый дом: что страны Восточного полушария объединятся против Америки. И потому Запад делал всё, чтобы столкнуть их между собой на тропе войны...

То, что произойдёт на сцене театра военных действий, многие сочтут излишне жутким, кровавым и даже неправдоподобным. Но так было. А может, лучше сразу заглянуть за кулисы? Пусть зрители познакомятся с режиссёром-постановщиком, пусть своими глазами увидят, как планировался и репетировался этот страшный спектакль.

Итак, представление начинается. Занавес!

# ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

## Закулисье:

### «Должен же быть порядок!»

*«Эти смутные времена могут породить новый мировой порядок, который и есть наша общая цель. Новый мировой порядок — это новая эра, более сильная в стремлении к справедливости и более безопасная в стремлении к миру. Этот новый порядок совершенно не похож на тот, что мы знали раньше...*

*Испытание, с которым мы сталкиваемся, велико, как и ставки. Америка и мир должны защищать общие жизненно важные интересы — и мы это сделаем. В достижении этой цели нас не запугать. Недавние события доказали, что американскому лидерству нет замены...*

*Чтобы мы могли лидировать, Америка должна оставаться сильной и жизнестойкой. Наше мировое лидерство и внутренняя сила взаимно усиливают друг друга. Наши интересы имеют далеко идущие планы...*

*Мир по-прежнему опасен — теперь это ясно. Стабильность ненадежна. Но американцы традиционно объединяются во времена невзгод и испытаний. И сегодня снова американцы вышли вперед, чтобы со слезами попрощаться со своими семьями перед отъездом на чужой и далёкий берег. В этот самый момент они встанут вместе с арабами, европейцами, азиатами и африканцами в защиту принципов и мечты о новом мировом порядке».*

**Из речи 43-го президента США Дж. Буша-ст. на заседании Конгресса 11 сентября 1990 г.**



## КАРТИНА 1-я

### Больше трёх не собираться?

*Действующие лица:*

- ✓ **Генри Адамс** (1838—1918) — дипломат, историк, старший брат Брукса.
- ✓ **Брукс Адамс** (1848—1927) — американский юрист, историк, политолог, критик капитализма.
- ✓ **Альфред Мэхэн** (1840—1914) — военно-морской теоретик, один из основателей геополитической концепции, контр-адмирал (1906) в отставке.
- ✓ **Теодор Рузвельт** (1858—1919) — президент США в 1901—1909 гг., дальний родственник (и дядя по жене) Франклина Рузвельта, президента США в 1933—1945 гг.

*Место действия* — дом на окраине Нью-Йорка.

*Время действия* — конец лета 1898 года.

**Автор** (из-за кулис): Стало аксиомой, что Первая мировая война началась после убийства австрийского престолонаследника Франца Фердинанда в боснийском Сараеве. Но это был лишь повод для начала боевых действий. Планировалась война не в генеральных штабах, а в домах, где собирались добропорядочные джентльмены и под разные напитки лепили идеологию верховенства Соединённых Штатов над прочим миром. До Первой мировой оставалось пятнадцать лет. Но в белом доме на окраине Нью-Йорка — как и во многих других белых домах Америки — уже решали судьбу миллионов людей: кому жить, а кому погибнуть во славу заокеанских властелинов мира.

**В** СКОРЕ после окончания испано-американской войны флотский капитан Альфред Мэхэн пригласил самых близких друзей к себе домой на вечеринку. Пришли два брата Адамса, старший Генри и младший Брукс, а также собирающийся баллотироваться в губернаторы Нью-Йорка Теодор Рузвельт.

Они давно знали друг друга, и в этот тёплый вечер разместились на закрытой веранде, куда из сада залетали чудесные ароматы катальпы и созревших цитрусов. И пока хозяин дома встречает и рассаживает гостей, есть время рассказать о каждом из них подробно.

*Генри Адамс* — самый старший в этой компании, ему уже шестьдесят, он профессор Гарварда, известный в стране учёный, автор многотомной истории США. Родился в богатой многодетной семье. Фамилия Адамсов в течение двухсот лет играла в Америке очень важную роль. Настолько важную, что многие американцы к концу XIX века искренне верили: семейка Адамсов, взрастившая двух президентов и десяток конгрессменов, берёт начало от библейского Адама.

Маленький Генри отставал от братьев в росте и весе. Он не участвовал в силовых состязаниях мальчишек, драки наблюдал из окна, ненавидя победителей и презируя побеждённых. Без конца торчал в библиотеке своего именитого деда, работавшего президентом страны, рылся в книгах, залезал в ящики письменного стола, шарил по старым кошелям — словом, искал себя, своё предназначение в этой жизни.

Никогда ему не пришлось никому объяснять, кто он такой, никогда не понадобилось искать знакомств с людьми, которые упрочили бы его место в обществе или помогли материально. Генри был абсолютно равнодушен к деньгам, полагая, что ценность человека не исчисляется в долларах. Он привык всё подвергать сомнению, не был эстетом или моралистом, никогда не позволял себе переступить черту, но при этом считал себя бунтарём. Он перестал молиться и

ходить по воскресеньям в церковь, заразившись дарвинизмом. Утверждал при этом, что он — не атеист, но и не теист. Занимался многими прикладными науками, ощущая себя более философом, чем историком. Короче, ему с детства нравилось быть наблюдателем по жизни.

Когда мальчику исполнилось двенадцать, отец поставил для него письменный стол в одной из ниш своей библиотеки, и, сидя за книгами, Генри слушал, как четверо мужчин всерьёз спорят о том, какой тактики лучше придерживаться в борьбе с рабством. Четверо собравшихся джентльменов были государственными деятелями, они оказывали огромное влияние на общественное мнение, оно же на них не влияло никак. С тех пор Генри Адамс участвовал в дискуссиях лишь тогда, когда за стол садились четверо.

Пять лет после учёбы в Гарварде он работал личным секретарём у посланника США в Британии (посланником был его отец). Потом изучал разные гуманитарные науки в университетах Европы, корреспондировал с ведущими мировыми изданиями, причём его статьи всегда отличались основательностью и оригинальностью.

Его не называли «высоколобым деятелем», неким таким «ботаником». Генри был умён, все вокруг восхищались его глубокими знаниями, своеобразным видением мира, беспристрастными суждениями и точными прогнозами. Неудивительно, что его пригласили возглавить кафедру истории в Гарварде, где он быстро стал одним из лучших профессоров.

К шестидесяти годам Генри Адамс объездил полмира. Впервые за много лет приехав в родительский дом, он с удивлением обнаружил, что у них с младшим братом Бруксом много общего, их волнуют одни и те же проблемы. Младший брат только что написал и опубликовал интереснейшую книгу «Закон цивилизации и упадка».

Эта книга успела наделать шуму во всех американских штатах. Генри прочитал её за ночь, не отрываясь, с полным восторгом. И когда брат сообщил ему, что капитан Мэхэн

приглашает их обоих к себе на вечеринку, с удовольствием согласился. Тем более что узнал: джентльменов будет четверо — без дам, без галстуков, без слуг.

*Брукс Адамс* тоже окончил Гарвард. К пятидесяти годам стал известным публицистом, серьёзным историком. Как и брат, он плохо вписывался в атмосферу высшего света. Как и Генри, он привык обходиться аудиторией из одного слушателя, проговаривая перед зеркалом очередные главы своей книги.

Он открыл закон, согласно которому любая цивилизация следует интересам торговых отношений. Брукс также подробно описал, как центр человеческой силы на протяжении веков последовательно перемещался с востока на запад — по мере роста населения и технических открытий. Сегодня центр достиг берегов Америки. Но всё в мире находится в состоянии неустойчивого равновесия, постоянно стремясь к стабильности и обретая её в новом месте и в новом качестве. Так что глобальных перемен ждать недолго осталось. Такой вот неутешительный прогноз сделал Адамс-младший в своей книге.

Десять лет Брукс потратил на изучение этой темы и, столкнувшись с повседневной действительностью, заключил, что она парадоксальнее любого парадокса. Жизнь за окном его кабинета ломала все формулы и расчёты, а темп изменений выходил за пределы человеческого понимания.

Он открыл ещё один парадоксальный закон: дисгармония между трудом и капиталом в конечном итоге приведёт не к коллективизму, а к социальной анархии. Исходя из этого, Брукс заявил, что американская демократия обречена на деградацию и разложение. Он даже точную дату назвал: через сто лет, на рубеже веков, Соединённые Штаты войдут в фазу упадка, а центр силы переместится в Россию и Китай.

Этот крамольный прогноз заинтересовал старшего брата, и Генри предложил подробнее обсудить тему на вечеринке у Альфреда Мэхэна. Профессор Гарварда снова по-

чувствовал себя бунтарём. Не стал он Бруксу напоминать, что их предок, будучи президентом США, принял закон о «подстрекательстве», который предусматривал тюремное заключение за критику правительства. Нет, это им не грозило, ибо члены семейства Адамсов и тюрьма — две вещи несовместные.

*Теодор Рузвельт* давно знал книги Брукса и его лично. Они оба интересовались политикой и ходили в один кружок в середине семидесятых годов. А с его старшим братом Теодор познакомился уже в Гарварде, став студентом университета, а Генри Адамс считался тогда одним из самых популярных и любимых преподавателей.

Несмотря на большую разницу в возрасте, в чём-то их детство оказалось похожим. Маленький Тедди тоже рос болезненным, слабым и близоруким. Но Генри нашёл спасение в книгах, а Теодор стал заниматься боксом, потом борьбой, плаванием и прочими видами спорта. Да так активно принялся за это дело, что однажды в баре нокаутировал вооружённого бандита, который обозвал его четырёхглазым. И позже, даже когда стал президентом, Тедди предлагал всем подчинённым на ринге решать, кто прав. На тренировках в качестве спарринг-партнёров доведётся побывать его сыновьям, секретарям, министрам, иностранным послам и даже... посетителям. И так длилось годами, пока не попался серьёзный партнёр, который чуть не выбил президенту глаз.

Принцип «Бей первым, Тедди!» немало помог ему, когда он поступил на службу в полицию. Рузвельту не было и тридцати, когда он стал членом республиканской партии, женился. Всё складывалось успешно в его жизни. И вдруг всё рухнуло: в один день умерли жена и мать. Он уехал от городского шума на ранчо, стал ковбоем, рейнджером и даже побыл там заместителем местного шерифа. Писал статьи, издавал книги, которые успешно принимала столичная публика, так что по возвращении в город его тут же избрали председателем совета полицейских уполномоченных Нью-Йорка.

Неуёмная энергия толкала его вверх. Тедди карабкался по служебной лестнице со скоростью опытного пожарного. Снова получив жетон, он решил в одиночку покончить с молчаливым сговором полиции и преступного мира. Надвинув на глаза шляпу и прихватив дубинку, комиссар Рузвельт по ночам отправлялся в городские трущобы проверять работу патрульных, их неподкупность и оперативность. Последующие увольнения и аресты наделали столько шума, что очень быстро он стал начальником городской полиции, а спустя ещё недолгое время — помощником министра военно-морского флота США.

Вот тогда-то Теодор Рузвельт и познакомился с флотским капитаном Альфредом Мэхэном, своим предшественником в министерстве. Его книги Теодор не просто читал, он ими зачитывался. А про главный труд Мэхэна «Влияние морской силы на историю» сказал: «Это очень хорошая книга, и я здорово ошибусь, если она не станет военно-морской классикой». Естественно, он тогда не знал, что германский император Вильгельм II высказался о ней похоже: «Я буквально поглощаю эту книгу, стараясь выучить её наизусть». Доктрина морской силы, сформулированная Мэхэном, интересовала тогда многих. А Теодор написал Альфреду письмо, в котором объявил себя глашатаем этой доктрины — на этой почве у них мигом завязалась дружба.

*Альфред Мэхэн* ещё при жизни получил известность и статус мирового классика. По собственному желанию он пошёл учиться на морского офицера, но очень быстро понял, что совершенно не обладает качествами, необходимыми для флотского командира. Альфред не пользовался авторитетом на корабле, его часто критиковали за некомпетентность и нерешительность, и тогда он запирался в каюте, глотая книги по истории и готовя рефераты неизвестно для кого.

Мэхэна флот не любил, но это был слабый флот, а он мечтал о сильном. Когда вышла его книга о морской силе, он самолично разослал почти весь тираж офицерам, чиновникам и известным политикам. Уж очень хотел привлечь

внимание общественности к морским делам, к тому пути, который способен сделать Америку самой сильной державой в мире.

После ошеломляющего успеха его книги Мэхэн решил уйти в отставку, чтобы и дальше развивать свою доктрину. Но в 1893 году был назначен командиром флагманского крейсера «Чикаго». Видимо, начальство посчитало, что это лучшая награда для теоретика. Однако и на крейсере спасительным местом от грозных окриков командующего эскадрой стала для Мэхэна тесная каюта, в которой рождались новые идеи и новые книги.

Оказалось, что в европейских портах, куда заходили корабли американской эскадры, автора доктрины знали и встречали с большим почётом, чем командующего. Вернувшись в Соединённые Штаты, Альфред Мэхэн сошёл с корабля отставным капитаном (адмиралом он станет через десять лет), купил шикарный белый дом с колоннами недалеко от гавани и, обустроившись, решил позвать на вечеринку друзей-единомышленников.

— Джентльмены, очень рад вас видеть! — капитан Мэхэн встретил братьев Адамсов на крыльце. — Спасибо, что приехали! Прошу в дом, Теодор уже там.

Рузвельт на веранде как раз наливал кофе в гигантскую чашку, которая даже в его руках казалась ведёрной.

— Мо-лод-цы, братья! — весело заорал он. — Вчетвером мы быстренько наведём порядок в стране! Мы же — мозги нации, её будущее!

— Каждый сам себе выбирает аперитив, — улыбался довольный хозяин. — Я буду пить белый ром. Думаю, и Теодор тоже, он ведь только что вернулся с Кубы, командовал на войне полком и даже был ранен. Так, Тедди?

— А что мне оставалось делать? — прорычал тот, прихлёбывая из своей кружки. — Мой отец когда-то откупился от войны, я не мог поступить так же, не хотел походить на него ни внешне, ни внутренне. И я приветствую практически любую войну, так как считаю, что наша страна

нуждается в таковой. А насчёт рома — согласен, это нормальный мужской напиток...

Брукс налил себе бурбон-айс, Генри выбрал мальтийский херес.

— Ну, друзья, за победу Америки над испанской армадой! За новые земли — Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам и Кубу! За нашу победу!

— Боже, тебе мы отдадим свои жизни, а ты береги Америку, мать нашу, храни её, храни!

Стали рассаживаться. Роскошный стол, лакированная столешница из спилов огромной секвойи.

— Тедди, садись между братьями — будешь желание загадывать!

— У меня желание одно: победить нынче на выборах. Если стану губернатором — значит, это Адамсы помогли, тогда подарок за мной.

— А вы по-прежнему республиканец? — повернулся к нему Генри Адамс.

— Дорогой мэтр, если вы намекаете на свою книгу «Демократия», то я её читал. И даже не вырывал из неё страниц, как обычно делаю, если что-то не нравится. Но я не думаю, что республиканская партия чем-то хуже демократической, не вижу большой разницы.

— Раньше я был уверен: кто в двадцать лет не демократ, из того ничего не выйдет; но не лучше и тот, кто в сорок лет всё ещё демократ.

— Так раньше вы и в бога не верили! Колебались между атеистом и теистом! Это потому, уважаемый профессор, что вы не были на войне. Там атеистов не бывает! Но не за тем мы собрались здесь, чтобы пикироваться. У всех налито? Предлагаю тост за великого Джона Куинси Адамса, автора доктрины Монро, за вашего дедушку, Генри и Брукс!

— Благодарю! — профессор чокнулся со всеми и почему-то вспомнил. — Дед на Рождество дарил нам с братом по Библии. И каждый раз надписывал: «Дорогому внуку от



президента Соединённых Штатов Америки». Брукс, у тебя не осталось ни одной? Нет? У меня тоже...

— Джентльмены, мы сегодня собрались как раз для того, чтобы объявить новую доктрину, точнее внести поправки в доктрину Монро. В ней говорилось о главенстве нашей страны над Западным полушарием. Прошло семьдесят пять лет. Победа над Испанией показала, что сегодня Америка поднялась по-над всеми и её влияние должно перейти на Восточное полушарие. Там у нас главные соперники. Адамс-младший точно в своей книге указал, кто именно в будущем станет нашим врагом: Россия и Китай. Но это случится через сто лет, а пока нам нужно разобраться с монархами Европы: германским, британским, российским и османским. Прочая царствующая мелочь — не в счёт...

Мэхэн говорил чеканно и собранно, словно спящий в нём командир боевого крейсера наконец-то проснулся и отдаёт экипажу приказ «К бою!».

— Bravo! — поигрывая кофейной кружкой, пробасил Рузвельт. — Речь не мальчика, а стального гиганта. И начать нам нужно с Фарерских островов, я давно на них смотрю. Надо показать, что ни одной европейской державе, особенно Германии, не будет разрешено создавать там плацдарм, придя на замену какой-либо слабой стране, типа Дании. Географически острова далеко, а стратегически и политически — переоценить их невозможно.

— Дело даже не в географии и не в политике, — голос капитана Мэхэна стал ещё жёстче. — Это должно быть нечто среднее. Геополитика — вот так! Под этим словом я понимаю контроль Соединённых Штатов над любой территорией. Контроль, который подразумевает перераспределение морской силы и любых центров силы, — естественно, в нашу пользу. Джентльмены, у кого есть что сказать? Прошу!

Капитан посмотрел на старшего Адамса, и Генри начал:

— Я не сторож брату своему, но полностью согласен с его оценкой России. Это малоизученная стихия, которая за

последние полтора века вызывала все главные перемены в мире. В грядущем останутся две великие державы, и первой достигнет высот Америка. Но пройдут десятилетия, и Россия поглотит даже её. К счастью, это случится уже не при моей жизни...

Профессор окинул всех ироничным взглядом и, увидев, как поникли друзья за столом, продолжил:

— Сегодня Россия вся насквозь прогнила и вот-вот рассыплется. Она сошла с ума и семимильными шагами движется к переменам. Это опасно для нас. Серьёзные беспорядки в этой стране могут смести весь цивилизованный мир. Если б можно было крах России задержать лет на пятьдесят, это стало бы нашей победой, лучшим американским капиталовложением. Пусть хаос будет у них, а нам нужен порядок...

Помолчал с полминуты, отхлебнул хереса из бокала и добавил:

— Доктрине американского лидерства угрожает непреодолимость русской инерции. Эта инертная масса представляет три четверти рода человеческого, я не говорю уже обо всех прочих богатствах России. Так что я согласен с Альфредом и Теодором — нужна война. Более того, великая война неизбежна. Нам нужно столкнуть между собой ведущих европейских монархов. Но пока Россия сильнее Германии. Поэтому лучше зайти с другой стороны: пусть Япония нападёт на русских, пусть станет их врагом. А нам надо запомнить: враг нашего врага — наш друг. С войны между Россией и Японией начнётся переход к самому важному сражению, и играть в секретность или безразличие сейчас просто нелепо, а вступать в войну в самом её начале — ещё нелепее...

— В этом и скрыт парадокс всех войн: воюют одни, а побеждает тот, кто в нужное время вступает в последнюю битву! — подал голос Адамс-младший. — Сегодня нам принадлежит Западное полушарие, а завтра будет принадлежать весь мир!

— Брукс — ты гений, парадоксов друг! — засмеялся Рузвельт. — Когда я стану президентом, пойдёшь ко мне советником?

— По дереву постучи! А станешь президентом — зови! Пойду, конечно. Давненько я не был в Белом доме...

— Вы, братья Адамсы, правы, — Рузвельт по очереди посмотрел на них. — Я тоже предвижу громадную будущность России. Конечно, ей придётся пройти через известные встряски и, может быть, тяжёлые потрясения, но всё это пройдет, и после того Россия воспрянет и сделается оплотом всей Европы, самой могущественной, может быть, во всем мире державой...

— Мне не так давно довелось подружиться с одним парнем, — продолжал улыбаться Рузвельт. — Он занимается в Техасе предвыборными кампаниями. Эдвард Хауз, полковник. Наш человек. Он сказал мне важное: «Заглянув за кулисы политической жизни, я понял одно: лишь двое-трое в Сенате плюс президент действительно правят страной, все остальные — подставные фигуры». Это я к тому, что геополитика капитана Мэхэна — это наша цель и наша победа. Мир всегда был, есть и будет полем битвы. Но Америка на это поле должна выходить из тени деревьев лишь тогда, когда сил у воюющих не останется. Война чужими руками — вот в чём суть новой доктрины!

— Есть в нашем словаре хорошее слово *проху*, — раздумчиво заметил Брукс Адамс. — Обратимся к семантике. Это слово означает «полномочие». Мы не должны рисковать, полномочия нужно передавать другим! Пусть будут прокси-войны, прокси-образование, прокси-услуги — и при этом пусть всё остаётся в наших руках!..

— Только, передавая полномочия, нельзя забывать о наращивании собственной военной мощи, — перебил брата Генри. — Меня, например, очень греет доктрина морской силы, считаю это гениальным открытием Альфреда Мэхэна. Давайте выпьем за хозяина!

Все чокнулись, а Генри снова открыл рот.

— Вспомним великого Авраама Линкольна: «Америка никогда не падёт от внешнего вторжения; если это и произойдёт, и мы лишимся свободы, то лишь по собственной вине». Вот что он завещал. И мы должны уметь защищаться должным образом. Альфред пишет в своей доктрине: «Оборона своих берегов начинается у берегов противника». Золотые слова! Мы создадим крупные военно-морские базы в обмен на независимость мелких государств — как на Кубе. Так и только так мы победим! Не торопясь, ползком. Медленный экспансионизм — залог победы и порядка...

— Да, новые времена требуют нового порядка, — сделав солидный глоток рома, согласился Рузвельт. — Хаос нам не нужен. Любой народ, который ведёт себя хорошо, может рассчитывать на нашу дружескую помощь. Мы с трудом сплотили страну, и теперь Америка непобедима. Если и наши враги объединятся, нам сложно будет их одолеть. Главное — не дать России связать в клубок свои разношёрстные народы. Если мы не дадим русским объединиться, то потом ни один человек не посмеет сказать, что мы, американцы, тупые. А русские тогда сами себя погубят. Сегодня они пред американцами — маленькие ребяташки...

— Друзья! — поднял рюмку Мэхэн. — Я очень рад, что здесь собрались единомышленники. Нас на самом деле не четверо, а намного больше. В каждом штате Америки есть такие же люди и такие же центры силы. Ведь мы единственная в мире страна, обладающая мощью, способной вести за собой. Время выбрало нас, нам доверено напомнить миру о доктрине Монро и расширить её действие на восток. Эта доктрина станет материальной силой, но лишь тогда, когда она овладеет сознанием миллионов американцев...

— Только пусть не считают нас законченными милитаристами, — проворчал Генри Адамс. — Пусть все думают, что войны раздувают банкиры-миллиардеры! Они и сами поняли давно, что лучше купить политика, чем золотой прииск.

Все заулыбались.

— Это правильно! Пусть на банкиров думают. Ведь не каждый поймёт, что цели у нас разные. Им что мир, что война — лишь бы выгода была. А нам нужна геополитика. Выпьем — за геополитику, за прокси-экспансию, господа!

Потом Мэхэн предложил:

— Джентльмены, тост — за неформальный обмен мнениями четырёх мужчин, которые держат в руках своих судьбу нации!

Выпили за себя.

— Теперь за президента Мак-Кинли! Предлагаю стоя!

— А родина милей! — захмелевший Брукс пытался поднять старшего Адамса. — Ми-лей, запомни это слово, брат мой Генри!

Пили стоя за родину, за процветание Америки, за новый порядок на земле. Было много других тостов, хороших и разных.

...Уже стемнело, когда Альфред Мэхэн вызвал по телефону авто. Генри и Брукс стали собираться, они ещё успевали на ночной поезд.

Мэхэн и Рузвельт провожали их у крыльца.

— Цели ясны, задачи определены — за работу, господа! — махали шляпами довольные братья.

Автомобиль скрылся в темноте.

— Первое что я сделаю, когда стану президентом, — Рузвельт постучал ногтем по деревянным перилам. — Наведу порядок, объявлю войну монополиям, Брукса возьму в советники и внесу поправки в доктрину Монро.

Мэхэн ухмыльнулся:

— Ох, уж эта семейка Адамсов!

**Автор (из-за кулис):** После убийства Мак-Кинли Теодор Рузвельт стал президентом, взял в советники Брукса Адамса и объявил войну монополиям. В то время миллиардер Дж Пи Морган контролировал 70% сталелитейной промышленности и 60% железных дорог в стране. «Мистер

президент! — сказал он, явившись в Белый дом. — Если вы недовольны моим бизнесом, я готов что-то поправить». Рузвельт ответил: «Мистер Морган, я не хочу поправлять ваш бизнес, я хочу его остановить». Так с первого дня своего президентства он показал, кто в доме хозяин. «Банкиры могут вкладывать свои деньги куда угодно, есть у них такая возможность, — говорил Теодор Рузвельт. — А у нас зато есть право показывать им, куда именно они должны вкладывать. И кому теперь не ясно, что весомее, — возможность или право?».

## КАРТИНА 2-я

### И грешный ангел, и надменный бес...

*Действующие лица:*

✓ **Сэмюэль Адамс** (1832—1922) — правнук Джона Куинси Адамса, президента Соединённых Штатов Америки в 1825—1829 гг., чиновник Белого дома высшего ранга.

✓ **Джон Куинси Адамс** (1767—1848) — 6-й президент США, сын 2-го президента Соединённых Штатов, посол США в России в 1809—1814 гг., основной автор доктрины Монро.

✓ **Уильям Мак-Кинли** (1843—1901) — президент Соединённых Штатов Америки в 1897—1901 гг.

✓ **Майкл Шлаффентох** (1890—1971) — внучатый племянник Сэмюэля Адамса.

*Место действия* — Гуантанамо, Куба.

*Время действия* — перед Первой мировой войной.

**Автор** (из-за кулис): Зависть — это, пожалуй, самая страшная черта в характере людей. На почве зависти совершаются преступления не только против личности, но и против целого государства. Так и рождаются войны: из-за понравившихся земель или её недр, из-за уровня жизни или уклада её, из-за кровной мести или желания обогатиться. Зависть разрушает духовность, не говоря уже о морали. Она обязательно порождает в людях убеждённость в собственном превосходстве и тупую агрессивность.

ЭТОТ ДОМ на окраине небольшого кубинского городка Гуантанамо достался Сэмюэлю Адамсу сразу после разгрома Испании. Собственно говоря, он лично и придумал, как начать и быстро победить «непобедимую армаду». Даже не флот интересовал тогда Америку, а земли испанские, в частности Куба. Сэмюэль ещё в Вашингтоне считался специальным представителем президента Мак-Кинли и по его поручению руководил сверхсекретной операцией, которую сам и разработал в деталях.

Идею подсказал некий вольнонаёмный механик по фамилии Дженикс. Этот англичанин служил одно время на судостроительной верфи во Флориде, проектировал трюмные помещения на броненосцах и яростно спорил с главным конструктором. Он утверждал, что размещать пороховые погреба рядом с котлами опасно, никакие переборки не спасут, если угольная пыль детонирует, ведь она не хуже пороха горит. Спорщика уволили, и он уехал домой.

А идея была — то, что нужно. Дженикса быстренько вернули в Таллахасси, и Сэмюэль Адамс подробнейшим образом допросил его в своём кабинете во Флориде. Англичанин показал свои расчёты, дал подписку о неразглашении, и отправили его на броненосном крейсере «Мэн» в Гавану с дружественным визитом.

Всё получилось, как по нотам. Команду набрали в основном из негров, офицеров и механиков отпустили в увольнение на берег, и вечером 15 февраля 1898 года крейсер «Мэн» взлетел на воздух. Мощным взрывом оторвало нос корабля, и он мгновенно затонул на виду у сотен горожан.

Президент Мак-Кинли заявил в Конгрессе США:

— Потеря «Мэна» ни в коем случае не была результатом небрежности со стороны офицеров или членов команды. Корабль был разрушен подводной миной, которая вызвала взрыв котлов и носовых складов с боеприпасами. Всю ответственность за гибель наших моряков и боевого крейсера должна нести Испания, так как это случилось в её территориальных водах...



Назавтра была война. Через сто дней Штаты получили Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуам. Испания оплатила также расходы США за нападение на саму себя — двадцать пять миллионов долларов. Новой власти на Кубе было сказано: «Станете жить, как скажем, а за это мы дарим вам независимость». Чтобы кубинцы не сомневались, что бесценный подарок американцев сделан от чистого сердца, по всему острову разместились военные форты США.

Президент Мак-Кинли пожимал руку своему спецпредставителю:

— Прими и ты подарок от меня, Сэм. Дворец в Гуантанамо отныне твой. Кокосы, водопады, морские террасы — это самый райский рабочий кабинет на свете. Тебе понравится!

В 1912 году, как раз к восьмидесятилетию Сэмюэля Адамса, ремонт дома был закончен, и он перебрался сюда навсегда. Изредка навещался в город, играл там в казино, рыбачил с лодки в заливе, много читал. Потом всё наскучило ему, приказал построить у бассейна крытую беседку, поставил в ней телефон, стол, сейф с деловыми бумагами — и началась работа. Как и раньше в Вашингтоне, в новый кабинет стала стекаться информация со всех концов света, отсюда благодушные пожелания от ветерана Белого дома разлетались уже жёсткими приказами.

Старик Сэм выписал из Европы помощника. Случайных людей ни в охране дома, ни среди слуг не могло быть, так что понятно: Майкл — не просто помощник, он его внучатый племянник, заместитель и будущий спецпредставитель. Дядя оплачивал учёбу Майкла в лучших европейских университетах, выбирал ему курсы и предметы, необходимые в будущем дипломату. И теперь решил потихоньку вводить его в курс дела.

— Малыш, тебе родители рассказывали когда-нибудь про нашего героического предка?

Сэмюэль потягивал кокосовое молоко, глядя, как молодой человек выходит из бассейна. Майкл уже успел загореть — он

прекрасно сложен, этот широкоплечий голубоглазый блондин. «Совсем как я каких-то шестьдесят лет назад», — с гордостью больше за себя, чем за племянника, подумал старик.

Майкл улыбнулся ему и, вытираясь махровым полотенцем, стал устраиваться в кресле-качалке напротив.

— Нет, дядя Сэм, я с удовольствием послушаю.

— Знаешь ли ты, что наш предок, до того как стать президентом любимой нашей Америки, работал послом в далёкой России? — каким-то надменным речитативом начал ветеран. — Не знаешь? Тогда слушай...

Это было сто лет назад. Осенью 1809 года Джон Куинси Адамс прибыл в Санкт-Петербург, вручил российскому императору верительную грамоту и сразу чем-то понравился Александру Первому. Наверное, честностью, ведь он откровенно рассказал, что имеет инструкцию договориться о вечном мире и дружбе между США и Россией.

Они подружились. Император ввёл его в свет, познакомил со всеми высшими чиновниками. Больше всех американскому послу понравился граф Гурьев, про которого рассказали смешной случай. Когда Гурьева утверждали министром финансов, император лично поднёс ему на целование икону, а граф выкусил из её оклада самый крупный бриллиант и унёс его за щекой.

Жить американцу приходилось в реально непривычных условиях. Он потом мемуары оставил, где написал: «Здесь официальные лица тратят намного больше, чем позволяет их жалованье, многие никогда не возвращают долгов, их источники дополнительных доходов у нас считались бы бесчестными. Жить экономно тут считается непристойным».

В первые дни не обходилось без конфузов. Как-то русский император увидел Джона К. Адамса без перчаток и удивился так, «словно застал на паркете босого человека». В мемуарах Адамс так и записал: «Дворец был рядом, и мы с секретарём пошли пешком. Только появились, а все уже за спиной шепчутся: “Пеш и бос, какой ужас!” Оказывается, перчатки и варежки (зимой) — это обязательно в Россий-

ской империи. Пришлось купить и нам в ущерб семейному бюджету».

— Ничего себе! — воскликнул Майкл, перестав качаться в кресле. — А я думал, мои предки всегда были богаты!

— Малыш, они были президентами, имели власть, но не стремились стать богатыми, — всё так же медленно и чеканно поучал старый Сэмюэль молодого помощника. — Вот ты хочешь стать миллионером? Мечтаешь разбогатеть на бирже? Признайся — грешен?

— Конечно, дядя Сэм!

— Об этом мечтает большинство, люди работают день и ночь, думая только об одном — поскорее повесить себе на шею табличку «У меня есть миллион». И с ней они идут на биржу и тут видят, что у каждого второго на груди написано «У меня два миллиона», а у некоторых вообще «Три миллиона», «Четыре, скоро будет пять»...

Старик хотел ещё что-то добавить, но зазвонил телефон.

— Я должен вас учить, что ли?! — с минуту послушав, повысил голос дядя Сэм. — Дайте ему денег!

На том конце, видимо, сказали, что пытались. Дядя Сэм отчеканил:

— Если я говорю «дайте ему денег», значит, надо дать столько денег, что он ни смог бы отказаться!

Он положил трубку, что-то черкнул в блокноте и продолжил:

— Деньги и власть — разные вещи, малыш. И власть, поверь, дороже денег. Торговать на бирже скоро смогут и роботы. А люди останутся. Что бы ни случилось на Земле, кто-то всё равно уцелеет. Пусть погибнет миллиард или даже два, но те люди, которые сейчас управляют всем и всеми, так и останутся наверху...

— А русские послы у нас так же бедствуют, как прадед Джон Адамс? — молодому помощнику захотелось вернуть разговор в прежнее русло.

— Не сказал бы! — улыбнулся дядя. — Не прошло и двадцати лет с той истории, как в Вашингтон прибыл посланник

из России, барон Александр Бодиско. И что удивительно — они встретились! Наш предок уже успел послужить родине в президентском кресле, потом был избран в палату представителей и уже в качестве депутата бывал в доме барона Бодиско. Тот жил на широкую ногу — и это мягко сказано. Каждый день приёмы, торжества, бесконечные праздники. Газеты писали: «Кто в Вашингтоне имеет самый большой дом, угощает лучшими обедами, устраивает великолепнейшие балы, развлекает чаще и лучше других? Ответ один: это русский посланник». Кстати, его все любили, называли «дядя Саша»...

— Да кто он такой? Откуда взялся? — удивился племянник, снова замерев в кресле-качалке.

— Он сын банкира и имел, конечно, немалый капитал. Но была ещё одна причина: он влюбился. В соседскую девочку шестнадцати лет. Посланнику огромной империи шестой десяток стукнул, и он носит её книжки-тетрадки из школы — ты можешь в это поверить?

— Разве это морально, дядя?

— Он делал всё корректно, пристойно. Сватался официально, с богатыми подарками. И не уставал при этом повторять, что Соединённые Штаты — единственный друг, на которого Россия может положиться. Короче, на его свадьбе был почти весь политический бомонд США, а президент даже устроил в Белом доме большой обед в честь молодожёнов.

— Дядя, ты, похоже, одобряешь такой мезальянс?

— Мне бы не хотелось, чтобы ты когда-нибудь так же безрассудно потерял голову. Она нужна нам для иных дел, малыш. Признаюсь, всегда женщины интересовались мною, а не я ими. Вот и ты живи так же. Сами придут и всё дадут. Кстати, та пара жила счастливо, пятеро детей у них было. Когда «дядя Саша» умер, впервые в истории прервали заседание Конгресса: сенаторы ушли на похороны. Мне тогда было столько же лет, сколько тебе сейчас, и я тоже ходил на кладбище.

— Даже не верится, что у нас когда-то были дипломатические романы с Россией...

— Прадеда нашего уже не было на свете, но именно он заложил основы для таких оригинальных отношений с этой богатой страной. Если б не Джон Куинси Адамс, вряд ли бы русский император Александр Второй послал в поддержку Аврааму Линкольну две эскадры военных кораблей. А ведь если бы не эта помощь, Соединённых Штатов сегодня могло бы и не быть.

— А когда всё изменилось в наших отношениях с русскими? — Майкл смотрел на босса благоговейно, как смотрит второклассник на любимого учителя, который только что при всех похвалил ученика.

— Начало меняться, когда мы почувствовали, что стали сильнее всех в мире. Наш предок понял это первым, ведь это он писал текст доктрины, которую президент Джеймс Монро озвучил в 1823 году, объявив всему миру, что Западное полушарие отныне наше. Целых семьдесят пять лет потребовалось, чтобы Старый Свет убедился в этом. Первой пришлось уступить Испании, об этом я тебе уже рассказывал. Результат — хотя бы вот этот дом, где мы с тобой живём.

— Войны — это обязательно?

— Наша война с Испанией многим в Европе не понравилась. Русский царь Николай Второй, похоже, был озабочен сильнее других. Он предложил созвать международную конференцию и на ней договориться, что больше войн не будет. Идея хорошая, жаль — не нами придумана. И мы решили переиграть его, тем более что император Николай был номинирован на Нобелевскую премию мира. Его кандидатуру мы заблокировали с помощью европейских монархов, но и нашей кандидатуре не повезло. Мы продвигали президента США, но Мак-Кинли убили, а посмертно «Нобелевку» не дают.

— Пришлось отступить от идеи с премией?

— Ну что ты, дорогой! Мы ничего не забываем и никогда не отступаем. Мы анализируем, планируем и определяем пути-дороги, по которым пойдут остальные страны. А вешки на этих дорогах другие люди расставляют. Мы их

посадили на высокие кресла, платим им большие деньги, они за всё и отвечают.

— Так с «Нобелевкой» — всё?

— Отнюдь. Застреленного Мак-Кинли сменил Теодор Рузвельт, вот его и выдвинули. Задача стояла простая — наш президент должен получить премию ко второй конференции в Гааге. Мы немного не успевали, пришлось импровизировать на ходу. Япония помогла. После Цусимского сражения япошки решили, что легко справятся с русскими. Мы им дали денег на блестящих условиях: ссуда пойдёт на строительство военных кораблей на наших же верфях. Япония и должником оказалась, и своей войной отодвинула Россию от всяких мирных инициатив. Были они друзьями, стали врагами, что нам тоже на руку. За подписанный в Портсмуте договор о мире президент Теодор Рузвельт и стал лауреатом Нобелевской премии.

— А теперь какая главная задача? — юноша был весь внимание.

Словно в ответ, зазвонил телефон. Дядя подозвал помощника подойти ближе, чтобы и ему было слышно.

— Босс, сложно пока с Берлином, — сказали на той стороне. — Кайзер везде хочет быть первым, главным действующим лицом...

— Так это же прекрасно! — ответил дядя Сэм. — Нам такой и нужен. Пусть начинает первым. А потом сделайте так, чтобы он стал главным действующим лицом — на похоронах. Пусть все трое кузенов, эти внучата европейской бабушки, воюют меж собой — мы в конце подключимся, как всегда.

— А с Британскими островами что делать, босс? Английский кузен — ни в какую.

— Это владычица морей? Вот и внедрите им мысль, что они должны строить как можно больше кораблей. Дадим для флота льготный кредит. Мы ведь нашли там нужного человека, он обожает свою мать-американку, пообещайте этому старателю пост премьеры — всё сделает. Естественно, не сразу, но нужно работать. Порядок должен быть!

— Как дети малые, неразумные, ей-богу! — ухмыльнулся старый Сэмюэль, вешая трубку.

— Так всё-таки война будет? — помощник аж прикрыл ладошкой рот.

— Да, мой мальчик, мы ещё не навели порядок. Мир меняется, и порядок должен быть новый. Это будет такая война, после которой не должно быть больше никаких войн. И Соединённые Штаты вступят в неё последними, когда нам будет выгодно. И даже повод нам не нужен, мы сами можем повод сотворить, потому что мы превыше всех.

— Дядя Сэм — это всё ты? Ты самый главный?

— Не торопись, всё узнаешь и поймёшь позже, когда проявишь себя. И когда люди тебя узнают. Для того тебя и готовлю — себе на смену. Посвящу во все детали, которые кроются в нашем деле. А пока вот — знаешь ли ты, что самое дорогое привёз из России наш предок?

— Камни драгоценные? Яйца Фаберже?

— Не угадал! — старик засмеялся. — Ювелира Фаберже тогда ещё и на свете не было. Он привёз книги! Много научных книг, все они сейчас находятся в библиотеке Конгресса. И завещал нам, потомкам, учить русский обязательно. Россия по землям своим и богатству страна многозначительная, и язык у неё — многозначный. Непростой язык, вариативный, но учить его нужно. Потому-то я и заставлял тебя заниматься лингвистикой в европейских университетах. Выучил русский?

— Нет, дядя, на четырёх языках могу почти свободно общаться, а русские тексты только понимаю. Газеты там, книги...

— Будем заниматься! Каждый день. Я сюда перевёз тысячи нужных книг. Сейчас вот читаю Фёдора Достоевского «Бесы». Там для нас готовая программа действий. Ты только послушай, что этот русский мужик пишет:

«Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!

Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны: без деспотизма ещё не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство...»

— По этому роману получается, что мы — деспоты?

— Слушай дальше! — старик перевернул страницу книги.

«Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю, полное равенство... Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность... И все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не было скучно».

— Ну, прямо как доктор Фауст Мефистофелю: «Мне скучно, бес!» — засмеялся Майкл.

— Молодец! В точку! Программа действий есть. «Мы сделаем такую смуту, что всё поедет с основ», — хвастается герой этого Достоевского. «Мы провозгласим разрушение, мы пустим пожары, мы пустим легенды», — это он нам подсказал. Работы полно, скучно не будет.

— Дядя Сэм, так мы — и деспоты, и бесы? Так нас будут называть в народе?

— Видишь ли, Майкл... Мы и есть народ. Бесами назовут? А как ещё? Мудрецы, закулисные режиссеры, кукловоды, теневое правительство?! Пусть как угодно нас называют. Есть у них такое право. Хоть горшком. А мы имеем право —



неудобных в печку поставить. Мы не какие-нибудь твари дрожащие. Пусть мир потонет в фарисействе, но порядок же должен быть!

**Автор** (*из-за кулис*): Как тут не вспомнить Шекспира: «Ад пуст, все бесы здесь». Это было написано великим драматургом четыреста лет назад. И что изменилось? Ничего. Бесы по-прежнему живы, и блажен тот, кто их изгоняет. Удивительно мудро сказано: «Гибель любой нации начинается с падения культуры». Бездуховный человек, лишённый культурных основ своего народа, способен только разрушать и уничтожать. Даже в своём собственном доме...

## КАРТИНА 3-я

### Проклятье Падающей Звезды

*Действующие лица:*

✓ **Томас Джефферсон** (1743—1825) — 3-й президент Соединённых Штатов Америки (1801—1809).

✓ **Уильям Гаррисон** (1773—1841) — 9-й президент США (с 4 марта по 4 апреля 1841 года), дед 23-го президента США Бенджамина Гаррисона.

✓ **Текумсе** (1768—1813) — вождь североамериканских индейцев шауни. Объединил племена в «Конфедерацию Текумсе», в 1812 году заключил договор с британцами и получил у них звание бригадного генерала.

✓ **Тенскватава** (1775—1836) — младший брат Текумсе, шаман, религиозный лидер индейского племени шауни, считался пророком.

*Место действия* — Соединённые Штаты Америки.

*Время действия* — 1812—2020 гг.

**Автор (из-за кулис):** В мире многое складывается независимо от человека. Как говорится, человек располагает, а небеса живут по своему расписанию. Не надо Бога расстраивать, за грехи всё равно придётся платить. Особенно если в твоих руках судьбы других людей. И неважно, сколько лет пройдёт — грехи земные хуже преступления, они не имеют срока давности.

**И**СТОРИЯ эта началась за сто с лишним лет до Первой мировой войны. К тому времени первого президента США Джорджа Вашингтона сменил Джон Адамс, а после него, третьим американским президентом стал Томас Джефферсон — один из самых образованных и порядочных людей своей страны и, понятно, своего времени.

В 1776 году Джефферсон собственноручно написал текст Декларации о независимости, чуть позже разработал «Билль о всеобщем распространении знаний», был избран губернатором штата Виргиния, а спустя двадцать лет — президентом.

Он вошёл в историю и как прекрасный семьянин-однлюб. Женился на двадцатитрёхлетней рыжей красавице Марте. Она принесла в качестве приданого землю, дом, скот и более полусотни рабов — это (да ещё сын) ей досталось от прежнего брака. Томас же подарил ей на свадьбу фортепиано. Умерла Марта в тридцать три года. Джефферсон поклялся больше не жениться и сдержал слово. Рабыня-квартирнка, родившая ему шестерых ребятишек, не в счёт, а то, что она была младшей сестрой Марты, требовало доказательств, искать которых никто не посмел.

Отношение президентов к коренному населению Америки — тема древняя. Испано-португальские конкистадоры довольно быстро разобрались с цивилизациями ацтеков, майи и инков, но это было в Южной части материка, а в Северной первопоселенцам из Англии пришлось делить новую родину с многочисленными индейскими племенами.

Томас Джефферсон использовал рабский труд на своих плантациях, но был крайне возмущён, когда из его текста Декларации независимости конгрессмены потребовали изъять всю критику работорговли. Таким же неоднозначным оказалось отношение президента и к индейцам. Поскольку на юге государства, 4 июля объявившего о своей независимости, проживало немало различных племён, Джефферсон решил их переселить севернее, к Великим озёрам.

— Господа! Мы ж не звери, господа! — предупреждал Джефферсон подчинённых. — Самых цивилизованных из них, но не более пяти разных племён, я предлагаю приобщить к традициям европейской культуры. Земли остальных нужны для белых колонистов. Если кто из индейцев будет сопротивляться, сами колонисты пусть объединяются и защищаются. Краснокожих можно прихлопнуть одной рукой. Уж когда народная милиция не справится, тогда армию пустим...

Какими критериями оценивался культурный уровень индейцев, сложно сказать. Текумсе, вождь племени шауни, помимо многочисленных индейских диалектов, в совершенстве знал английский и французский языки. Он не умел играть на скрипке, как Томас Джефферсон, но блестяще владел томагавком и без промаха стрелял из лука. Кстати, потом даже словарь шауни издали, и на язык этого индейского племени перевели часть Библии.

Ещё интересный факт про Библию. Став президентом, Джефферсон по вечерам любил вырезать из священного писания понравившиеся куски и наклеивал их в отдельную тетрадочку. Это даже не хобби было. Он просто не мог принять, что Иисус воскрес, и чудеса его не нравились. Это всё он отбросил, «очеловечил» Христа, сделал его простым смертным.

— То, что у меня получилось, — это самый возвышенный и благотворный моральный кодекс, который когда-либо предлагался людям, — с гордостью писал действующий президент Томас Джефферсон будущему президенту Джону Адамсу. — Вышла тетрадь в осьмушку листа из шестидесяти четырёх страниц, содержащих поучения чистые и естественные...

«Библия Джефферсона» по решению Конгресса США была издана типографским способом, следующие полвека она будет вручаться каждому новому конгрессмену.

А в это время индейцев, словно скот, гнали всё дальше — с юга на север и с востока на запад. Ещё не было резерваций

для коренных народов Америки, а в новой стране уже навелся новый порядок.

Индейцы не хотели уходить с намоленных мест. Но разрозненные племена краснокожих терпели одно поражение за другим в стычках с милицией белых колонистов. Переселенцы вынудили вождей индейских племён подписать кабальный договор, по которому эти богатые земли безвозмездно забирало новое государство. Текумсе, вождь шауни, гордо отказался подписывать договор.

— Мы должны объединиться, иначе белые перебьют нас, — сказал он собратьям.

Наверное, ему не поверили бы, но одноглазый брат вождя Тенскватава, считавшийся колдуном и пророком, показал пальцем в небо:

— Брат прав, и в доказательство боги сейчас погасят солнце. Если согласитесь жить в едином союзе, я попрошу богов вернуть дневной свет...

В тот день случилось полное солнечное затмение. Длилось оно пять минут, но этого хватило, чтобы индейские племена объединились в «Конфедерацию Текумсе» и начали строить общий город, который решили назвать Профетстаун («Город Пророка»).

Единая армия индейцев насчитывала уже около трёх тысяч воинов. А когда Текумсе подписал договор с англичанами, агенты которых пытались вернуть свои колонии, началась серьёзная война.

Президент Джефферсон вызвал в Белый дом Уильяма Гаррисона, губернатора Индианы:

— Вам предстоит разобраться с воинственными индейцами, они всё больше наглеют под крылом англичан...

Гаррисона такое поручение даже обрадовало: опыт войны с индейцами у него немалый, полномочия получены, помощь в тысячу винтовок обещана. Текумсе с ним дважды встречался, настаивал на праве индейцев жить на этих землях, но губернатор отклонил его мирные предложения.

Американские отряды всё ближе подбирались к городским стенам Профетстауна.

С рассветом 7 ноября 1812 года началось сражение. Обе стороны стреляли метко, к вечеру потери исчислялись уже десятками убитых и раненых. Кто побеждал, трудно сказать, но индейцы вернулись в город, а когда утром армия пошла на его штурм, оказалось, что там никого нет.

Город был пуст. Индейцы ушли — каждое племя в свою сторону. Конец конфедерации.

Гаррисон приказал сжечь дотла город. Но сначала солдаты забрали в домах всё, что можно было съесть или унести.

Текумсе пытался вернуть единство, но ни ему, ни его брату уже не верили. Однако это был настоящий вождь, прирождённый воин. Он всегда бился до конца.

Когда в последнем сражении англичане предательски бежали, оставив его отряд наедине с превосходящими силами американцев, вождь повёл своих собратьев врукопашную. Последнее, что Падающая Звезда (так переводится имя Текумсе) успел сделать перед смертью, — освободил всех пленных и отправил с ними записку Уильяму Гаррисону.

«Ты не победишь и не станешь Великим Вождём. Но ты можешь выиграть в будущем. Если выиграешь, то не закончишь своё правление, умрёшь властвуя. После тебя каждый Великий Вождь, выбранный через двадцать лет, умрёт. И всякий раз, когда ваш Вождь будет умирать, пусть все вспомнят смерть нашего народа».

Вскоре проклятье Падающей Звезды начало сбываться. Оно не коснулось Томаса Джефферсона, который уже сдал полномочия президента. Примечательно лишь, что он умер 4 июля, в День независимости Америки. А вот судьбу Уильяма Гаррисона та записка как по нотам расписала.

Он не бросил политику, избирался в Конгресс США. Спустя четверть века после гибели Текумсе решил, наконец, баллотироваться в президенты. Не выиграл. А в 1840 году победил. Правда, властвовал 68-летний Гаррисон недолго — умер, пробыв главой Белого дома ровно тридцать дней.

Внук его, Бенджамин Гаррисон, много лет спустя с особой жестокостью добивал со своим отрядом остатки индейских племён. Бенджамин тоже станет президентом и тоже умрёт в 68 лет.

В 1860 году, ровно через двадцать лет после победы на выборах Уильяма Гаррисона, президентом США стал Авраам Линкольн. За пять лет своего президентства он многое сделал для страны. Но однажды Линкольн с семьей отправился в театр. Прятавшийся за кулисами актёр этого театра беспрепятственно вошёл в ложу и выстрелил Линкольну в голову. Утром следующего дня президент умер.

Прошло двадцать лет.

Джеймс Гарфилд, бывший учитель и адвокат, очень уважал Линкольна. С началом гражданской войны Джеймс возглавил полк добровольцев, отважно воевал и даже стал бригадным генералом. Был избран в сенат штата Огайо. В президентской гонке 1880 года отказался участвовать — в пользу двух своих друзей по республиканской партии. Но те не набрали нужных голосов, и Гарфилд совершенно неожиданно стал президентом. После убийств Линкольна главе Белого дома положена была охрана и личный телохранитель. Новый президент отказался от них.

— Я боевой генерал, никого не боюсь, — заявил Гарфилд гордо. — Пусть недруги считают, что политическое убийство в нашей стране — это традиция. Я докажу, что это не так...

Джеймс Гарфилд умрёт через полгода после инаугурации. Пуля убийцы застряла в его спине, врачи не смогли её вытащить, и в страшных мучениях президент скончался от начавшегося сепсиса.

Может, минует эта нелепая традиция следующего главы Белого дома? Ведь Уильям Мак-Кинли избран в 1900 году не на первый, а на второй срок. Нет, убили и этого. Через десять месяцев после переизбрания. Причём врагов у него не было, он даже в день покушения говорил: «Никто не желает мне зла». Наверное, так и было, но от судьбы не уйдёшь.

Через двадцать лет президентом стал Уоррен Гардинг, на выборах 1920 года ему немало помогли голоса чернокожих избирателей южных штатов. Уоррен уж точно не имел врагов. Разве что жена... Она подозревала мужа в супружеской неверности и имела на это все основания. Миссис Гардинг лечилась у своего доктора, и когда муж простыл в дороге, вызвала именно его. Уоррен уже начал поправляться, когда они оба явились в его спальню. Личный врач первой леди дал больному какое-то лекарство, они ушли, а через пару часов служанка нашла президента бездыханным. О проклятии Падающей Звезды даже не вспомнили бы, если б не странная смерть, догнавшая вскоре личного доктора, а затем и миссис Гардинг...

Каждые двадцать лет в Америке вырастало новое поколение, и каждые двадцать лет здесь убивали президента. Эта должность стала опасной: не убьют, так заболеешь.

Франклин Рузвельт баллотировался на пост президента в 1932 году. Он был женат на племяннице Теодора, от бывшего президентом два срока. Франклин прошёл в карьерной лестнице те же ступени: сенатор, заместитель военно-морского министра, губернатор Нью-Йорка. Но в 1921 году вдруг заболел и три месяца практически умирал. Вопреки безнадежным прогнозам врачей, сумел победить не только болезнь, но и конкурентов на кресло в Белом доме. Несмотря на паралич, отработал два срока, как и родственник. В 1940-м Франклин пошёл на выборы в третий раз. Похоже, небеса решили вознаградить такого мужественного человека — он был избран и в третий, и в четвёртый раз, а умер незадолго до окончания Второй мировой войны.

Зато тому президенту, который победил в 1960 году, достался поистине несчастливый билет. Сорокатрёхлетний Джон Кеннеди был застрелен на глазах всего мира. На роль убийцы больше всего подошёл бывший морпех с коммунистической настроенностью. Его тоже убрали, как и десяток других свидетелей.



Дурной спектакль продолжался. В доказательство тому — избрание президентом в 1980 году голливудского актёра Рональда Рейгана. Утверждают, что он сумел пережить проклятие индейского вождя, но с этим можно поспорить. Через два месяца после инаугурации психически нездоровый человек выстрелил в него шесть раз. Трое охранников были ранены, одна пуля застряла в трёх сантиметрах от сердца Рейгана. Лишь экстренные меры и лучшие врачи спасли ему жизнь.

В выборах 2000 года победил Джордж Буш-младший. Через несколько месяцев после инаугурации случилась одна из самых страшных катастроф в жизни Америки — теракт, уничтоживший две башни Всемирного торгового центра и убивший несколько тысяч человек.

Прошло ещё двадцать лет. В 2020 году президентом Соединённых Штатов Америки стал Джо Байден. В день окончательного подсчёта голосов ему исполнилось 78 лет. Тогда ещё он был жив-здоров и полон сил...

**Автор** (из-за кулис): Простой американский парень из какого-нибудь Далласа или Таллахасси наверняка спросит: «А дальше что будет?» И, возможно, кто-нибудь ему ответит: «Что будет, что будет... А то и будет, что нас не будет!».

## ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

### Америка:

**«И пусть они меж собой воюют...»**

*«Америка спокойно совершает своё поприще, доныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим её положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялось исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решёнными. Уважение к сему новому народу и его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве... Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, чрез меч и огонь, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон».*

**Александр Пушкин «Джон Теннер», 1836 год**

## КАРТИНА 4-я

### Они такие же, как мы, только другие

*Действующие лица:*

✓ **Берти Форбс** (1880—1954) — американский журналист, основатель журнала Forbes.

✓ **Уильям Херст** (1863—1951) — американский газетный издатель. С его именем связано появление таких распространённых понятий, как «жёлтая пресса», «связи с общественностью (PR)» и «медиамагнат».

✓ **Джон Рокфеллер** (1839—1937) — американский предприниматель, первый официальный миллиардер (с 1916 года) в истории человечества.

✓ **Генри Форд** (1863—1947) — владелец заводов по производству автомобилей, на которых впервые стал использовать поточный промышленный конвейер.

✓ **Натан Майер Ротшильд** (1777—1836) — банкир, третий из сыновей Майера, основателя финансового дома Ротшильдов.

✓ **Корнелиус Вандербильт** (1794—1877) — один из богатейших американских предпринимателей XIX века, основатель династии (имел прозвище «Командор»).

✓ **Корнелиус Вандербильт III** (1873—1942) — американский изобретатель, бригадный генерал, правнук основателя рода Корнелиуса Вандербильта.

*Место действия* — Нью-Йорк.

*Время действия* — начало XX века.

**Автор** (из-за кулис): Вскоре после вступления Соединённых Штатов в Первую мировую войну в Нью-Йорке вышел первый номер журнала Forbes. Его основатель Берти Форбс выбрал для своего издания девиз — «Инструмент капиталиста». Помимо аналитических статей и статистических данных, в нём было немало рассказов о самых богатых людях планеты.

**В** ПЕРВЫЙ же день приезда в Нью-Йорк, оставив чемоданчик в отеле, Берти пошёл по редакциям газет. В первых трёх ему презрительно отказали, едва он заявил, что за два года работы в редакции научился писать обо всём, и сейчас согласен даже на десять долларов в неделю. Четвёртым офисом на его пути оказался «Коммерческий журнал».

— Могу взять тебя внештатным сотрудником, если хочешь писать о бизнесе, — сказал ему босс. — Большая статья через месяц — и ты либо принят, либо закрываешь нашу дверь с той стороны.

Конечно, он согласился. Берти Форбсу двадцать четыре года. Его всегда интересовало, как люди добиваются успехов и как они теряют целые состояния, неважно где — в торговле, промышленности, строительстве. Любил копаться в этом. И в «Коммерческом журнале» с первого дня начал копать.

В тот же вечер он случайно подслушал разговор двух джентльменов в гостиничном баре. За соседним столиком мрачный господин громко вещал, что натурального шёлка всё меньше, а цены на него всё больше.

— Вискозное волокно губит мой бизнес!

Назавтра молодой журналист Берти Форбс отправился в рейд по компаниям, которые торгуют импортным шёлком. И вот она — сенсация! Оказывается, они ещё в порту скупают весь товар, а продают вдвое дороже. И так делают все компании — это картельный сговор. Статья вышла — словно бомба взорвалась. Спекулянты получили по заслугам, а стажёр получил стол в редакции и твёрдый оклад. Берти проработает за тем столом семь лет, зарабатывая себе имя и право вести постоянную колонку на газетной полосе.

Главный газетный магнат Уильям Херст в 1911 году заберёт его к себе. И вот уже Берти — главный экономический обозреватель Уолл-стрит. Огромная зарплата позволяет ему откладывать на исполнение давней мечты. Новому боссу он признался:

— Хочу издавать собственный журнал, не похожий на другие издания!

— Ты догадываешься, мой мальчик, что я не терплю конкурентов, — ответил владелец газет-пароходов, играя га-ванской сигарой. — Любому в Америке могу устроить такую личную жизнь, что он не отмоется до конца. Я могу даже войну обеспечить. И скоро сделаю это. Пусть все меж собой воюют. Но ты мне нравишься, мальчик. Надеюсь, ты понимаешь, что выпускать новый журнал без раскрутки — это всё равно что девушке в темноте подмигивать, результат нулевой. Моя помощь в раскрутке твоего журнала будет состоять в том, что я не стану тебе мешать, а пока — иди и работай!

Берти мечтал издавать журнал о самых богатых людях. Но следующие шесть лет ему пришлось трудиться на Херста, и лишь в свободное время он по-прежнему собирал любую информацию о богачах.

Первым в его картотеке был, конечно, Рокфеллер. В конце сентября 1916 года все американские газеты опубликовали на первых полосах потрясающую новость: владелец Standard Oil Джон Рокфеллер стал первым миллиардером на планете. Кстати, незадолго до выхода своего журнала Берти сумеет взять интервью у первого богача. Это было не просто. Через много лет Уинстон Черчилль, издавший немало своих книг, предложит 250 тысяч долларов за право написать о Рокфеллере, но наследники Джона откажутся — мол, не те деньги, с мелочью не работаем.

А в интервью Берти Форбсу первый миллиардер сразу заявил:

— Я могу отчитаться за каждый заработанный мною миллион, кроме первого!

Увидев, что с ним разговаривают уважительно, потеплел. А когда узнал, что Берти мечтает издавать независимый журнал о бизнесе, разоткровенничался.

— Если у вас единственная цель — стать богатым, вы никогда её не достигнете!

Пройдёт время, и в самом первом номере журнала Берти напишет почти те же слова: «Бизнес создаётся не для того, чтобы загребать миллионы, а чтобы приносить счастье».

В ту встречу Рокфеллер немало поведаёт о своей жизни. Как с малолетства трудился на отцовской ферме, разводил индюшек, а вырученные деньги ссужал соседям под семь процентов годовых. Как в шестнадцать лет решил открыть собственную фирму. Отец дал тысячу долларов под десять годовых. Джон скупал товары оптом, продавал в розницу, «чашечками». Прибыль оказалась столь приличной, что хватило на нефтеперерабатывающий заводик. С него и началось.

— Стать монополистом в нефтяном бизнесе мне позволила «комбинированная стратегия», которую в сталелитейной промышленности придумал мой тёзка Морган. Джи Пи, упокойся с Богом! Он любил повторять: «Если вы спрашиваете, сколько в год стоит содержание яхты, значит, она вам не по карману». Подумать только, яхта у него неплохая, а сам он не был богат! Никакой он не «Наполеон Уолл-стрит», этот пиратский отпрыск!

Рокфеллер весьма своеобразно помянул недавно скончавшегося Джона Моргана: «Об ушедших либо хорошо, либо ничего... хорошего».

— Джи Пи, так его все звали, поднялся на оружии, вы знали это, юноша? А миллионером стал по случаю. Сдружился с хозяином склада, где хранились старые карабины, купил оптом все по три с половиной доллара за штуку и тут же продал одному генералу, которому поручили собрать армию. Провал в семь раз дороже! Сто тысяч баксов за одну сделку! Погрел ручку всем, кто в деле был, — всем хватило, все довольны. Тогда у нас шла гражданская война, она Моргана кормила, словно мать родна. А последнее время он в Риме жил. Всё мечтал, чтобы Италия вступила в нынешнюю войну. Нашли нужного человека, дали ему денег, много денег — и всё, слепили Морганов войну для итальянцев...

О нынешней войне, которую Соединённые Штаты только что объявили, они говорили долго. Собеседник Форбса честно признался:

— Я и в гражданской-то не участвовал. Купил подставных солдат — тогда это разрешалось. Идти в армию — нет, об этом не могло быть и речи. Пусть кто угодно воюет с кем угодно, пусть дерутся меж собой. Как раз родился новый бизнес, и если бы я пошёл на войну, всё просто встало бы. Кто б меня заменил? А капитал мой за четыре года той войны вырос как на дрожжах...

Много историй рассказал, много советов для будущего журнала дал первый миллиардер. И, разумеется, в рейтинге самых влиятельных людей Джон Рокфеллер надолго занял первое место.

В первую десятку рейтинга Forbes попал и Генри Форд. Ещё до начала войны журналист бывал на его заводе, восхищался движущейся сборочной линией, которая в несколько раз повысила производительность труда. Автомобили Форда мог купить любой его сотрудник: зарплата у рабочих была вдвое выше, чем где-либо.

Но больше всего Берти поразила тогда не сумма, а принцип оплаты. Чтобы конвейер безостановочно работал, нужны специалисты, которые обслуживали бы оборудование, следили за его исправностью. Так вот они получали деньги не за ремонт, а за безделье. В отдельной комнате сидели себе, листали журналы или играли в домино, а зарплата тикала по счётчику. Как только поступал сигнал о какой-нибудь аварии, счётчик останавливался. Исправили — зарплата снова пошла. Красота!

Когда Соединённые Штаты вступили в войну, Генри Форд потратил на дело мира огромную сумму — миллион долларов. Он во всём был неординарным. Но голова у Генри работала — дай Бог каждому. Сам он сказал как-то:

— Думать — самый тяжёлый труд, поэтому мало кто занимается этим...

Он умел работать и головой, и руками. Думал, работал и богател. У других богатых из рейтинга Forbes миллионы

складывались по центу, по доллару, и семейная копилка переходила в следующее поколение. Так было, например, у Ротшильдов, выходцев из Германии. Владелец мелочной лавки Майер, отец пятерых сыновей, не оставил им большого наследства. Но научил добиваться своего, не наживая врагов. И наставление дал мудрое: «Сыны мои, запомните: продавать деньги намного выгоднее, чем товары!».

Это было давно. С тех пор многочисленное семейство разрослось и расселилось по миру. Натан Майер — не сын, а уже внук основателя банкирского дома Ротшильдов — заработал фантастическую сумму в сорок миллионов фунтов стерлингов на поражении Наполеона под Ватерлоо. Его курьер на сутки опередил всех, сообщив шефу о победе союзников над французским императором.

Натан Майер уже ждал на Лондонской бирже. Он стоял у колонны и... сбрасывал огромные пакеты ценных бумаг, которые стремительно падали в цене. Биржа обмерла и решила: он уже знает, что победили французы. И тоже стали продавать. Облигации упали до бросовых цен. Вот тогда-то брокеры Ротшильда по его команде и скупили всё сразу...

Спустя сто лет журналисту Берти Форбсу пришлось вспомнить эту историю, когда он писал для своей газеты некролог: скончался барон Натан Ротшильд, получивший имя в честь деда — человека, который, унося заработанные за вечер сорок миллионов, сказал окружающим краткую фразу:

— Кто владеет информацией, тот владеет миром!

...Нефть и металлы, железные дороги и водный транспорт — все сферы американской экономики стремительно росли. Соединённые Штаты блаженствовали в «позолоченном веке». Страна восторженно приветствовала победу над Испанией и за бесценнок «отжатые» в полном соответствии с доктриной Монро новые земли — Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин. Это было время «золотой лихорадки», которой массово заболел американский бизнес.



По журналистским делам Берти не раз приходилось общаться с губернатором Нью-Йорка. В 1904 году, сидя в приёмной, он познакомился с адъютантом губернатора Корнелиусом Вандербильтом III. Этот офицер Национальной гвардии был правнуком одного из богатейших американских предпринимателей XIX века, основателя разросшейся династии. Они подружились. Капитан Вандербильт с удовольствием рассказывал Берти Форбсу о своём прадеде. Журналист потом опубликовал этот рассказ.

...Будущий основатель богатейшей династии тоже когда-то был маленьким, ходил в школу. Там и заработал начальный капитал. Он заметил, что учитель по понедельникам очень не в себе, болеет. Заранее налил в бутылочку домашнего вина и на перемене подошёл к учителю:

— Мама как-то говорила соседке, что её эликсир мёртвого подымет. Правда, лекарство недешёвое, пять центов стаканчик. Хотите попробовать?

Сделка прошла на ура. У маленького Корнелиуса появились пятёрки в дневнике и в копилке. После каникул, впрочем, учитель сказал, что больше бутылочек не надо, он записался в общество анонимных алкоголиков. Ученик ответил спокойно: «Вход был пять центов, выход — десять долларов. Иначе вы — безработный». А сам стал думать, как по-другому пополнять копилку.

В их доме никогда не было светло. Они жили на 12-й Нижней улице Статен-Айленда, каменные здания зажали со всех сторон небольшой дом Вандербильтов. Чтобы увидеть солнце, надо идти к пирсу. Отец Корнелиуса держал там лодку, с утра и до звёзд возил на ней пассажиров в город и обратно. Тем и кормилась большая семья. Ещё у Вандербильтов был участок земли на окраине Нью-Йорка. Это забота матери, но дети должны ей помогать. Целый день ковыряться в каменистой земле — удовольствие ниже среднего. Единственная радость — возвращаться домой на лодке. Если пассажиров не много, отец даст погрести.

Когда отец заболел, Корнелиус стал сам возить пассажиров. Они не хотели садиться в лодку к мальчику, тогда он снизил цену, и дело сдвинулось. Выручка оказалась даже больше, чем у отца. Разницу родители отдали сыну. Через месяц он показал матери свои окрепшие руки с бугорками мозолей и сказал спокойно:

— В школу не буду ходить, на лодке я заработаю больше. Только мне нужна своя собственная. Я уже присмотрел одну, но просят сто долларов.

Лишних денег в семье никогда не было. Но мать достала из старого чулка красивую купюру.

— Это я приготовила для соседей. Они согласились вспахать нашу землю. Если вспашешь ты — получишь в долг эти деньги! Отдашь с процентами.

— Хорошо. Через неделю будет готово.

Мать лишь удивлённо посмотрела ему вслед.

Корнелиус собрал на пирсе всех знакомых дружков. Пообещал платить по доллару за акр, и спустя неделю расплатился с ними из своей копилки. Много позже известный американский писатель распишет этот случай по-своему, а нынче парень уже сажает пассажиров в свою собственную лодку.

Впрочем, он купил не лодку, а небольшую баржу, сосчитав в уме, что туда входит в четыре раза больше человек, значит, можно делать билеты наполовину дешевле. Долг матери вернул в срок. А ещё он ввёл расписание — получалось уже не такси, а целый речной трамвайчик. К отходу баржи собиралась приличная очередь, что бесило конкурентов, но Корнелиус никогда не выпускал из рук толстую палку и чуть что — пускал её в дело.

Он безжалостно расправлялся со всеми, кто стоял на его пути. Уже женат был, имел бессчётно барж и кораблей, когда решил с семейством попутешествовать на яхте. Пока они смотрели мир, наглые напарники делили и прятали его имущество. «Командор» (такое прозвище он с гордостью носил) отправил бывшим друзьям телеграмму: «Джентльмены, вы попытались меня надуть. Я не буду подавать на

вас в суд, потому что судейская машина работает очень медленно. Я раздавлю вас быстрее. Искренне ваш, Корнелиус Вандербильт».

Мсть была изощрённой. Он объявил бесплатным проезд на оставшихся кораблях, что раньше держал только для богатых. Полезли туда все, оставив удивлённым компаниям-предателям любоваться пустыми палубами своих судов. А его корабли, набитые под завязку, жарким днём ушли в дальние рейсы. Шикарные каюты, сверкающая посуда в ресторанах и барах. Вот только стакан воды в них, еда и алкоголь — в десятки раз дороже, чем на берегу. Не нравится — не покупай. Ошалевшие от жажды папаши к концу вояжа опустошили свои кошельки, пытаясь отыграться в корабельном казино, но Вандербильд ждал их и там, принимая уже расписки.

Несколько таких рейсов — и украденное сполна вернулось, конкурентов больше нет. Он один на переправе. Стоит Корнелиус и думает, как бы заработать ещё больше.

Чуть осипший гудок паровоза поманил его в светлую даль. Первый раз прокатившись по железной дороге, он ахнул: «Какой быстрый и дешёвый транспорт! Я такой же хочу, только собственный!»

И Вандербильт продал всю свою флотилию, что насчитывала к тому времени более сотни разных судов. Вход в новый бизнес был закрыт для чужих, но эту проблему он решил быстро. Ключ лежал у него в кармане — Корнелиус был владельцем единственного моста, по которому шло железнодорожное сообщение с Нью-Йорком. Он его просто перекрыл. Теперь ни в город, ни из города не могли попасть ни пассажиры, ни товары. Через два дня на бирже упали все акции, и Командор скупил их по дешёвке. Крупнейшая железнодорожная компания Соединённых Штатов получила нового хозяина. За годы начавшейся войны он чрезвычайно обогатился на перевозках. Очень скоро Корнелиус Вандербильт стал самым богатым человеком в стране.

— Всю свою жизнь я сходил с ума по деньгам, — с гордостью признавался он на склоне лет. — И всю жизнь жалел, что они не растут на деревьях...

В каждом поколении этой династии одного из сыновей называли Корнелиусом — в честь основателя рода. Дочерей выдавали за именитых и властимущих — влиятельных политиков, аристократов, сыновей миллионеров. Им, как и сыновьям, доставалась часть накопленного непосильным трудом Командора.

...На этом закончил свой рассказ журналисту Берти Форбсу адъютант губернатора Нью-Йорка, будущий генерал Корнелиус Вандербильд III. Несколько лет назад он получил богатое наследство от своего отца, Корнелиуса Вандербильда II, стал миллионером, но не зазнался, разговаривал с журналистом на равных.

Сам Берти так и не стал миллионером. Давал своим детям в воскресенье по десять центов на мороженое, остальные деньги уходили на раскрутку журнала. Медиамагнат Уильям Херст конкурентов не терпел, уничтожал их на корню, но Форбсу он обещал не мешать и сдержал слово. Журнал Forbes с трудом, но выжил. Через десять лет Херст захотел выкупить издание у бывшего своего подчинённого, предложил ему десять миллионов долларов, но Берти отказал:

— Босс, я вас очень уважаю и благодарен за помощь. Пусть я не стану миллионером, но мой журнал останется единственным независимым в Америке.

Богатыми стали лишь наследники Берти. Сын, например, говорил всем желающим попасть в журнальный рейтинг: «Мечтаешь стать миллионером? Открой наш журнал! Не нашёл там своего имени? Иди и работай!».

**Автор (из-за кулис):** Каждый из нас хотел бы стать богатым. На этом естественном желании людей разбогател не один десяток миллионеров. А миллиардеры... Они такие же, как мы. Только другие. Для них нет ничего святого, кроме прибавочной стоимости. Особенно, когда в мире идёт война.

## КАРТИНА 5-я

### «Богатенькое бедное дитя» в суде побило матушку шутя

*Действующие лица:*

✓ **Глория Морган** (1904—1965) — светская львица, дальняя родственница основателя известной династии, вдова представителя другой богатой династии, мать Глории Вандербильт.

✓ **Глория Вандербильт** (1924—2019) — дочь Глории Морган (в зрелом возрасте известна как «Глория-Джинс»).

✓ **Тельма Морган** (1904—1970) — сестра-близнец Глории-старшей, вторым браком была замужем за британским аристократом виконтом Фёрнессом.

✓ **Окружной судья** (без имени, просто — «Ваша честь»).

*Время действия* — 1934 год (с экскурсами в прошлое и будущее).

*Место действия* — окружной суд в одном из штатов США.

**Автор (из-за кулис):** Пока кто-то судится, рядится в яркие одежды, сходится и разводится, царственные особы, обладающие правом последнего слова, могут объявить пир на весь мир или войну для всех народов. Они могут — или думают, что могут. Потому что выше царей и королей есть кто-то, кто держит в руках все ниточки. Захочет — свяжет все ниточки в узел, захочет — мечом разрубит этот узел.

СУДЬЯ не сказал ещё ни слова, только посмотрел на женщину в первом ряду, а она уже встала и, не глядя на служителя Фемиды, двинулась к небольшой деревянной трибуне, стоявшей ближе к присяжным. Она шла, легко и грациозно изгибаясь, как пантера, исполняя всем телом только ей одной известные па какого-то древнего танца. Её бёдра под узкой юбкой нежно-сиреневенького цвета двигались, как шарниры хорошо смазанной машины, она шагала «с заступом внахлёт», как ходят только манекенщицы. Замерший зал не дышал, пока каблуки лакированных туфель не отстучали метрономом положенное время и пространство.

— Леди и джентльмены, суд заслушивает истицу, миссис Глорию Морган, — запоздало провозгласил судья.

— Ваша честь, могу ли я говорить с самого начала? — первые слова прозвучали из уст дамы, ещё стоящей вполоборота к судье, а последние — сквозь перчатки-митенки, поправляющие шляпку.

Итак, вначале было её слово. Истица говорила медленно, слегка поворачивала голову, как бы отслеживая, успевают ли стенографировать за ней бесчисленные репортёры. Светская львица подробнейшим образом рассказывала о себе.

Её отец был известным дипломатом, мать — генеральская дочь. Родители называли её Мария, но она считала это имя «приземлённым, а ей хотелось летать». В подростковом возрасте поменяла имя на «славное, нежное, цветочное» — Глория.

Шикарная смуглая дама в сиренево-дымчатом костюме с упоением рассказывала, как единственным родным человеком для неё стала сестра-близнец Тельма, как они с ней в шестнадцать лет стали жить самостоятельно.

— Разумеется, с разрешения родителей, ведь мы не были совершеннолетними и плохого ничего не делали, — уточнила истица, обедая смиренным взглядом присяжных.

Слава о несовершеннолетних красавицах-близняшках с Пятой авеню разлеталась по всему Нью-Йорку. Они были

удивительно похожи друг на друга. Если одна надевала платье с воланчиками, другая обязательно — с рюшами или буфами. Это чтобы восхищались обеими, но не путали. В мужчинах разбирались обе. Настолько, что один из уха-жёров как-то язвительно заметил: «Разбираются прекрасно, до последнего винтика».

О них писала жёлтая пресса: «Похожие, как две магнолии, с мраморным цветом лица, волосами цвета воронова крыла и струящимися платьями, с их лёгкой шепелявостью и иностранным акцентом, они излучают атмосферу тепличной элегантности и кружевной женственности. Они должны были быть нарисованы с гордо поднятыми головами, в белом атласе, с букетом белых пионов в изящных руках. Ох, уж эти великолепные девы Морганы, Глория и Тельма, похожие, как две капельки! Сколько мужских сердец скоро разобьют они!».

Вняли девы, вняли совету жёлтой прессы. Не прошло и двух лет, как отец близняшек дал согласие на брак Тельмы с наследником крупной компании. Они уехали в свадебное путешествие, а вскоре запросилась замуж и Глория. Её избранник был старше аж на двадцать четыре года. Реджинальд Вандербильт как-то пришёл в «весёлую квартирку» на Пятой авеню за своей дочерью от первого брака Кэтлин, а вышел оттуда уже любовником Глории. Она получила сразу «три в одном»: сводную сестру взамен уехавшей Тельмы, мужа — правнука Командора, основателя богатой династии, и приличное содержание.

Муж ей не мешал. Он сам был любителем разгульной жизни, но предпочитал лошадей и спиртосодержащие напитки. Вернувшись из положенного путешествия, Глория доложила мужу о беременности, и вскоре у них появилась дочь.

— Я специально назвала её Глорией, чтобы малышка жила такой же счастливой и наполненной жизнью, как её мать, — улыбалась смуглая дама с трибуны окружного суда.

Оставив родившегося ребёнка кормилицам, нянькам и тёткам, молодые снова укатили в путешествие, теперь уже на год. А когда вернулись, Глория узнала, что её сестра-близнец Тельма разводится с мужем. Тот год, 1925-й, вообще был непредсказуемым и неподлежащим анализу. Развод Тельмы, её обручение с известнейшим голливудским актёром, и тут же завязавшийся роман с английским аристократом Фёрнессом, и... смерть Реджинальда Вандербильта.

— Это случилось так неожиданно, так некстати! — истинца придала своему голосу максимум печали, и в судебном зале кто-то искренне всхлипнул.

Муж Глории умер от цирроза печени, не так уж много оставив на банковском счету. А трастовый фонд с пяти-миллионным активом он завещал своим дочерям: Кэтлин и маленькой Глории. Матери ещё не исполнилось двадцать один, по закону она считалась несовершеннолетней и не могла распоряжаться наследством дочери. Но и того, что осталось — плюс содержание от фонда, плюс содержание от новых мужчин — Глории Морган хватало на безбедную жизнь в Париже и Лондоне. До поры, до времени хватало...

Жизнь в Европе становилась всё дороже, а главное — скучнее, чем в Америке. В 1934 году Глория-старшая вспомнила про дочь и вернулась домой. Доступ к деньгам трастового фонда она решила получить через суд.

### **Экскурс в прошлое: за 20 лет до суда**

К началу Первой мировой войны государственный долг Британии составлял 650 миллионов фунтов стерлингов, а к концу её был уже в десять раз больше! Занявший престол в 1910 году король Георг V понимал: нельзя упускать лидерство на море, надо строить новые корабли, брать в долг и строить. Кредиты пришли из-за океана, из банкирского дома Моргана, большого любителя зарабатывать на войне.



«Ни разу за три последних года мы не были так хорошо подготовлены к сражениям», — вскоре доложил первый лорд Адмиралтейства Черчилль. И добавил, в правительстве голосуют за войну только четверо: премьер Асквит, военный министр Холден, министр иностранных дел Грей и он — нужна поддержка из Букингемского дворца.

В июле 1914-го король вызвал во дворец министра иностранных дел Эдуарда Грея и заявил ему, что Британии абсолютно необходимо вступить в войну. Грей пытался объяснить, что убийство австрийского эрцгерцога в Сараеве — это не повод, нужна веская причина...

— Вот вы и должны найти причину, Грей, — оборвал Его Величество.

Через несколько дней Великобритания объявила войну Германии. Кайзер орал в бешенстве:

— Они думают, что загнали нас в тупик! Эти островные обезьяны, сговорившись с торгашами Америки, пытались нас обмануть своими сладкими речами! Мерзкие сукины сыны!..

Американские деньги Моргана умело подвели Британскую империю к большой войне. Сами Соединённые Штаты держали нейтралитет до 1917 года. Это помогло им хорошо нажиться на европейских странах, пока те воевали меж собой. США постепенно становились мировым кредитором, финансовым центром планеты.

...Судебный процесс по иску Глории Морган продолжался около года. Истица хотела отобрать у родственницы покойного мужа Гертруды Вандербильт право на опекунство, а та подала встречный иск, заявив, что тридцатилетняя Глория вообще недостойна называться матерью. Но, понятно, спор шёл не о судьбе десятилетней девочки, а всего лишь о её деньгах. Два представителя знатных и богатых (в прошлом) династий сошлись в смертном бою.

Обе стороны призвали в свидетели всех, кого только могли, подключили лучших юристов и сыщиков. Тельма Морган,

ставшая уже британской виконтессой Фёрнесс и только что снова разведённая, примчалась к сестре и сходу заявила:

— Прежде всего ты должна избавиться от няни!

Это оказалось делом непростым, потому как суд посчитал няню главной свидетельницей, и она подробно рассказала, как, появляясь иногда в доме, мать ребёнка спала до обеда, потом долго одевалась и исчезала до утра.

— Девочка видела лишь загадочную фигуру в коридоре и спрашивала меня: «Кто это?». Однажды я застала миссис Морган, когда та учила ребёнка смешивать алкогольные коктейли...

Переполненный зал окружного суда осуждающе ахнул. Акции Морган мгновенно упали. Гертруда Вандербильт, добивая истину, предложила ей пожизненную ренту. Но «весёлая вдова» поняла: согласись она взять деньгами, потеряла бы дочь навсегда, а светское общество закрыла бы для неё все двери. От ренты она отказалась, и решение суда стало очевидным. Осталось выслушать ребёнка, Глорию-младшую.

Её привезли в зал заседаний в кольце многочисленных охранников. Девочка шла к свидетельской трибуне, не поднимая головы, не глядя ни на мать, ни на опекуницу. Десятилетняя миллионерша сверлила карими глазами окружного судью, словно о чём-то предупреждая его.

— Тишина в зале! — человек в мантии пристукнул молотком. — Прошу вас, мисс Вандербильт. Что вы хотели бы добавить?

Малышка медленно и чётко проговорила:

— Ваша честь, скажите им, чтобы они не тратили мои деньги!

И не спрашивая ни у кого разрешения, с какой-то счастливой полуулыбкой, она пошла к выходу.

Глория Морган проиграла. Собственная дочь — «богатенькое бедное дитя», как её называли в газетах — побило мать шутя, десятью словами. Матушка сразу же умчалась в Европу и оттуда стала думать, как отомстить дочери.

### **Экскурс в прошлое: за 3—4 года до суда**

При крещении старший правнук английской королевы Виктории получил семь имён, но предпочитал последнее — Дэвид, так его и звали самые близкие. Отец Дэвида, ставший в 1910 году королём Георг V, дал сыну титул принца Уэльского, что в Британии означает «престолонаследник». Ему разрешили служить в армии, но когда началась Первая мировая, на передовую не пустили.

Лондон не такой уж большой город, чтобы случайно ни встретить там нужного человека — неважно, наследного принца, виконта или успешного бизнесмена. Тельма Морган ещё в 17 лет успела «сбежать замуж», а сейчас встретила в Лондоне виконта, владельца судоходной компании, и стала виконтессой Фёрнесс. А вот некая Уоллис, которую Тельма едва припомнила по «весёлой квартирке» на Пятой авеню, познакомилась в английской столице с успешным бизнесменом, тоже быстренько развелась с предыдущим мужем и стала миссис Симпсон.

У принца Уэльского шла своя жизнь, у некоронованных особ — своя. Встретиться они могли лишь на балу. Что и случилось в доме лорда Лондондерри, двоюродного брата Уинстона Черчилля. Именно Черчилль, бывший тогда канцлером британского Казначейства, углядел в толпе приглашённых красавицу виконтессу Фёрнесс. Узнав, что она дочь американского дипломата, канцлер подвёл её к принцу Уэльскому.

Ей двадцать с небольшим, он постарше. Принц не женат, и это важно. Он немного устал от своей многолетней пассивности — это ещё важнее. Он заценил красоту американки и вспомнит её при следующей встрече, на что и был расчёт.

Словно случайно встретившись вторично, Тельма Морган, виконтесса Фёрнесс удивит принца своим нарядом, остроумием и тёплым взглядом. Она была так красива, так очаровательно рассказывала про охоту на лис, про историю Старого и Нового Света, что он предложил ей поужинать вместе.

Потом они любовались звёздами на небе, и принц прошептал ей на ушко главные слова: «Можете называть меня Дэвид...» Через неделю, в день его рождения, виконтесса подарила принцу кое-что. Подарок ему очень даже понравился.

Два года продолжалась идиллия. Тельма подала на развод, Дэвид сказал, что это обязательно. И всё было хорошо, пока она не встретила случайно Уоллис Симпсон, бывшую знакомую по Нью-Йорку. Виконтесса позвала их с мужем в свой загородный дом. Приехал и Дэвид. Две пары очень душевно посидели, все были рады друг другу. Престолонаследник не чванился, он даже пригласил всех в небольшой круиз на его яхте. Но вышло так, что ни Тельма, ни муж подруги не смогли поехать, и Уоллис ступила на борт роскошной яхты одна.

Вернувшись, она сказала виконтессе жёстко:

— Дэвида я тебе не отдам! Мы с ним переступили границу дружбы, и он теперь мой!

Вдобавок сестра-близнец Глория позвонила из Нью-Йорка, умоляя срочно приехать на её суд — она собиралась отвоевать опекунические права на собственную дочь. Сплошные неприятности! Тельма пыталась дозвониться до несостоявшегося жениха, но во дворце дали понять, что ей больше не рады. Виконтесса Фёрнесс, кусая локти, полетела в Америку.

...Малышка Глория Вандербилт после суда редко виделась с матерью. Но когда ей исполнилось семнадцать, мать позвала её к себе.

— Моя дорогая доченька! — написала матушка. — Приезжай, ты будешь вольна делать всё, что захочешь!

Тут её выстрел попал в десятку. Глории-младшей очень понравились вольная жизнь и фривольные шуточки неотступных поклонников. Мать познакомила дочь со своим другом и сверстником ДиЧикко — актёром, чьё амплуа было «безжалостный гангстер». Девушка поначалу противилась:

— Он же вдвое старше меня! И дикий какой-то!

Но мать настояла на их браке. «Продано!», — как сказали бы на аукционе.

Шла война. Как только она кончилась, Глория-младшая развелась с мужем, который так и не вышел из роли. Настала её очередь прозреть и подумать, чем ответить матери. В 1946 году вся жёлтая пресса Америки написала, что дочь отказала Глории Морган в финансовых выплатах отцовского фонда, причём сделала это довольно изысканно:

— Моя мать очень талантливый и трудолюбивый человек, она вполне может работать учителем танцев или сниматься в рекламе, — заявила Глория-младшая газетчикам. — Она уже делала это со своей сестрой Тельмой, так что у них получится! А всю сумму её пособия я буду перечислять на лечение слепых детей!..

### **Экскурс в будущее: спустя 5 лет после суда**

Никто из сидящих в зале окружного суда на процессе Глории Морган даже представить не мог, что через пять лет ситуация в мире осложнится настолько, что мелочью покажется вопрос, кому должны принадлежать миллионы покойного Вандербильта.

Немецкий философ Гегель сказал: «Все великие персоны и события, имеющие всемирно-историческое значение, повторяются дважды: первый раз как трагедия, а второй — как фарс». Первая мировая война стала трагедией не только для Великобритании, но и для всех на Земле. Король Георг V, объявляя войну Германии, вовлёл в вооружённый конфликт всю Европу. Американские кредиты отлично подыграли ему, исполняя мечты о вечном господстве Соединённого Королевства на море.

Через пять лет история повторилась — уже как фарс. Король Георг V умер, трон перешёл по уши влюблённому принцу Уэльскому, который стал Эдуардом VIII. Для Уоллес Симпсон он по-прежнему был Дэвидом, ведь он всерьёз решил на ней жениться. Но принц не знал главного про свою избранницу — это была «медовая ловушка».

Америка сделала всё, чтобы миролюбивый Эдуард VIII так и не был коронован. Дело шло к следующей мировой войне, а она капиталу всегда выгодна, особенно если океан отделяет его от воюющих сторон. Пацифисты капиталу не нужны. Дэвиду пришлось отречься от престола в пользу брата.

Новый король Георг VI повторил то же, что и его отец двадцать пять лет назад. Третьего сентября 1939 года он объявил войну Германии. Заокеанские режиссёры легко спровоцировали на этот шаг Соединённое Королевство (а потом и Францию). Им нужно было участие крупных держав, чтобы раздуть в Европе мировой пожар, чтобы потом огонь покатился на восток, к Уральским горам.

Георг VI дал своему брату титул герцога Виндзорского, Уолисс стала герцогиней, его законной женой. Позже ФБР раскопало, что она состояла в связи с германским дипломатом Риббентропом и через него передавала нацистской Германии секретную информацию, добытую у мужа. Когда это стало известно Уинстону Черчиллю, премьер-министр отправил сладкую парочку в почётную ссылку на Багамские острова, где они блаженствовали до конца Второй мировой войны. Жили долго и счастливо, умерли с разницей в пятнадцать лет.

Глория-старшая умерла в 1965 году. А вскоре ушла из жизни и её сестра Тельма, виконтесса Фёрнесс. Она упала замертво на оживлённом перекрёстке Нью-Йорка, когда торопилась к врачу. В её дамской сумочке обнаружили лишь маленького плюшевого мишку — подарок от принца Уэльского, сделанный много лет назад. Ворс на игрушке был истёрт до основы.

Глория-младшая ещё трижды выходила замуж. Наконец-то была счастлива в браке. Перепробовала в своей жизни множество профессий, и кое-что у неё получалось неплохо. Снималась в кино, но лишь на второстепенных ролях. Занималась дизайном одежды: джинсы, названные её именем,

стали популярны. Она даже получила лицензию на свой бренд. Дожила до 95 лет. Перед уходом в вечность сообщила сыну, что трастовый фонд Вандербильта давно пуст.

Вот и конец истории маленькой девочки по имени Глория, что в переводе с латинского означает «слава». Её жизнь оказалась тоненькой ниточкой связана с двумя мировыми войнами. Впрочем, эти два страшных катаклизма коснулись всех людей на Земле.

**Автор (из-за кулис):** Глория Вандербильт на склоне лет редко появлялась на людях. Но честолюбие и тяга к славе заставляли её иногда выходить на Пятую авеню. Она и её сыновья придумали игру: садились на скамейку и считали, сколько человек пройдёт мимо в джинсах с надписью Gloria. Потом появились прохожие в джинсах с другими лейблами, и они поняли, что слава земная капризна и быстротечна. Не зря старая латинская пословица гласит: «Так проходит gloria мунди».

## КАРТИНА 6-я

### Власть, стоящая за тронном

*Действующие лица:*

✓ **Вудро Вильсон** (1856—1924) — 28-й президент США, лауреат Нобелевской премии мира (1919).

✓ **Эдвард Хауз** (1858—1938) — американский политик, советник президента Вудро Вильсона; известен больше как «полковник Хауз».

✓ **Эдит Вильсон** (1872—1961) — вторая жена президента Вудро Вильсона; после инсульта мужа фактически полтора года управляла страной, за что получила прозвище «первая женщина-президент США».

✓ **Артур Циммерман** (1864—1940) — статс-секретарь, позже министр иностранных дел Германской империи (до отставки в августе 1917 года). Его имя связано с «телеграммой Циммермана», которая заставила Америку вступить в мировую войну; он также весной 1917-го разрешил большевикам проезд через Германию в спецвагоне.

*Место действия* — в основном Вашингтон.

*Время действия* — начало Первой мировой войны.

**Автор (из-за кулис):** В конце 1823 года 5-й президент США Джеймс Монро в своём ежегодном послании к американскому Конгрессу заявил: «Мы никогда не принимали участия в войнах европейских держав, касающихся их самих, и это соответствует нашей политике. В интересах сохранения искренних и дружеских отношений, существующих между Соединёнными Штатами и этими державами, мы обязаны объявить, что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть Западного полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности». Этим документом, известным



как «доктрина Монро», США пытались навечно закрепить за собой функцию «международного полицейского» на всём Западном полушарии планеты.

**А**МЕРИКАНСКОМУ президенту Вудро Вильсону было не до войны: у него умирала жена. Конечно, он знал о том, что творится в мире. Советник Эдвард Хауз ещё в начале лета докладывал:

— Положение исключительное. Это милитаризм, дошедший до полного безумия. Если только кто-нибудь с полномочиями от вас не добьётся установления иных отношений, то в один прекрасный день произойдёт ужасный катаклизм...

Знал американский президент и о том, что Германия не собиралась ни на кого нападать, убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда — это для неё не повод. Тот же полковник Хауз ему доложил в июле, что в Берлине всё тихо, как в могиле.

А девятого августа жена умерла. К тому времени уже все четыре крупнейшие империи в Европе находились в состоянии войны. Словно кто-то расставил четырёх королей по клеткам шахматной доски — белые против чёрных — воюйте, пожалуйста. И даже те страны, где власть не сидит на троне, уже участвуют в этой смертельной игре. Нет, Америка — страна демократии, ей война не нужна, нужно держать нейтралитет, хватит смертей!

Война отбросит мир назад на три, а то и на четыре столетия...

Так думал 28-й президент Соединённых Штатов, вернувшись с кладбища во Флориде, где рядом с могилой своих родителей нашла вечный покой его жена Эллен. Они прожили вместе почти тридцать лет. После обручения не могли пожениться целых два года: у девушки болел отец, а Вудро только начал преподавать в колледже.

Впрочем, Вудро — это имя он взял от фамилии кузины, своей первой любви, а при рождении был записан

как Томас. Эллиен знала об этом, он ей всё рассказал в письмах, писал каждый день до свадьбы, утром и вечером. Эти полторы тысячи любовных посланий она перечитывала, когда слегла. И умерла, прижимая их к сердцу.

Не надо больше смертей! Но ведь который день во всех штатах проходят демонстрации. Люди собираются и под окнами Белого дома, скандируют: «Мистер президент, накажи Германию! Мы готовы воевать с немцами!». Словно какой-то невидимый дирижёр управляет толпами. Причём популярность Вильсона в эти дни многократно выросла, народ искренне сочувствовал его горю. Большинство, конечно, было против войны. Но демонстрации не прекращались и после Рождества.

Как правильно поступить, мог бы подсказать незаменимый Хауз, «власть рядом с троном», как он себя называл, но советник сразу после Рождества отплыл из Нью-Йорка в Европу, где пробудет, видимо, ещё долго. Позицию своего шефа — бывшего ректора гуманитарного университета, доктора философии и любящего семьянина — он отлично знал, но сейчас президенту придётся всё решать самому.

Президент предложил монархам воюющих стран свои услуги в качестве посредника. Как и следовало ожидать, ответа не получил. Тогда Вильсон решил обратиться к гражданам своей республики.

— Легко возбудить страсти, — заявил он по радио, — но трудно их успокоить. Те, кто будет повинен в разжигании страстей, возьмёт на себя тяжёлую ношу, — ответственность за то, что народ Соединённых Штатов разделится на враждующие лагеря, восставшие друг против друга, вовлечённые в реальную войну, если и не действий, то войны настроений и помыслов... Каждый гражданин, действительно любящий Америку, должен сегодня действовать и выступать в подлинном духе нейтральности, беспристрастия и дружелюбия ко всем!..

Похоже, это было далеко не то, на что рассчитывали местные кланы. Они только-только оправились от двухлет-

ней рецессии и очень рассчитывали разбогатеть на войне. Но они простили пацифизм Вильсона, потому что ещё не опомнились от прекрасного подарка — Федеральную финансовую систему президент отдал в частные руки. Вдобавок кланы заняты были только что открывшимся судоходством через Панамский канал. Плывут пароходы — это их пароходы, салют президенту! А война никуда не уйдёт, она будет долгой. За кулисами театра военных действий это отлично знали.

Обстановка в Белом доме оставалась мрачной. Даже в Рождество здесь никто не позволял себе разговаривать громко или смеяться. А нынче — тем более.

Одиннадцатого марта 1915 года Британия вдруг официально заявила, что будет останавливать любой корабль, нейтральный или нет, идущий в Германию или из Германии, и даже направляющийся в нейтральные порты. Король Георг V издал указ о праве досматривать корабли и выяснять, не везут ли они военную контрабанду. Причём список запрещённых товаров резко расширился, делая внешнюю торговлю США рискованной и невыгодной.

Этот указ вывел Вильсона из себя, он ответил официальным протестом, в котором назвал план Британии «отрицанием суверенных прав невоюющих держав». Отношения с Англией портились на глазах. Нота не помогла. В Белый дом потоком шли жалобы от американских судоходных компаний, чьи грузы были задержаны или конфискованы. Настроение у Вильсона было отвратительным. Личный доктор президента Грейсон начал всерьёз опасаться за его здоровье.

Однажды они ехали вместе в автомобиле, и доктор попросил остановиться возле аптеки. Президент остался в машине и через стекло увидел, как Грейсон поздоровался с молодой красивой женщиной, шикарно одетой и приветливо улыбающейся.

— Кто эта прекрасная дама? — тихо спросил президент, когда машина тронулась.

Грейсон понял: «Это то, что доктор прописал». На следующий день женщина была представлена президенту на якобы случайной прогулке в саду Белого дома. Эдит Галт, очаровательная вдова сорока трёх лет, чуть поколебавшись для приличия, согласилась выпить чаю.

Спустя несколько дней, 23 марта, Вильсон пригласил новую знакомую на обед и послал за ней свой лимузин. Эдит, с орхидеей в волосах, сидела справа от президента. Тот был в ударе, много шутил, что-то рассказывал, о чём-то спрашивал у гости, всем телом поворачиваясь к ней, словно ища поддержки в её фиалковых с окаёмочкой глазах.

После обеда все поднялись на третий этаж, в Овальный кабинет. Пили кофе у камина, Вильсон читал стихи. Дворецкий потом признался, что впервые за полгода услышал, как смеётся президент. «Пропал человек», — добавил он.

Теперь Вильсону нравилось всё. Особенно то, что Эдит любит гольф, что она стала первой женщиной в Вашингтоне, получившей водительские права, и разъезжает по городу в электромобиле. Вудро очень любил автомобили и ещё многое полюбил этой весной.

Германские подводные лодки по-прежнему топили английские торговые суда, корабли военно-морского флота Британии досматривали в море американцев, милитаристское лобби США всё чаще требовало от президента объявить войну кайзеру. Существующий нейтралитет кое-кому не нравился всё сильнее.

На каждое агрессивное действие воюющей Германии он отвечал нотой протеста — всего их наберётся больше сотни. Он считал это рутиной, с гораздо большим удовольствием считал часы до встречи с Эдит. Так и написал ей 28 апреля: «Более всего на свете я жажду доставить вам удовольствие — ведь вы дали мне так много! Если сегодня вечером будет дождь, не соизволите ли посетить меня?..»

Вечер случился дождливым и томным. Опять горел камин в Овальном кабинете. «Вы наполнили мой кубок счастьем, — написала она, вернувшись домой. — Двадцать

Восьмое Апреля на моем календаре озаряется праздничным светом».

Через неделю, четвёртого мая, Вильсон послал за Эдит свой лимузин, чтобы привезти её в Белый дом на обед. Белое атласное платье с глубоким декольте, широкий пояс фиалкового цвета «под глазки» — она была само очарование.

После обеда Вудро увел её на галерею, где они, наконец, оказались вдвоём. Там цвели крокусы, и на эту сладкую парочку весенний месяц май, баловник и чародей, как выразился поэт, веял нежным своим опахалом. Там-то всё и произошло. Он ей сказал:

— Я вас люблю!

В её глазах сверкнуло что-то.

— О нет! — воскликнула вдова. — Как можно? Ведь вы почти не знаете меня. К тому же года не прошло со дня кончины вашей Эллен...

Короче, Эдит отказала, оставив Вильсона в недоумении: дожив почти до шестидесяти лет, он и не ведал, что любовные игры, не хуже политических, имеют свои непреложные правила. А она всё чувствовала, понимала, была уверена в себе, с детства уяснив, что президенты США так просто не сдаются. И в тот же вечер написала ему «прощальное» письмо:

— Я — женщина, и мысль, что я нужна вам, сладостна, не скрою! Я леди, но не железная, увы! Вы были искренны со мною, а я, возможно, слишком холодна. Если так, прошу простить меня великодушно! Уж далеко за полночь, я сижу в большом кресле у окна, печально глядя в ночь. Я вся полна жизни и трепета! О, как же хочется мне вам помочь! Что за невыразимое удовольствие и честь для меня — то, что мне позволено разделять с вами эти тревожные, ужасные дни, сопряженные с такой высокой ответственностью. Счастливая дрожь пробегает по мне до самых кончиков пальцев, когда я вспоминаю те волшебные слова, что вы сказали мне вечером, и как жалка моя участь — не предложить вам ничего взамен. Ничего, я хочу сказать, по сравнению с вашим великим даром!..

В конце письма она предложила ему вечнозелёное, женское: «Давайте останемся друзьями. Мы будем помогать друг другу, заботиться, ободрять друг друга».

А ему что теперь делать? Он уже полностью в её власти. Президент не спал всю ночь, писал ей длинное-предлинное письмо, никак кончить не мог, пять постскриптумов поставил в конце, а наутро вскрыл уже запечатанный конверт — и ещё дописал несколько страниц с последним P.S. «Готов согласиться на дружбу, до поры до времени», — мудро высказался Вудро.

Тут же он сочинил и отправил очередную ноту кайзеру, более жёсткую, чем обычно. Напомнил германскому императору про доктрину Монро и поправки к ней, процитировав дословно: «Любая страна, народ которой ведёт себя хорошо, может рассчитывать на нашу чистосердечную дружбу. Мы негодуем по поводу нанесённых нам обид и вмешаемся, когда станет очевидным, что нарушены наши права». Ниже добавил, что за непрекращающиеся нападения на нейтральные корабли под американским флагом он будет вынужден призвать Германию к ответу по всей строгости.

Скорее всего, кайзер получил эту ноту по телеграфу, когда в Берлине был уже вечер. Прочитал её на следующий день. И кто знает, может, этот текст немало разозлил воинственного Вильгельма II? Как бы то ни было, лайнеру «Лузитания» с его двумя тысячами пассажиров оставалось жить чуть больше суток.

Получив согласие «дружить домами», очаровательная Эдит не стала отказываться от обедов в Белом доме. Шестого мая Вильсон послал за ней лимузин. Она приехала в элегантном чёрном костюме. Была скромна и молчалива, он тоже не смеялся. Президент деликатно говорил о тревожном положении в мире. Она мягко поощряла его благоразумие. Было чопорно и мило. Бессловесная охрана тихо жалась по углам.

После обеда президент предложил ей сыграть партию в гольф, заменив обычного своего партнёра доктора Грейсо-

на. Эдит согласилась и, что интересно, легко выиграла эту партию.

На следующий день Вудро Вильсон обедал без неё и без настроения. Гольф он отменил. Было восемь часов вечера, когда президенту принесли телеграмму: лайнер «Лузитания» потоплен германской субмариной, очень много жертв.

Он ничего никому не сказал. Не взял автомобиль, отправился пешком. Закрываясь зонтом от дождя и прохожих, бродил по улицам, и никто не узнавал своего президента. Ноги сами привели его к дому, где жила вдова Эдит Галт, его «рай, приют, святилище» — как Вудро называл её в письмах. Окна её не горели, никто с той стороны не прижимался лбом к стеклу, печально глядя в ночь.

Три дня они не обедали вместе. «Нам не следует видеться особенно часто, чтобы не привлекать нежелательного внимания, — писала она. — И мне необходимо время, чтобы до конца понять собственное сердце. Неделя, месяц, может, год — я сама не знаю, сколько».

Он ответил так, словно принимал экзамен по философии у студентки: «Наше время состоит из нас. И оно нынче измеряется не неделями, месяцами или годами, а глубокими человеческими событиями...»

Президент ездил по стране, объясняя в разных штатах разным аудиториям, почему Америка до сих пор не воюет. И было это совсем не просто. Ему напоминали про доктрину Монро, обвиняли в трусости, кричали о немыслимых убытках, угрожали не голосовать больше за него.

Он пытался их успокоить:

— Мы будем держать нейтралитет. Пусть они воюют меж собой!

Весь месяц прошёл в таких суетливых и тяжёлых дебатах. Лишь в последних числах май-чародей порадовал Вудро Вильсона кратким письмом от Эдит. «О, сколько разных мыслей роилось у меня в голове за это время! — писала она. — Я была вся переполнена страхом. Ведь вы занимаете

такую высокую должность, что некоторые могут подумать, будто я люблю вас лишь за это. Плюс ужасная мысль о том внимании публики, которое неизбежно последует, а также чувство, что я пока не подготовлена к ответственности, которую влечет за собою жизнь рядом с вами...»

«Сердце моё бьётся от очарования и сладости записочки, которую вы мне послали», — тут же телеграммой сообщил ей президент.

Все сразу почувствовали разницу: «Да это же просто другой президент!». Нет, он тот же самый, только у нынешнего Вильсона словно крылья выросли. Он стремительно разогнал волну. Уволил госсекретаря Уильяма Брайана, что полковник Хауз не раз советовал сделать. Написал Эдит, она тут же ответила:

— Ура! Старик Брайан ушёл!

Наверняка она имела в виду не возраст, ведь Брайан на четыре года моложе Вильсона. Скорее всего, таким эмоциональным всплеском она хотела сказать, что серьёзных претендентов «на трон» теперь не осталось (Брайан трижды безуспешно баллотировался в президенты), и можно начинать предвыборную кампанию.

Друг и советник Хауз тут же придумал главный лозунг будущей кампании: — «Он уберёт нас от войны». Об этом Вудро тоже сообщил Эдит.

Ответ его потряс:

— Я согласна стать вашей женой!

Ровно сто дней прошло с момента их знакомства. Он победил, он всем доказал: президенты Соединённых Штатов Америки просто так не сдаются!

Правда, свадьбу пришлось немного отложить. Но уже осенью было официально объявлено о предстоящем торжестве. Впрочем, церемония бракосочетания прошла скромно, были только самые близкие. Специально сделали перед Рождеством, чтобы всем сразу уйти на каникулы.

Тем же вечером пара села в личный поезд и отправилась в свадебное путешествие. Как позже признался телохрани-



тель, утром в спальном вагоне он увидел высокую фигуру в цилиндре, фракном пиджаке и серых пижамных брюках. Президент, забывший о присутствии охранника, радостно отплясывал джигу и напевал:

— О, красotka! Я не могу поверить! Ни одна не сравнится с тобой! Боже, что за красotka!

Такой вот вышел у Вудро Вильсона 1915-й — суетный, неожиданный, счастливый год. А весь следующий — это выборы. Плюс многомесячная бумажная война с Германией. Многие в Америке хотели бы настоящих боевых действий, но лозунг «Он уберёт нас от войны» оказался сильнее. Демократы вновь победили. Осёл — символ их партии — скалил зубы чуть ли не с каждой витрины магазина.

Победа Вильсона далась нелегко. Немало помог огромный опыт полковника Хауза. Этот «серый кардинал» был единственным, кто называл президента запросто — «босс». Он подсказал правильную тактику: не критиковать соперников, сделать акцент на достигнутых успехах. Хауз помог президенту составить конкретную программу мира, которая позже войдёт в историю как «Четырнадцать пунктов Вильсона».

В письме к полковнику Хаузу президент подчёркивал: «Войны не будет. Наша страна не намерена быть вовлечённой в эту войну. Мы единственная из всех великих белых наций, которая не воюет, и было бы преступлением против цивилизации, если бы мы в войну вступили».

Капиталу, финансирующему оппонентов-республиканцев, всё это не нравилось. Чем больше танков, пушек и самолётов, тем выгоднее капиталу. Сместить Вильсона и втянуть Соединённые Штаты в войну — вот о чём мечтали за кулисами. И если первое не удалось, то второе прекрасно получилось с помощью Великобритании.

Секретная служба, созданная ещё до войны первым лордом Адмиралтейства Уинстоном Черчиллем и разместившаяся под его патронажем в комнате номер сорок, расшифровала всю дипломатическую переписку Германии

и теперь исправно читала тайные распоряжения кайзеровского правительства. Ушедший в отставку Черчилль побывал в театре военных действий, вернулся в Лондон и, ожидая назначения министром вооружения, зашёл повидаться с секретчиками в их комнату № 40. Там-то всё и решилось.

В сороковой комнате заранее знали, что кайзер с 1 февраля 1917-го объявит о беспощадной подводной войне. Незадолго до этого германский министр иностранных дел Артур Циммерман отправил послу в Мексике телеграмму, в которой предлагалось заключить военный союз двух стран. Условия простые: «Вместе воевать, вместе заключать мир, щедрая финансовая поддержка, а также понимание с нашей стороны, что Мексика должна отвоевать потерянные территории в Техасе, Нью-Мексико и Аризоне, если США вступят в войну против Германии».

Получив из Лондона эту расшифрованную информацию, Вильсон пришел в ярость, но потом признал, что данный случай — недостаточное основание для войны. Тем более что и полковник Хауз, и жена советовали сначала проверить подлинность телеграммы немецкого дипломата. А 25 февраля германская субмарина потопила очередной пассажирский лайнер. Двое из погибших пассажиров были американскими гражданами, Эдит Вильсон лично знала их. Спустя пять дней Артур Циммерман публично признал в Берлине, что телеграмма подлинная.

— Каждый непредубежденный человек должен видеть здесь враждебный дух американского правительства, которое настраивает против нас весь мир, прежде чем начать войну, — добавил он в конце речи. — Но оно не может отказать нам в праве искать союзников. Я считал патриотическим долгом направить эту телеграмму и сейчас уверен, что действовал правильно...

Бывший судья из Кёнигсберга не смог соврать.

США разорвали дипломатические отношения с Германией. Но это ещё не война. А закулисы требовало именно её, постоянно натравливало слона — символа партии ре-

спубликанцев — на демократического осла. История с телеграммой Циммермана была сделана грамотно, аккуратно, чтоб ничьи уши — ни слоновьи, ни ослиные — не вылезли. Наверняка кто-то за кулисами потрепал будущего министра вооружения Черчилля по плечу: «Молодец, разворошил ты ослиное гнездо!»

Вечером второго апреля Вудро Вильсон выехал из Белого дома в Капиталий на экстренное заседание. Эдит отправилась туда заранее.

— Настал момент, когда Америке выпала честь пролить кровь и отдать силы за принципы, подарившие ей жизнь, за счастье и мир, которые она свято хранила. Иного ей не дано, да поможет ей Господь! — так президент закончил свою получасовую речь.

Соединённые Штаты вступили в войну.

**Автор (из-за кулис):** Первая леди Эдит Вильсон строго соблюдала пост, стараясь во всём быть примером для домохозяек. Она приказала овец пасти на лужайке Белого дома, чтобы не стричь газон. Шерсть продавалась с аукциона, вырученные средства шли на благотворительность. Она ездила с мужем в Европу на подписание Версальского мирного договора в 1919 году. Эдит и ее окружение скрывали от американской общественности истинное состояние президента, парализованного после инсульта. С начала болезни мужа она взяла на себя многие его обязанности и полтора года была «властью позади трона», «теневым президентом», пока Вудро Вильсон не покинул свой пост 4 марта 1921 года.

## ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

### Германия: «Боже, покарай Англию!»

*«Вильгельм II, enfant terrible государственной власти, разговаривая с какими-то солдатами, публично сказал им: “Рекруты! В виду алтаря и служителя Бога вы присягнули мне на верность... Это, дети моей гвардии, значит, что вы теперь мои солдаты, что вы предали себя мне душой и телом. Для вас существует теперь один враг, а именно тот, кто есть мой враг. При теперешних социалистических происках может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших собственных родственников, братьев, даже родителей — от чего Боже сохрани — и тогда вы будете обязаны беспрекословно исполнять мои приказы”.*

*Жалкий, ошалевший от власти, больной человек этот своими словами оскорбляет всё, что может быть святого для человека нашего времени... Говорят часто, что изобретение страшных военных орудий убийства уничтожит войну; война уничтожит сама себя. Это неправда. Как можно увеличивать средства избияния людей, так можно увеличивать средства приведения к покорности людей общественного жизнепонимания».*

**Лев Толстой «Царство божие внутри вас»**

## КАРТИНА 7-я

### Берлинское танго с ароматом греческой смоковницы

*Действующие лица:*

- ✓ **Арчибальд Керр** (1882—1951) — британский дипломат, барон.
- ✓ **Принцесса Софи** (1870—1932) — предпоследняя дочь последнего германского императора Вильгельма II, супруга греческого короля Константина I.
- ✓ **Шарлотта** (1860—1919) — старшая сестра принцессы Софи. Замужем за своим троюродным братом, герцогом Саксен-Мейнингенским.
- ✓ **Вильгельм II** (1859—1941) — последний германский император (с 1888-го по 1918 год).

*Место действия* — Берлин (в конце — Афины).

*Время действия* — незадолго до начала Первой мировой войны.

**Автор (из-за кулис):** Последний германский император Вильгельм II с рождения мечтал о роли главного героя в любом спектакле. Со своими кузенами — будущим британским королём Георгом V и будущим императором российским Николаем II — он был связан искренней дружбой. Но страсть быть первым во всём и агрессивность германского императора разгадали те, кто мечтал раздуть мировой пожар. Они использовали всё худшее в характере Вильгельма II в своих интересах. Лишь перед смертью он понял, что был марионеткой в кукольном спектакле чужого режиссёра.

**П**ЕРВАЯ зарубежная командировка молодого английского дипломата Арчибальда Керра обозначена — Берлин. Дома, в министерстве иностранных дел, считали, что миссия в Германии — очень важное и ответственное место. Соперничество обеих стран растёт, никто не хочет уступать, а военная мощь немцев и их агрессивность всё сильнее и сильнее.

На третий день службы Арчибальд был вызван к послу. Прежний посол водил дружбу с кайзером Вильгельмом II, но чем крепче становилась связующая их нить, тем чаще в императоре Германии вспыхивала странная и дикая ненависть ко всему английскому. Кто был тому причиной, неизвестно, но в один прекрасный день ниточка лопнула, и Великобритании пришлось искать замену. Новый посол, как мог, принялся разруливать ситуацию.

Когда Керр вошёл в его кабинет, посол что-то наигрывал на скрипке. Отложив инструмент, он добродушно улыбнулся:

— Доброе утро, Арчи! Спасибо, что зашли. У меня для вас сюрприз! Сестра кайзера Софи приглашает на вечеринку. Раньше это игнорировалось, а я предлагаю вам прокатиться со мной во дворец кронпринцесс и познакомиться с местной элитой. Как вы, не возражаете?..

Керр, безусловно, был наслышан о принцессе Софи. Внучка английской королевы Виктории, супруга греческого кронпринца, мать уже пятерых детей, она могла затмить красотой любую из дам при дворе немецкого императора. Стройная, гибкая, она обожала великосветские приёмы и весёлые пикники на природе. Софи только что приехала из Афин, и сейчас навёрстывала в родном доме всё, что выходило из рамок позвоительного при дворе венценосного свёкра.

Арчибальд был представлен принцессе. Он учтиво склонил голову. Софи протянула руку для поцелуя, а когда Керр поднял глаза, её смеющееся лицо оказалось совсем рядом.

— Я очень рада видеть вас, — сказала она по-немецки. — Наконец-то в этом дворце присутствуют настоящие английские джентльмены!

Тут посол предложил какой-то остроумный тост, все заулыбались, выпили шампанского. Один из великих князей предложил тост за здоровье Его Величество короля Эдуарда VII — снова выпили. Через каких-то полчаса гости уже разбились на островки, где звенели бокалы, звучали отдельные тосты и взрывы смеха.

Керр не мог оторвать взгляда от Софи. Она единственная на этом вечере была в облегающем платье. Суженная книзу юбка без турнюра, широкие бёдра, змеиная талия — вся она была похожа на русалку в своём серебристом наряде. Арчибалд стоял пораженный и бормотал про себя стих из Гёте: «Я не знаю, что всё это значит, и почему я так грустен сейчас...»

Серебристая русалка выскользнула из ближнего островка и подплыла к молодому дипломату.

— Надеюсь, вы не скучаете у меня? Мы сегодня собрались специально без музыки. В следующий раз обязательно потанцуем с вами, обещаете?

— Натюрлих, — он едва сумел выдавить из себя одно слово.

Софи засмеялась, слегка откинув голову. Серые глаза её вмиг стали голубовато-зелёными.

— Вы очень милы. Но напрасно так стесняетесь. У нас всё по-простому. Хотите, я покажу вам оба дворца?

И не дожидаясь ответа, повернулась и пошла. Керр быстро догнал её. Принцесса показывала назначения комнат, через которые они проходили.

— Поначалу был один дворец, для кронпринцев. Там родился мой брат. Чуть позже рядом построили дворец принцесс. Сейчас они соединены переходом. Видите? Но мы туда не пойдём. Давайте лучше присядем на этом диване и поболтаем. Расскажите мне о себе!

Как на экзамене, Керр начал с родителей и с места, где родился. Принцесса была удивлена его рассказом об Австралии. Даже придвинулась к нему поближе.

— Как, как эти страусы называются? — заливисто смеялась она. — Эму? Какое странное название! Они, правда, похожи на бегающий стог сена? Хрюкают, как свиньи? Этого не может быть, Арчи!

С интересом всматривалась в его лицо. И постоянно переспрашивала.

— Вас обзывали в школе австралопитеком? Только за то, что вы родились в Сиднее? Так вы, может, и в самом деле сын местной аборигенки? Любого наказывали? Прямо кулаком? И вам тоже разбивали нос? О боже, Арчи, мне вас жалко! И вы никогда ещё никого не любили? Совсем ни разу? Как же мне интересно с вами!..

Она была на двенадцать лет старше Керра, но наслаждалась этим разговором совершенно искренне. А потом Софи стала изливать юноше свою душу: как она несчастна в Греции и как она любила мать и через неё — бабушку, королеву Викторию, и всю Британию.

Через час они вернулись к гостям. Посол Его Величества короля Эдуарда VII уже отбыл с вечеринки без своего подчинённого...

В августе третий секретарь британского посольства Арчибальд Керр получил персональное приглашение приехать в летнюю резиденцию кайзеровской семьи в качестве личного гостя принцессы Софи. В выходной день он отправился туда.

Принцесса встретила его в костюме амазонки. И сразу повела его куда-то в сторону от замка, усадила на скамью в небольшом искусственном гроте.

— Вот здесь мы продолжим нашу беседу, не возражаете, Арчи? А потом я представлю вас моему брату, и пойдём завтракать.

Они снова много смеялись и болтали обо всём на свете, перебивая друг друга. Потом он предстал пред суровыми очами кайзера.

Ровно в полдень распахнулись широкие двери, и в зал твёрдым шагом вошёл Вильгельм II. Несмотря на тщатель-



но скрываемую инвалидность, сразу было видно: этот человек годен к строевой жизни. Фельдмаршальский мундир прекрасно сидел на нём. Странно, но в руке он держал сверкающий железный шлем с гербом.

Император сперва поприветствовал сестру, затем жестом пригласил всех в столовую, где справа от себя посадил гостя. Стол был сервирован просто, единственным изыском был золотой звонок, которым император пользовался всякий раз, когда наступало время для перемены блюда. Подавали суп, жаркое, фруктовый десерт. Ни шампанского, ни ликёров не было, только красное рейнское вино.

Кайзер говорил без умолку, обращаясь практически только к гостю. Сам он при этом с удивительной скоростью расправлялся с едой, несмотря на парализованную с детства левую руку. Император пользовался специальной вилкой, которая с одной стороны имела лезвие с зубцами, и он с завидной ловкостью отрезал кусочки жареного мяса.

Керр посчитал для себя, что невежливо есть, когда с тобой разговаривает император, поэтому слушал, ловя каждое слово, и практически не притронулся к еде.

Взяв из вазы два самых крупных инжира, кайзер мгновенно проглотил их, запил вином, вытер салфеткой лихо закрученные кверху усы и молча кивнул на прощанье. Гость и принцесса Софи снова остались одни.

Они ещё погуляли по чудесному парку, посидели у фонтана.

— Арчи, закройте глаза, — вдруг попросила Софи.

Ему вдруг стало страшно: неужели принцесса сейчас его поцелует?

— Не подглядывайте! И не краснейте так! Говорите, чем пахнет?

Пахло свежими плодами смоковницы и кёльнской водой. Врать принцессе не стал.

— Инжиром и одеколоном.

Софи засмеялась своим серебристым колокольчиком.

— Правильно! Вот и пусть этот запах останется у вас на память от меня!

И она погладила его лицо своей тёплой ладошкой.

Всю обратную дорогу в карете с гербами Керр ощущал этот аромат.

...В сентябре принцесса Софи должна была вернуться в Афины: в соседней Турции случился какой-то переворот, неприятности могли коснуться Греции, и муж потребовал её присутствия. На прощальную вечеринку Керр также получил приглашение. Посол безоговорочно отпустил его и даже дал краткосрочный отпуск.

Керр, наверное, даже не удивился бы, если б Софи при встрече кинулась ему на шею, так она была обрадована и возбуждена. Впрочем, он тоже. Вот что он писал в своём дневнике спустя пару дней: «После обеда мы танцевали креольское танго. Я краснел, потому что не знал ни одного баса этого новомодного танца, она учила меня. Я танцевал почти всё время с Софи... И я снова краснею, говоря, что получил странное удовольствие от того, что держал её в своих руках. Более того, мне казалось, что она полностью в моей власти и испытывает то же самое...»

За окном шелестел ночной дождь, ему пора было уходить. Он ушёл. Исчез незаметно, по-английски.

Но ночь не закончилась. Он так и не смог уснуть. Спустя примерно час Софи постучалась в дверь комнаты, отведённой Керру во дворце.

— Арчи, — прошептала она. — Я не могу вас так просто отпустить...

Она подошла к нему вплотную, взяла за руку и повела, как маленького. Через едва освещённый переход, через анфиладу пустынных салонов, где совсем недавно играла музыка, рекой лилось шампанское и рейнское вино, скользили по наборному паркету дамы в шикарных платьях и их партнёры — немецкие офицеры в высоких сапогах и коронованные отпрыски во фраках.

Лишь когда они добрались до её покоев, Софи повернула к нему лицо.

— Я знаю, что не должна так поступать, но... Тише, пожалуйста, не перебивайте. Ничего не говорите, а то пере-  
думаю!..

Потом они так и не перешли на «ты». Молча слушали, как капли дождя стучат по окнам спальни. Наконец, Софи спросила.

— Вы не шпион, Арчи?

— Нет. Я мечтаю о карьере только в своей профессии.

— Слава богу, а то тут полно шпионов. Поверите, я не могу открыться даже мужу своему. Особенно сейчас, когда он намертво прикипел к своей новой любовнице. Сейчас мне даже трудно представить, что двадцать лет назад я была влюблена в этого человека. Знаете, какая у нас шикарная свадьба была? Внучка Её Величества королевы Великобритании и наследный принц греческой короны — мы ведь с Константином состояли в родстве не только между собой, но и практически со всеми королевскими домами Европы. Все верили, что Константинополь и Святая София снова объединятся с Грецией, когда на трон взойдут Константин и София. Гостей понаехало тысячи. Мы венчались дважды — сначала по православному обряду, потом по лютеранскому. А мой брат, как узнал об этом, запретил мне появляться в Берлине. Вы заметили его странности?..

И тут принцессу просто понесло.

— Вы в курсе, что он родился калекой, с сухой рукой и кривой шеей? И с детства ненавидел всех. Отец только посмеивался: «Пусть природа отдохнёт после гения!». А брат ещё сильнее бесился. Вы знаете, что он страдал Эдиповым комплексом? Все подростковые сексуальные мечты переводил на мать и даже пытался сделать её, дочь британской королевы, своей любовницей! Он страшный человек, Арчи! Чем строже мать старалась убедить его, что это нехорошо, тем сильнее он ненавидел всё английское. Он, только он виноват, что родители так рано умерли. Злоба его не имеет

границ. Поверьте, скоро он доведёт Германию до страшной войны со всеми, в первую очередь с Англией. «Боже, покарай Англию!» — так он каждый вечер молится. Он параноик. И даже не замечает, что его используют. Возомнил себя великим воином и полководцем, не слезает с коня, по нескольку раз на дню переодевается в разные мундиры — то якобы командует артиллерией, то флотом, то кавалерией. А шлем? Вы видели его шлем?

— Видел, — откликнулся Керр, пытаясь всё запомнить дословно.

— Нет, не тот. Он заказал себе шлем из чистого золота и щеголяет в нём, когда принимает королей и императоров самого высокого уровня. Возомнил себя властелином мира. Это ужас! И при этом, Арчи, ему ничего нельзя сказать, никто не вправе спорить с ним. Он уверен, что кайзер Германии никогда не ошибается, что его жена и вообще все родственники — вне подозрений, прямо ангелы во плоти. Был уверен, пока не получил оплеуху с этим скандалом...

— Не понял. С каким скандалом?

— Как, разве вы не в курсе?! Это же было вселенское грехопадение! Все газеты писали! Слушайте же... Дело было так. В начале 1891 года дамы и господа — числом пятнадцать, все голубых кровей — катались на санях в окрестностях Берлина. А потом приехали в охотничий замок, скинули шубы, прогнали прислугу, напились — и началось! Это была грандиозная оргия. Интимные места они чуть прикрывали листочками фигового дерева, а то и без оных обходились. Пары менялись по кругу. Было всё, на что способна безудержная фантазия богемы. Вы знаете, что такое богема, Арчи?

— В переводе с французского это, кажется, цыганщина, — отозвался пораженный Керр.

— Именно! Представляете, целый табор принцев и принцесс, занимающихся любовью? Причем однополой тоже. А ведь за это полагается у нас тюрьма, как и у вас в Англии...

От неё крепко пахло кёльнской водой, вином и инжиром... «Высокие, высокие отношения», — подумал Керр. И чуть не спросил: «Вы тоже там были, ваше высочество?» Да вовремя язык прикусил.

— И всё бы ничего, Арчи, но через несколько дней участники этой вечеринки стали получать анонимные письма, в которых подробно описывались детали этой оргии. Досталось всем. Потом письма стали получать непричастные к этому персоны: политики, журналисты, аристократы, родственники. Даже вдовствующая императрица, покойная наша с Вильгельмом мать, получила несколько таких писем. Все были просто в шоке, при дворе каждый со страхом ожидал, что в следующем письме будет упомянуто и его имя...

— А что требовал анонимный шантажист?

— В том-то всё и дело, что ничего не требовал. Просто выдавал интимные тайны. Причём неизвестно, был это «он» или «она». Экспертиза установила, что почерк, скорее, женский. Подозрение падало на мою старшую сестру Шарлотту, но и она сама получила немало этих оскорбительных анонимок. Представляете, как взбесился наш брат?

— Уверен, что кайзер приказал немедленно найти виновного!

— Да что толку! Письма приходили годами. Представляете, годами! И в каждом — пикантные подробности из личной жизни кого-то из императорской семьи. Тайная полиция арестовывала любого, кто мог быть хоть как-то причастен. Арестовывала и отпускала. Все перессорились друг с другом. Несколько дуэлей было, со смертельными исходами. Ах, подорван авторитет монархии! Ах, император и его двор живут по двойной морали! До сих пор ведь ещё отголоски этого скандала слышатся...

— Так нашли всё-таки негодяя?

— Нашли. Моя сестра Шарлотта потеряла когда-то свой дневник, а в нём она записывала всё без купюр, все-все тайны и даже собственные фантазии. Этот дневник и попал в руки шантажиста. Вильгельм изгнал его из страны...

Она помолчала минуту и продолжила уже спокойнее:

— Беда моего брата в том, что он считает себя выше всех, везде хочет быть главным действующим лицом. На свадьбе — быть невестой, на крестинах — новорожденным, даже на похоронах — главным действующим лицом. Эту черту его характера обязательно кто-нибудь использует в своих целях...

На прощанье Софи обняла Керра.

— Арчи, милый Арчи, никогда не ведите дневников, они обладают фатальной склонностью быть прочитанными! Найдёте дорогу к себе?

Рано утром он вышел в пропитанный дождём сад. Издали увидел в беседке Софи. Она была не одна, рядом сидела её старшая сестра Шарлотта. Софи, похоже, рассказывала ей что-то смешное, потому что сестра беспрестанно смеялась, прикрывая ладошкой некрасивое лицо. Ещё он услышал, как Софи чётко сказала: «Боже, покарай Англию!». Шарлотта мигом ответила: «Накажи её, Боже!».

Арчибальд поскорее ретировался. Благо, его не заметили.

Днём Софи уехала в Грецию. Расстались они добрыми друзьями.

Вернувшись домой, Керр хотел записать в дневнике свои мысли о событиях последних часов. Он почему-то чувствовал вину за собой. Вся эта история выглядела очень странно. Это была какая-то жуткая смесь восторга и разочарования, радости и опустошенности одновременно. Других слов у него просто не нашлось. Вспомнил горячий шёпот принцессы: «Никогда не ведите дневников!». И отложил перо.

Спустя пару дней он написал-таки в заветной тетради: «Берлин сокрушает всю мужественность человека и делает его своего рода бесполой медузой. Я пропитан невыразимой ненавистью к Берлину». К принцессе Софи эта ненависть не относилась. Он по-прежнему думал о ней с теплотой и нежностью. Хотя в голове до сих пор звучала её фраза: «Боже, покарай Англию!».

Лето 1914 года английский дипломат Арчибальд Керр проведёт в круизе по Средиземному морю и посетит с дружеским визитом дом короля Греции, точнее его супруги, которая жила в Афинах.

Софи искренне обрадовалась ему, протянула руку. Они немного посидели на мягком диване в тени старой смоковницы. Потом она, как и тогда, повела его во дворец. В богато украшенном зале показала новинку — портативный граммофон. Улыбаясь ласково, поставила какую-то пластинку.

— Помните наше танго в Берлине?

Они танцевали, как и тогда.

В тот день в мире началась война...

**Автор** (*из-за кулис*): В своих мемуарах последний император Германии Вильгельм II пытался доказать, что не он развязал Первую мировую войну. Как почётных гостей бывший кайзер принимал в своём имении фашистских бонз Германа Геринга и Генриха Гиммлера. Позже разуверился в нацизме. Умер в тот же день, как только узнал о планах фюрера напасть на СССР. Похоронную делегацию от официальных властей Германии возглавил адмирал Вильгельм Канарис.

## КАРТИНА 8-я

### «Запомните этот день, будущие морские волки!»

*Действующие лица:*

- ✓ **Вильгельм Канарис** (1887—1945) — офицер германского военно-морского флота, последнее звание — адмирал.
- ✓ **Вальтер Швигер** (1885—1917) — офицер германского военно-морского флота, последнее звание — капитан-лейтенант.
- ✓ **Старпом, вахтенный офицер, старший матрос учебного корабля «Штайн»** (без имён и почти без слов).

*Место действия* — портовый город Киль (Германия).

*Время действия* — 9 апреля 1905 года.

**Автор** (из-за кулис): В этот день два выпускника кадетского корпуса встретились на борту учебного корабля «Штайн» и сразу подружились. Дата «9 апреля» станет фатальной для одного из них — будущего адмирала Вильгельма Канариса. Спустя два года после начала флотской службы, 9 апреля 1907-го, Вилли получит звание лейтенанта и отправится в дальнее плавание. Его крейсер будет потоплен у Фолклендских островов, и мучиться бы ему долго в плену, но 9 апреля 1914 года Вилли добыл себе чужие документы и сумел вернуться домой. Начальство заценило его знание иностранных языков и шпионские наклонности. Канарис стал заниматься снабжением немецких подводных лодок — в основном кадрами и секретной информацией. 9 апреля 1915-го передал своему давнему другу Вальтеру Швигеру график и маршрут движения английского лайнера «Лузитания». Тот приказал команде торпедировать гигантский корабль, погибли больше тысячи человек, ни в чём не повинных.



**Н**ОЧЬЮ прошёл дождь, первый после малоснежного марта. Хлёсткий ливень промыл улочки старого Кия, шквальные порывы ветра прибили к земле не только мусор, но и неистребимый запах протухшей рыбы. В родительском доме славно запахло свежими булочками и кофе. Этот блаженный дух будет долго мниться ему ночами. А сейчас он должен идти.

После смерти отца никто не смог бы отговорить Вильгельма Канариса от принятого им решения. Позади два года морской школы кадетов — всё, мальчик вырос. Он идёт служить фатерлянду. Вилли молча приобнял всхлипывающую мать и отправился в порт. Пешком, без провожатого, с дорожным мешком на плече.

В прохладном влажном воздухе слышно было, как на кораблях наперебой склянки отбивают восемь утра — четыре сдвоенных удара. Грациозные обводы парусно-моторного корвета «Штайн» Вилли увидел, ещё не ступив на пирс. Вот твой дом, моряк! Здесь твоя судьба и твоя семья. Поднялся по трапу на борт, козырнув, протянул документы вахтенному офицеру.

— Герр кадет, рад приветствовать вас на борту корабля Его Величества Вильгельма Второго! — по-отечески улыбнулся тот. — Надеюсь, что вашей службой будет гордиться германский имперский флот!

Старший матрос провожал Вилли до каюты, рассказывая по дороге о дальнейшем распорядке дня.

— А жить вы будете не в кубрике, как остальные, а по-королевски, в каюте на двоих! Ваш сосед тоже из непростой семьи. Говорят, ему уже присвоено флотское звание фенрих, но документы ещё не пришли. Он вообще-то свойский, но молчаливый и какой-то серьёзный вечно — сразу видно: командиром будет.

Всё оказалось проще. Вальтер Швигер — так назвался сосед — сразу миролюбиво заявил:

— Привет-привет! Наслышан был о тебе ещё в кадетском корпусе! Мол, есть такой — весь из себя способный, скромный,

отличный наездник, спортсмен, фехтовальщик и стрелок. Странная только фамилия — Канарис, грек, что ли?

Сосед был парень высокий, широкоплечий. Светлоголубые его глаза источали хладнокровие и благодушие.

Вилли улыбнулся.

— А мне насвистели, что ты молчун! Серьёзно!

— Да ладно! Свистуны! Это они мою фамилию так перевели: «молчун», «молчальник». А я вот от приставки «фон» принципиально отказался. Родителям твёрдо сказал: начну с кадета, с простого матроса, и без дворянских всяких приставок дорасту до капитана корабля. Вот увидят! А ты веришь мне, камрад?

Они пожали друг другу руки. Теперь они друзья навеки, ведь морская дружба — это, как немцы говорят, не разлей вода. Даже солёная морская.

Стоять у пирса круизному корвету «Штайн» суждено было недолго. Несколько дней прошли в тупых стараниях учиться военному делу должным образом, в безостановочных тренировках — до кровавых мозолей. Вечером у друзей не оставалось сил даже словом обмолвиться, так уставали.

Однажды утром, когда ровный строй кадетов замер по стойке смирно на палубе, зычный голос старпома вдруг нарушил обычный ход переклички:

— Кадет Швигер, выйти из строя на два шага!

И в торжественной тишине объявил, показывая пальцем на покрасневшего Вальтера:

— Вот этому юноше сегодня исполняется двадцать лет. Экипаж «Штайна» от души поздравляет будущего и, не сомневаемся, достойного офицера императорских военноморских сил Германии. На ужин он премирован порцией десерта по-домашнему. А теперь поздравим его троекратным «ура»!

Яблочный штрудель друзья разделили на двоих. А Вилли подарил имениннику наручный компас — совершенно необходимая вещь для моремана. Вальтер растрогался, глаза его блестели в сумраке тесной каюты.

А через день, девятого апреля, с капитанского мостика прозвучали долгожданные команды:

— Отдать швартовы! С якоря сниматься! По местам стоять! Барабанщики, вперёд!

Прощайте, далёкие горы и близкие родственники! Будущие морские волки уходят в далёкое море, в свой первый круизный поход.

Старший матрос постучал в каюту, передал приказ старпома:

— Господа кадеты, вам надлежит сегодня ночью заступить на вахту. Быть на мостике за десять минут до четырёх-ноль-ноль. Ваши обязанности объяснит на месте старший помощник капитана. Поступаете в его полное распоряжение.

После обеда занятия для них отменяются. Кроме, естественно, молебна, это для всего экипажа, включая кадетов. А им двоим приказано привести в порядок форму и постараться отдохнуть — такая вахта самая нелюбимая на любом флоте, не зря мореманы называют её «волчья».

— С чего ты взял, что её так называют, Вальтер? Я слышал, что самая нелюбимая вахта — «собачья».

— «Собачья», дорогой мой Вилли, — это с нуля часов. А у нас — «волчья»: все на свете спят, и лишь мы, морские волки, зорко смотрим вокруг. Не случайно вахтенную службу в эти часы сам старпом несёт. На восходе солнца меняется погода, и надо принимать решение по парусам. Тут опыт требуется.

Глубокой ночью, почти наощупь цепляясь за мокрые поручни, они поднялись на капитанский мостик. Доложились старшему помощнику по всей форме. Тот что-то писал в вахтенном журнале, только рукой махнул, мол, сейчас отпущу «собачью» смену, потом вами займусь.

Наконец башмаки «собачников» отстучали дробью по ступенькам трапа, старпом оторвался от журнала.

— Ну что, будущие морские волки, пришёл ваш час! Сегодня вы — вперёдсмотрящие. Место несения вахты — «воронье

гнездо». Обо всём необычном докладывать на мостик немедленно. Вперёд и вверх, господа кадеты! С нами бог!

И они полезли на марсовую площадку фок-мачты. А это сорок метров по мокрым вантам и в полной темноте — вот уж действительно только на бога уповай да крепче зажимай в зубах бескозырку. Хорошо ещё, что боцман столько дней гонял их туда-обратно по всем трём мачтам.

Они карабкались вверх бок о бок. Потом Вальтер стал опережать, Вильгельм слышал, как друг что-то рычит себе в нос — одно и то же. Словно песню напевает.

— Ты чего рычал, камрад? — спросил его, когда они забрались на наблюдательную площадку и едва отдышались. — С песней весёлой и лезть полегче?

— Это не песня была, — Швигер натянул на голову бескозырку. — Мне почему-то показалось, что сейчас разобьюсь. Страшно не было, но силы куда-то исчезли. Вот и стал сам себя уговаривать. Повторял: «Мы не агнцы на закланье, мы — морские волки! Чем крепче ветер, тем мы сильнее!». И, знаешь, помогло...

Выше их был только клотик с сигнальным фонарём. Выше клотика, этой верхушки мачты, — только чёрное небо с огромными, как кулак, звёздами. За спиной розовела полоска портовых огней, впереди — выход из залива. И тишина, лишь едва слышно постукивал корабельный дизель где-то далеко внизу. Ни ветерка, море ровное, как дёготь в чайном блюде, где искрами сахаринки плавали отражённые звёзды.

Вальтер вытянул левую руку, глянул на светящиеся стрелки подаренного компаса, потом на небо — и замер.

— Вили, Полярную звезду видишь? Проведи прямую линию к ней от предпоследней звезды в ручке ковша Большой Медведицы! Куда стрелка указала? Правильно — на созвездие Кассиопеи!

— И что с того, дружище?

— Кассиопея! Пять ярких звёзд, как «W», как наша буква «В»! Вальтер и Вильгельм — чувствуешь, как символич-

но? «Волчья» вахта — две буквы «V», а вместе их соединить, тоже «W» будет. Вилли, это же судьба, это Вселенная нам знак подаёт! О, боже!

— Вальтер, да ты романтик! Как же ты воевать-то будешь?

— Да я ж такой только с друзьями, Вилли, а к врагам я буду просто безжалостен, клянусь тебе, — похоже, Вальтер улыбался в темноте. — Для того и нужна война, чтобы задавить в себе жалость, изгнать её из сердца.

Разделив горизонт пополам, они наблюдали за морем, спинами прижавшись друг к другу. Всё вокруг было спокойно.

— Слышал, друг, что японцы разбили русских под Мукденом?

— Да, читал ещё дома. То ли ещё будет! На море япошки тоже им покажут! Надо оттеснить Россию от всех морей, и тогда она перестанет быть мировой державой!

— А канцлер Бисмарк что говорил? Читал его мемуары? «Никогда не воюйте с русскими...»

— Потому что «на каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью» — читал-читал! Но согласись, дружок, нам ведь всё равно, с кем воевать. Прикажут — мокрого места не оставим от врагов! Боже, покарай их! Море, поглоти их всех!..

Море было на удивление спокойным. И Вальтер негромко запел:

— Германия, Германия — превыше всего!..

Друг подхватил слова гимна.

— Истина в том, что мы — арийцы! Характер у нас выдержанный, в нём нет места жалости к врагам!..

На востоке стыдливо рдело небо. Море светлело на глазах. Новый день занимался зарёй. Фатерлянд мог гордиться молодыми волками.

— За время вахты никаких происшествий не случилось! — радостно доложили друзья старпому, спустившись из «вороньего гнезда».

— Благодарю за службу! Сегодня девятое апреля — запомните этот день, будущие морские волки! Германский военноморской флот верит в вас! — старпом корвета «Штайн» был настроен торжественно и искренне. — Вы обязательно станете командирами кораблей, и всегда будете помнить первый день вашей службы Его Величеству!

**Автор (из-за кулис):** Вальтер Швигер стал командиром подводной лодки за несколько дней до начала Первой мировой войны. Он вошёл в число самых знаменитых «морских охотников» кайзеровской Германии, потопил английскую «Лузитанию» и ещё сорок кораблей (в основном под нейтральным флагом). 9 апреля 1918 года Канариса тоже назначили командиром субмарины. Он дослужился до главы абвера (военной разведки вермахта), стал адмиралом. 9 апреля 1941 года участвовал в секретном совещании, где было объявлено о «плане Барбаросса». А ровно через сорок лет после начала флотской службы, в роковой для него день 9 апреля 1945 года, смещённый со всех постов Вильгельм Канарис был казнён. Это Гитлер, прочитав его дневник, приказал немедленно повесить адмирала. Его друг Вальтер Швигер погиб вместе с экипажем своей субмарины намного раньше, в 1917 году.

## КАРТИНА 9-я

### «Отличительная черта характера — безжалостность»

*Действующие лица:*

- ✓ **Вальтер Швигер** (1885—1917) — офицер германского военно-морского флота, звание — капитан-лейтенант.
- ✓ **Рудольф Центнер** (1898—1966) — лейтенант немецкой подводной лодки U-20.

*Место действия* — «вольный город» Любек (Германия).

*Время действия* — весна 1925 год.

**Автор (из-за кулис):** Вальтер Швигер, флотский офицер кайзеровской Германии, командовал подводной лодкой U-20. Торпеда, пущенная по его приказу, потопила британский трансатлантический лайнер «Лузитания». Капитан-лейтенант Швигер погиб в сентябре 1917 года у побережья Дании — его подлодка налетела на британскую мину. Всего Швигер потопил более 40 кораблей в 34 боевых походах на трёх субмаринах. По характеру — добр и открыт с друзьями и подчинёнными, немилосерден и безжалостен к врагам. Офицер Рудольф Центнер — один из немногих соратников Швигера, оставшихся в живых, — дал интервью к сорокалетию своего бывшего командира.

**П**ОРТОВЫЙ город. Небольшая фирма, занимающаяся импортом вина. Коренастый рыжеволосый мужчина с моноклем в глазу «а ля Бисмарк» сидит на вращающемся кресле в своей конторе. Обыкновенный германский бюргер, пока ещё не вступивший в нацистскую партию. По нему никак не скажешь, что он один из немногих подводников, кто не погиб на минувшей войне, хотя много раз прощался с жизнью. Он около двух лет служил

на субмарине U-20 под командованием Вальтера Швигера, потопившего «Лузитанию».

— Герр Центнер, я правильно вас представляю нашим читателям?

— Так точно. Хотя, повторяю, я не большой любитель давать интервью.

— Верно, что вы один из немногих счастливицков, что пережили войну?

— Да, верно. В начале войны я был офицером на эсминце, но затем, вместе с другими младшими офицерами, решил перейти в подводный флот. Показалось, что это романтично, и больше надежд на боевые награды и хорошие денежные выплаты. Нас было двадцать пять первых подводников — войну пережили только четверо.

— И вы сразу попали на субмарину U-20 под командование капитан-лейтенанта Швигера?

— Не совсем. Капитаном U-20 он стал в декабре четырнадцатого, как раз перед Рождеством.

— Правда, что он отличался жестокостью к гибнущим жертвам?

— Не могу с этим согласиться. Слышал, что в его характеристике есть такие слова: «Отличительная черта характера — безжалостность». Но для нас, экипажа субмарины U-20, это был бесстрашный командир. Всеми нами любимый, очень приятный офицер. Швигер к началу войны уже имел немалый опыт. Был признанным экспертом по подводным вопросам — одним из немногих командиров, с которыми советовался адмирал Тирпиц. Разве это не характеризует капитана?

— И уже в первом боевом походе ваша субмарина потопила кого-то?

— Нет. Швигер и не скрывал, что с начала войны ему не удалось никого потопить. Говорил, что наше время обязательно придёт. Надо только молиться, чаще повторять: «Боже, покарай Англию!» Он как в воду глядел.

— Вы, наверное, изнывали от безделья?



— Ну что вы! Нет, конечно. Капитан постоянно гонял нас, требовал, чтобы каждый умел всё делать, даже с закрытыми глазами. Заставлял до автоматизма доводить любое действие.

— Что, например?

— Например, он десятки раз командовал погружение и всплытие. И специально с дифферентом то на нос, то на корму. И мы должны были выравнивать лодку — все свободные от вахты носились по отсекам туда-сюда, выполняя роль балласта.

— А в свободное время наперегонки бегали в мешках по палубе? Это ведь любимое развлечение немецких подводников.

— В мирное время, наверное, так. А тогда шла война.

— И вы знали, что можете погибнуть, даже не вступая в бой?

— Конечно. Однажды мы шли под водой недалеко от английского берега. По переговорной трубе командир говорит: «Вижу два буя. Точно держать глубину». И тут же лодку заколотило, всё заскрежетало, словно кто-то якорную цепь вдоль корпуса тащил снаружи. Горизонтальные рули заклинило. Мы стали тонуть, ударились о грунт на глубине ста футов. Тут уже поняли, что попали в противолодочную сеть и застряли в ней.

— И как же выбрались?

— Благодаря командиру. Швигер приказал: «Полный назад!». Моторы взревели, лодка затряслась. По-моему, никто из нас в жизни никогда раньше не глядел на приборы с такой жадностью. Каждый просто кожей чувствовал, как мы рвём стальную сеть. Наконец, лодку резко дёрнуло — мы вырвались. Но радоваться было рано: все слышали сверху шум винтов. На нас шли боевые корабли противника. Скорость у них выше нашей, они нас нагоняли. Мы ворочали вправо-влево, но проклятые томми не отставали.

— Они могли вас потопить глубинными бомбами?

— Безусловно. Просто дико повезло, что у них не было глубинных бомб. Перископ мы не поднимали, но они нас

почему-то видели, чуяли. Ждали, когда лодка всплывёт на поверхность, чтобы расстрелять из пушек или протаранить. Час за часом проходил, эти ищейки упорно шли за нами. Оставалось только молиться.

— И что придумал капитан Швигер?

— А что тут придумаешь? Приказал идти на максимальной глубине и скорости. К ночи машины U-20 раскалились докрасна. А когда совсем стемнело, решили всплывать.

— Сдаться на милость победителя?

— В тот момент никто не думал об этом. У нас ведь тоже оружие есть. Лучше в открытый бой вступить, чем под водой считать эти тревожные секунды. Да, шла игра вслепую, но экипаж верил командиру. И мы всплыли. Мне не передать, какое это счастье — увидеть чистый горизонт! Ни огонька, ни дымка. Лишь какой-то буй плавает рядом. В нём-то и была отгадка. Один из тросов сети, из которой с таким трудом вырвались, зацепился за надстройку лодки, и мы тащили его за собой. В темноте враги потеряли буй из вида, это нас и спасло.

— Капитан Швигер сильно был расстроен? Ругался?

— Я вообще слышал только один раз, чтоб он ругался. Море в то утро штормило, стоял густой туман, шансов на какую-либо добычу при такой погоде мало. А вот английский военный корабль мог неожиданно нарваться на нас. Поэтому мы ушли поглубже. Часа через два слышим шум мощных винтов, прямо над нами. Подождав немного, Швигер приказал всплыть на перископную глубину, и все услышали, как капитан заорал, увидев, что от нас уходит большой английский крейсер. Он кричал в бешенстве: «Проклятье! Я мог сегодня стать лучшим на флоте по тоннажу, отправленному на дно одной торпедой! Я мог их всех скормить рыбам! Дьявол помешал мне! Боже, покарай Англию!».

— Командир долго сердился?

— Нет. Через час мы отправились к нему делегацией и сказали, что в сочельник не принято грустить. И намекну-

ли, что ещё не обмывали его звание капитан-лейтенанта, а это — обязательный ритуал, без него побед и продвижения по службе не жди.

— Он согласился?

— Да. Приказал всплывать. И сразу погода переменилась, как по милости Божьей, — полный штиль, отличная видимость. Мы несколько часов дрейфовали в блаженстве. Надышались свежим воздухом, по очереди покурили, пока заряжались аккумуляторы. А когда стало темнеть, капитан отыскал по лоции район с песчаным дном, и лодка легла на грунт. Швигер демонстративно снял с руки компас, которым очень дорожил, это означало одно: «Всем отдыхать!».

— И экипаж разошёлся по отсекам?

— Какое там! Экипаж — это семья. Дружная, единая. А Рождество всегда отмечается семьёй. Праздничный венок повесили на дверь, как положено. Фруктовые консервы вскрыли. Ром подливали в чай. Капитан речь произнёс, ему все аплодировали. Я уже и не помню, сколько тостов было. Нас тридцать шесть — и все хотели слово сказать. У нас даже оркестр появился — скрипка, мандолина и аккордеон. Песни пели. А кто нас услышит? Эхолотов тогда ещё не было. На всю жизнь этот праздник мне запомнился. Собственно, после Рождества удача, как говорят у нас в Голштинии, просто попёрла: в январе мы потопили три грузовых парохода за один день, в марте — ещё три.

— Вы их торпедировали, господин Центнер?

— Нет. Швигер берёт торпеды для более серьёзных целей. Это же торговые суда были. Мы просто всплывали рядом и сигналили, чтоб торгошаи остановились. Капитан всегда говорил, что надо соблюдать морской кодекс чести. И мы давали десять минут, чтобы экипаж покинул судно. Потом топили из пушки или поднимались к ним на борт и открывали кингстоны.

— Их команда плавала в воде — по ним не стреляли?

— Ну что вы! Капитан наш был из тех, про которых говорят, что мухи не обидят. Мягкий по характеру. И он мечтал

о крупной дичи, с большим тоннажем. Потому и брал на базе лишнюю торпеду.

— Для неё находилось место на субмарине? Сразу две в торпедный аппарат ведь не загонишь...

— Это так. Пришлось разместить её в кубрике. Я пристроил её у себя на койке и спал рядом. Кэп шутил: «Ты, Рудик Центнер, спишь с центнером взрывчатки!». А что, вполне терпимая соседка! С одного бока — прохладная торпеда, с другого — тёплый щенок. У нас на лодке всегда были собаки, Швигер любил животных. Одну таксу он называл Люси. Словно знал, что в пятнадцатом году мы потопим «Лузитанию».

— Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее...

— У нас до этой пятницы седьмого мая был неплохой улов, три судна за два дня. Четыре торпеды израсходовали. А тут снова дымы на горизонте. Сначала наш капитан подумал, что это идут несколько судов — сразу четыре трубы, диковинка же. Потом посмотрел по справочнику, кричит: «Это “Люси”!» Но скорость у лайнера в два раза больше нашей. Вся надежда была, что «Лузитания» повернёт к ирландскому берегу. И она вдруг повернула.

— Вы стреляли торпедой из подводного положения?

— Торпеду Швигер приказал установить на углубление три метра. Мы подошли на очень удобную позицию и выстрелили одной торпедой с близкого расстояния. Торпеда попала прямо в середину лайнера. Взрыв вырвал капитанский мостик, обломки взлетали выше труб. И тут же мы услышали второй взрыв, мощнее первого. Кэп решил всплыть. Я стоял рядом с ним в боевой рубке.

— То, что вы увидели, поразило вас?

— Да, это было жалкое, душераздирающее зрелище, просто кошмар. Корабль горел. Он быстро сваливался на правый борт, одновременно погружаясь носом. Похоже было, что он скоро перевернется. Шлюпки правого борта, полностью забитые людьми, падали в воду и опрокидывались. Шлюпки по левому борту не могли быть спущены из-

за дифферента. Корабль завалился так сильно, что видны были днище и киль. Над морем стоял дикий рёв. Головы сотен людей качались в воде, а с верхней палубы сплошным потоком катились полураздетые люди. У кили они резко останавливались, перелезали через него и продолжали скользить, пока не сваливались в воду, поднимая брызги. Помню, я подумал тогда, что они могут пораниться, когда доедут до ракушек, которыми обросло дно ниже ватерлинии.

— Субмарина не подобрала никого из тонущих?

— Нет, это не в наших правилах. Какой-то потерпевший в спасательном жилете близко подплыл к нашей лодке. Увидев его, Швигер скомандовал в переговорную трубу: «Лодка, погружение!» Мужчина в жёлтом жилете заорал: «Я убью тебя, лодочник!». Он ещё что-то кричал, но капитан, повернувшись ко мне, сказал тихо: «Боже, покарай Англию!». Мы с ним спустились вниз.

— И это всё? Вы, похоже, расстроены?

— Да, расстроен. Я же не зверь какой-то немилосердный, не убийца безжалостный. Всё. Мне больше нечего рассказать вам. Уходите, пожалуйста. Не хочу ничего вспоминать. До свидания...

**Автор (из-за кулис):** Лайнер «Лузитания» затонул за 18 минут в восьми милях от ирландского берега. Из 1959 пассажиров и членов экипажа 1198 погибли. Большинство из них умерли от переохлаждения. Несколько часов люди пытались доплыть до берега, но удалось это лишь единицам.

## ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

### Британия: «Правь, владычица морей!»

*«Вновь, в четвёртый раз на протяжении четырёх веков Англия организовала во главе Европы сопротивление военной тирании, и в четвёртый раз война закончилась тем, что малые государства Нидерландов, ради защиты которых Англия объявила войну, сохранили полную независимость...*

*Российская империя, бывшая нашим союзником, уступила место революционному правительству, которое отказалось от всяких притязаний на Константинополь и которое, в силу внутренне присущих ему пороков и неспособности, не было в состоянии скоро стать серьёзной военной угрозой для Индии... Войска Британии и Соединённых Штатов впервые сражались бок о бок, и тем самым история обоих великих народов, составляющих англосаксонский мир, стала единой.*

*Вслед за торжествами, — радостными и в то же время печальными, — которыми сотни миллионов людей отпраздновали осуществление своих задушевных желаний, наступило тяжелое пробуждение и разочарование...*»

**Уинстон Черчилль «Мировой кризис»**

## КАРТИНА 10-я

### Шляпы капитана «Лузитании»

*Действующие лица:*

✓ **Уильям Тёрнер** (1856—1933) — капитан британского торгового флота.

✓ **Альфред Гвинн Вандербильт-старший** (1877—1915) — американский бизнесмен, член семьи Вандербильтов, одного из самых богатых семейств в Соединённых Штатах.

*Место действия* — трансатлантический лайнер «Лузитания».

*Время действия* — начало мая 1915 года.

**Автор** (из-за кулис): Отец Уильяма Тёрнера был знатным моряком, ходил капитаном из ливерпульской гавани по всему свету. И сына он брал в команду с десяти лет — юнгой. Так что Уильям чувствовал себя на вантах любого парусника, как у себя дома. И когда вырос, сам, как отец, стал капитаном. Только служил Уильям уже не на парусниках, а на больших железных кораблях, чаще пассажирских.

**КАПИТАН** покидает тонущий корабль последним. Это традиция и закон морской чести. Уильям Тёрнер всегда так поступал. За пятьдесят лет он пережил немало кораблей. Они порой терпели крушения, получали пробоины и уходили на дно. Пусть кому-то повезло пройти морскую службу без катастроф, а Уильям всегда стоял на капитанском мостике до последнего, пока ботинки не заливала вода. Раз пятнадцать он тонул.

Вот он поднимается по трапу — обветренный, как скалы, могучий, как шкаф, — моряк, много чего повидавший

и уже успевший поседеть. Вряд ли вы осмелитесь такому сказать:

— Капитан, улыбнитесь! Ведь улыбка — это ж флаг корабля!

Пассажиров Тёрнер недолюбливает, и в рейсе старательно избегает контактов с ними. За это пароходство не раз пыталось его уволить, но сами пассажиры и заступались: им, оказывается, его неувовимость нравилась. В любой момент кто угодно глянул вверх, а он там, на мостике, стоит — значит, всё хорошо.

Катастроф ему хватало и дома. Он был женат на море. Правда, в 1883 году его кузина Элис свела-таки Уильяма в церковь и даже родила ему двоих детей. Но в какой-то сумеречный день она вдруг заявила мужу, равнодушно глядя в его синие, как море, глаза:

— Я устала ждать тебя на берегу, еду в Лондон, я так больше не могу!

Короче, англичанка нагадила. Он как раз собирался аттестоваться на капитана дальнего плавания. В итоге — лицензию получил, жены лишился.

Повод был, и он пошёл в ближайший магазин. Купил себе новую шляпу. Он всегда так поступал: новый котелок либо тонул вместе с кораблём, либо напоминал ему о катастрофе. Новая шляпа — новый корабль, новая судьба. Постоянное место штатской шляпы-котелка — на полке в капитанской каюте. А на мостике он всегда стоял в полной форме: фуражка с белым верхом и дубовыми листьями на козырьке, тёмно-синий двубортный китель с четырьмя золотыми шевронами на рукаве.

Вот и сейчас коренастый и невозмутимый Уильям Тёрнер на мостике придирчиво наблюдает за погрузкой на пассажирский лайнер «Лузитанию», который спустя несколько часов отправится через Атлантику.

«Люси» — так в народе окрестили эту громадину — он знает, как облупленную. Тёрнер дважды был на ней капитаном, и на «Мавритании», сестре-двойняшке, тоже. Два



одинаковых корабля были заложены, строились и спущены на воду практически одновременно. За семь лет каждый из них сделал почти по сотни рейсов через океан. «Люси» — больше. Потому что началась война, и британское Адмиралтейство вздумало переделать сестёр для военных нужд. Потом вдруг решило, что достаточно вооружить пушками только «Мавританию», а «Лузитания» пусть так и возит пассажиров.

Нынешний рейс для «Люси» — 202-й. Билеты распроданы полностью, гости поднимаются по трапу, багаж их грузят краны, с другого борта идёт погрузка угля (а лайнер сжигает его сотнями тонн в сутки), стюарды в белых перчатках провожают пассажиров до кают. И за всем этим с двадцатиметровой высоты наблюдает с трубкой в зубах Уильям Тёрнер, «морской волк старой закалки». И все на пирсе и палубах видят: он на капитанском мостике — значит, всё хорошо.

Да, пока всё хорошо. А в рейсе будет — ещё лучше. Потому что «Люси» — не только самый комфортабельный, но и самый быстроходный корабль в мире. Лайнер может идти со скоростью большей, чем автомобиль по лондонским улицам. Ни одной подводной лодке воюющей Германии не угнаться за «Люси». Но перед самым рейсом немецкое посольство опубликовало в газетах предупреждение: «Путешествие на британских кораблях опасно, так как мы находимся в состоянии войны с англичанами». Это некоторых пассажиров напугало:

— «Титаник» был непотопляем, но ведь утонул...

Таких особо нервных успокаивал в окружении репортёров самый главный пассажир Альфред Гвинн Вандербильт-старший, правнук знаменитого американского «командора Корнелиуса», разбогатевшего на судоходстве и сходявшего с ума от страстной любви к деньгам. Наследник огромного состояния с ослепительной улыбкой рассказывал тем, кто успел-таки прочитать предупреждение немцев в утренних газетах:

— Про меня писали, что я погиб на «Титанике», — как видите, стою перед вами. И я сегодня получил телеграмму — предупреждение ясновидящего графа Луиса Хамона, что «Люси» обречена. Советую не верить в эту мистику!..

Самого главного пассажира всегда встречал у трапа сам капитан. Тёрнер и сейчас стоял рядом с правнуком «командора Корнелиуса» на прогулочной палубе первого класса. Один из портовых репортёров сумел опять подлезть к Вандербильту:

— Вы уверены, что рейс пройдёт благополучно?

За миллионера ответил капитан.

— А вы думаете, все эти уважаемые люди стали бы покупать билеты на «Лузитанию», будь у них опасения? Помилуйте, сравнивать наш гигантский лайнер и маленькие субмарины кайзера — это по-детски забавно!

Капитан знал, что говорил. И знал, что делал. Рано утром предыдущего дня Тёрнер с целой свитой подчинённых провёл инспекционную проверку лайнера. Заглянул в каждую каюту, в каждый уголок, включая машинное отделение и угольные ямы.

Всё было по высшему разряду: идеальная чистота в жилых помещениях и ресторанах, спиртные напитки и продукты высшего качества загружены, запас питьевой воды пополнен, проверены спасательные средства, включая шлюпки и индивидуальные жилеты, все динамо-машины работают, лифты исправны, электролампы (шесть тысяч штук!) горят — корабль готов к рейсу, «Люси» благоухает.

Тёрнера могли и не назначить в этот рейс. В марте «Лузитанию» из Нью-Йорка в Ливерпуль привёл другой капитан. Придя домой и узнав, что кайзеровские подводные лодки прямо-таки бесчинствуют в открытом море и у самого берега, он попросил его заменить:

— На корабле две тысячи душ! А если? А вдруг?.. Кто за это ответит?

Пароходство «Кунард» сняло его с командования, объявив, что он «подуставший и, похоже, заболевший».

А Уильям Тёрнер — старший капитан, он опытный, безотказный. Поставили его.

Капитан стоит на мостике. Он строг, у него не забалуешь. Это значит, что никто бесцельно не будет шататься по кораблю. После обеда начнутся учения по спуску на воду шлюпок. На спасательных средствах «Лузитании» мест намного больше, чем людей на корабле. Плюс на каждого пассажира и члена экипажа имеются спасательные жилеты.

Стюарды в который раз обходят весь корабль. В их обязанность входит не только соблюдение чистоты. Да, они не престанно протирают перила, дверные ручки, столешницы, шезлонги — все поверхности, на которых может оказаться сажа. Но ещё они отвечают за иллюминаторы в каютах. Лет пять назад корабль, которым командовал Уильям Тёрнер, чуть не потонул из-за одного-единственного иллюминатора, который оказался незакрытым.

Сейчас всё предусмотрено, всё проверено, всё готово.

И вот час отплытия «Лузитании» настал. Стюарды на палубах громко объявляют:

— Просим всех провожающих и господ репортёров сойти на берег!

Первое мая 1915 года. Огромная чёрная громадина медленно отходит от пирса. Тысячи зрителей, провожая корабль, машут платками, шляпами. Какая-то небольшая группа, похоже студентов, запела «Правь, Британия, владычица морей!». Чуть осипший прощальный гудок, и всё — гуд бай, Америка!

Два лоцманских катера вели за собой стальной гигантский лайнер о четырёх труб. Правда, одна из них не дымилась: сверхскорость здесь не нужна. А нужно что? Правильно — памятное фото на фоне статуи Свободы. Все пассажиры будут находиться на палубах, пока не исчезнет эта дама с факелом и не уйдут за туманный горизонт небоскрёбы беспокойного Нью-Йорка. Чайки, прощально всхлипывая, отстали от кормы, повернули домой. А у «Люси» впереди целая неделя спокойного плавания по Атлантическому океану...

Уильям Тёрнер всегда говорил, что у него «внутри тикает морской хронометр», и очень гордился, что чувствует время с точностью до секунды. Опаздывать и выбиваться из графика он терпеть не мог. Но пришлось.

В последний момент ему добавили сорок пассажиров с небольшого парохода, который Адмиралтейство вдруг решило забрать для своих нужд. А на выходе из нью-йоркской гавани он был вынужден вообще остановить корабль, чтобы принять почту от военных моряков. Потом всю неделю Уильяма тревожило это отставание. Он не мог успокоиться даже в своей каюте, когда к ужину надевал смокинг и неизменную шляпу-котелок.

Свежий ветер Атлантики заставил пассажиров уйти с палуб и поскорее сесть за столы, тем более что кухня «Лузитании» славилась на обоих континентах. Стремительно темнело небо. Быстрее автомобиля нёсся по океану огромный чёрный корабль, внутри которого ели и пили под музыку почти две тысячи человек.

Назавтра «Люси» целый день преследовали дожди, ветра и туманы. Волны разыгрались не на шутку, так что многие сидели по своим каютам, страдая от морской болезни.

Капитан Тёрнер по-прежнему каждое утро проводил спасательные и противопожарные учения, а также инспекцию всех иллюминаторов и дверей-переборок. Сам спускался в машинное отделение и кочегарку, где сотни чумазных, голых по пояс матросов обеспечивали безупречный комфорт богатым пассажирам и ходовую скорость гигантского лайнера.

Всё шло, как всегда, как и должно было идти. На борту уже поселилась скука, обычная для вояжа в замкнутом пространстве. Встречи и разговоры в ресторанах за столом стали самыми важными событиями дня. Жизнь потекла от завтрака до обеда, от обеда до ужина. Знакомства нередко перерастали в скоротечные романы. Как говорится, ничто не предвещало.

Следующие два дня погода радовала. На борту «Лузитании» было тихо. Пассажиры, вальяжно расположившись в

шезлонгах, читали книги и свежую почту, вели неторопливые разговоры, нежились на солнце или бесцельно фланировали туда-сюда по прогулочной палубе.

С почтой Тёрнеру передали грузовой манифест. В Нью-Йорке он получил лишь краткий вариант, на одном листе, где удостоверялось, что грузов, запрещённых и предназначенных для военных действий, на корабле нет и ему разрешен выход из гавани. Полный текст капитана сильно озадачил.

Манифест содержал более двадцати страниц, на которых перечислялось подробно всё, что везла сейчас «Люси». Триста с лишним наименований! Там было немало любопытного. Например, ящик «Картины маслом, работы Рубенса, Тициана, Рембрандта и других художников». Ящик застрахован на четыре миллиона долларов — вся «Лузитания», наверно, столько не стоит!

Или вот ящик, названный «Копии дневника русского поэта Александра Пушкина» и адресованный через Ливерпуль в Лондон великому князю России Михаилу Михайловичу. Тёрнер слышал про Пушкина и даже знал, что получатель ящика — внук русского царя, женатый на внучке этого самого поэта, — недавно стал лордом и председателем англо-русского комитета.

Но капитана Уильяма Тёрнера намного больше заинтересовало другое: в манифесте были указаны какие-то запчасти для аэропланов, алюминиевый порошок в бочках, больше тысячи ящиков со шрапнельными снарядами без запалов и четыре с лишним тысячи ящиков с патронами для винтовок «ремингтон» — любая таможня могла определить такой груз как военную контрабанду. Это уже намного серьёзнее, чем опоздание на сутки.

Пошёл второй час, как он сидел перед этим секретным документом и не знал, что делать. Курил трубку и думал.

— Похоже, меня подставили, — шептал он, тупо глядя перед собой. — Меня просто использовали...

В капитанскую каюту постучал старший офицер.

— Кэп, стюарды провели проверку корабля на предмет безбилетников. Обнаружено тридцать два человека. Ждём ваших распоряжений!

Тёрнер натянул поглубже шляпу и вышел. «Я всегда надеваю котелок, когда не чувствую себя капитаном», — так говорил он друзьям.

«Зайцев» собрали в пустом помещении трюма. Их уже допросили, как они попали на корабль, — служба безопасности изучала все способы, чтобы перекрыть эти лазейки. Матросы успели и обыскать безбилетников, у одного нашли фотоаппарат, у другого — револьвер. Первый оказался немцем, это явно шпион, с ним разговор особый. А вооружённый сразу сознался, что он член сербской тайной организации и направляется в Британию по заданию своих командиров.

— Этих двоих под замок! — приказал Тёрнер. — А остальных поставить к топкам, пусть кочегарам помогают. Да обыщите их ещё раз, спички отберите!

Он-то знает, как взрывается угольная пыль, притворившись негорючей сажей. Один раз сумели потушить такой пожар в трюме, но даже шляпе капитанской досталось, пришлось её выбросить. И тогда он не патроны вёз, а тут — тысячи ящиков, это страшнее торпедной атаки!

Чем больше неприятностей случилось за эти дни, тем сильнее Тёрнер хотел войти в график. Потому и отправил в кочегарку «зайцев», чтобы запустить котлы четвёртой трубы и довести скорость до двадцати пяти узлов. Ещё хорошо бы подрулить к родным берегам с юга, но Адмиралтейством предписан северный путь.

Естественно, капитан не знал, что секретная служба Адмиралтейства, организованная первым лордом Уинстоном Черчиллем, уже расшифровала все переговоры радистов военных кораблей Германии. В тайной комнате номер сорок знали местонахождение всех кайзеровских субмарин. Знали, что встречать «Лузитанию» вышли ещё шесть подлодок, и им передан маршрут лайнера.

Этого не знал и не мог знать капитан Тёрнер. Единственное, о чём ему сообщили: кораблей сопровождения не будет, а если что пойдёт не так, читай параграф первый в памятке. В том параграфе говорилось: «Всем без исключения британским торговым судам, выходящим в океан, запрещается идти на помощь кораблю, торпедированному субмариной». Если коротко: спасайся кто может, сам погибай и товарища не выручай — такой вот странный приказ.

Много позже станет известна переписка первого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля. «Крайне важно привлечь к нашим берегам судоходство нейтральных держав, особенно в надежде на смуту в отношениях между Соединёнными Штатами и Германией, — писал он. — Мы со своей стороны хотим, чтобы суда шли — чем больше, тем лучше; если же какие-то из них попадут в беду, тем лучше. Торговым судам надлежит самим заботиться о себе».

...На борту «Лузитании» всё было привычно, спокойно. Трубы дымили, турбины крутились, лайнер навёрстывал отставание от графика. До прибытия в Ливерпуль оставалось два дня.

Вечером шестого мая был концерт. Во время антракта Тёрнер выступил с краткой речью. Он говорил правдиво о германских субмаринах и страшной силе их торпед, но потом сравнил скорость лайнера и подводных лодок, рассказал о полной исправности спасательных средств на «Лузитании», а в конце почему-то заверил слушателей, что вскоре они окажутся под защитой военного флота. Офицерам же капитан приказал ещё раз проверить иллюминаторы, велел закрыть их шторками, чтобы свет не проникал наружу, и вообще отключить на корабле все ходовые огни.

Рано утром в пятницу многие пассажиры вышли на верхние палубы наблюдать восход солнца. Стоял полный штиль. На небе — ни облачка. Вода — как ровное блюдо. Зелёные холмы Ирландии — вот он, берег, уже отчётливо виден, до него с десятков миль.

Шёл последний день плавания. Когда часовая стрелка закрыла цифру два, Уильям Тёрнер спустился с мостика и отправился к себе. Он был уже перед дверью своей каюты, когда услышал крик вахтенного:

— Торпеда по правому борту!

Тёрнер даже успел краем глаза увидеть зеленовато-белую полосу в воде и бронзовую тень торпеды. Через секунду из моря вырвался гигантский фонтан грязной воды и какого-то мусора. Корабль качнуло так, что капитан едва удержался на ногах. Он тут же помчался обратно на мостик. Сзади с диким грохотом оседал на палубы многотонный столб металлических и стеклянных осколков, разбитых вдребезги шлюпок и жуткой смеси чего-то людского.

Спустя несколько мгновений второй взрыв заставил задрожать весь корпус корабля. Стальной гигант ещё сильнее накренился и застонал. Уильям Тёрнер, точный как всегда, засёк время: прошло тридцать секунд после первого взрыва. И этот не был похож на первый. Он показался капитану каким-то приглушенным, словно шёл из глубины, откуда-то снизу. Что взорвалось — патроны, угольная пыль или что другое — ни Тёрнер, ни кто другой никогда не узнают...

Корабль продолжал двигаться, но стал валиться на правый борт. Корма задиралась всё выше, нос уже уходил под воду.

— Вижу субмарину! — закричал сигнальщик.

Капитан Тёрнер приказал рулевому повернуть лайнер на подводную лодку, но рули не слушались штурвала, и та быстро ушла на глубину.

«Люси» уходила всё дальше от берега. Даже на мостике слышно было, как через огромную пробоину с диким рёвом врываются в трюмы тонны морской воды. Она ломала водонепроницаемые перегородки, сметая всё на пути, и ничто не могло противостоять её натиску.

Радист беспрестанно посылал в эфир SOS, но на горизонте не видно ни одного дымка. Из-за сильного крена не было никакой возможности спустить оставшиеся шлюпки.



«Лузитания» тонула. С мостика капитан увидел, что люди стали прыгать в воду.

— Спасайтесь, господа! — сказал он офицерам. — Разрешаю покинуть корабль. Благодарю всех за службу!

Мостик опустел. Ровно через минуту начали по очереди взрываться котлы в кочегарках. Только тогда Тёрнер надел спасательный жилет. Вниз он шагнул, когда вода дошла ему почти до пояса. Форма и тяжелые ботинки потянули на дно. Нырять, он слышал, с каким страшным скрежетом умирал огромный лайнер. Сотни людей, барахтающихся в холодной воде, умоляли о помощи, но их крики не могли перекрыть эти последние вздохи стального гиганта.

Солнечные лучики играли на воде, прозрачная вода отсвечивала зелёным, но, вынырнув среди обломков и сотен полуживых тел, Тёрнер понял, что обречены все. Кроме разве что счастливчиков, которые бывают всегда. В такой холодной воде мало кто сможет продержаться более получаса, а чтобы доплыть до берега, даже ему, весьма хорошему пловцу, потребуется не менее четырёх-пяти часов, за это время уже стемнеет. Шансов почти нет...

Сотни голодных чаек сновали среди плавающих тел. Отвратительно вскрикивая, они пикировали на людей, у которых не было сил отбиваться от наглых птиц. Пернатые садисты садились на лица и терзали человеческую плоть.

Ирландские рыбаки, которые приплыли к месту катастрофы на своих лодчонках, спасли немало пассажиров с «Лузитании». Они делали по несколько рейсов. Каждый раз всё меньше попадалось живых, всё больше замёрзших. Уже в сумерках одна из лодок возвращалась полупустой — стало ветрено, и увидеть кого-либо среди волн уже нет никакой возможности. Лишь почти у самого берега в свете фонаря что-то блеснуло. Подплыли — и вытащили из воды едва дышавшего человека. Золотые шевроны на рукаве чудесным образом спасли капитана «Лузитании».

Тёрнер провел в воде три часа. Говорить он не мог, всю ночь семейство местного моряка выхаживало «морского

волка старой закалки». Утром капитан выпил полную кружку крепкого чая с ромом, тепло поблагодарил хозяев, надел выглаженную форму — и пошёл на пирс. У него не осталось капитанской фуражки, поэтому в ближайшем магазине он купил себе новую шляпу.

**Автор** (из-за кулис): Уильям Тёрнер никак не ожидал, что в гибели лайнера обвинят его. Адмиралтейство всячески пыталось состряпать дело против капитана «Лузитании». Первый лорд Черчилль заявил: «Необходимо преследовать Тёрнера безостановочно». Но суд признал правильными все действия капитана. Пароходство «Кунард» доверило ему другой корабль... Поиски погибших на «Люси» продолжались целый месяц. Спасатели знали, что искать надо там, где кружат чайки. А Тёрнер настолько возненавидел этих птиц, что, выйдя в отставку, частенько надевал очередную шляпу и на берегу отводил душу: стрелял из винтовки по чайкам, пока в «ремингтоне» не кончались патроны.

## КАРТИНА 11-я

### Сороковая комната Уинстона Черчилля

*Действующие лица:*

✓ **Уинстон Спенсер Черчилль** (1874—1965) — министр внутренних дел, первый лорд Адмиралтейства, премьер-министр Великобритании (в 1940—1945 и 1951—1955 гг.), лауреат Нобелевской премии по литературе (1953).

✓ **Клементина Черчилль** (1885—1977) — баронесса с пожизненным пэрством, супруга Уинстона Черчилля, кавалер высших орденов Британской империи (1918, 1942, 1946), ордена Трудового Красного Знамени (СССР, 1945).

✓ **Герберт Генри Асквит** (1852—1928) — премьер-министр Великобритании в 1908—1916 годах.

✓ **Джон (Джеки) Фишер** (1841—1920), барон, адмирал Королевского военно-морского флота Британской империи.

✓ **Дэвид Ллойд-Джордж** (1863—1945) — министр финансов (с 1908 г.), затем министр вооружений, военный министр, а с декабря 1916-го — премьер-министр Великобритании.

*Место действия* — Великобритания.

*Время действия* — начало XX века.

**Автор** (из-за кулис): В начале XXI века корпорация Би-би-си назвала Уинстона Спенсера Черчилля «величайшим британцем в истории». С этим, пожалуй, никто не спорит: личность многогранная. Но нас интересует, а что скрывалось порой за невидимыми гранями-поступками этого политического долгожителя. Особенно в годы Первой мировой войны.

ОН ВСЕГДА был такой внезапный, такой противоречивый весь. Но чтобы в пять утра уехать в Шотландию, оставив кратенькую записку — это ни в какие ворота! Что значит «Уехал играть в гольф с Асквитом, вернусь поздно»? Сыну всего четыре месяца — и вот так бросить семью в воскресный день?! Много всякого было за три года семейной жизни, она привыкла к его непредсказуемым поступкам, но чтобы вот так да в такое время!

Клементина, ещё не прибранная, в бешенстве носилась по комнатам, проговаривая про себя текст к вечерней встрече:

— Дорогой Уинни, ты не забыл, как месяц назад весь Лондон смотрел на тебя с надеждой — «наш министр внутренних дел сейчас наведёт порядок», не забыл это? Ты тогда спокойно заявил, что бастующие заслужили хорошую трёпку, вывел на улицы солдат, а сам продолжал писать свой меморандум. Это ведь не солдаты навели порядок, а друг твой, министр финансов Дэвид Ллойд-Джордж, который повысил рабочим зарплату и страховку. Он и сегодня с вами играл в гольф, не так ли? Или Асквит был один?»

Премьер-министр Герберт Асквит, без сомнений, очень не глуп. Иначе новый король Георг V не переутвердил бы его главой правительства. А раньше был и министром внутренних дел, и канцлером Казначейства. Он прекрасно разбирался в людях, но имел две незыблемые страсти: алкоголь и женщины. Утверждал, правда, что обе они — «в одном флаконе». Однажды попробовал даже протянуть руки и к Клементине, прошептав:

— Ах, какая женщина! Какая женщина! Мне б...

Она тут же громко позвала Уинстона, и муж подошёл с двумя стаканчиками виски, сунул один в протянутые руки, чем вмиг удовлетворил Асквита.

Про него ходила в свете занятная байка. Однажды в палате лордов шла ожесточённая словесная перепалка по какому-то важному вопросу. Обе партии бились насмерть, изощряясь в парламентских выражениях. В разгар битвы в

зале появился премьер-министр Асквит. Он едва держался на ногах и с трудом плюхнулся в своё кресло.

— Господин премьер-министр нашёл удивительно приятный способ уклониться от дебатов! — под общий хохот зала объявил спикер.

Это было давно. А нынче, в воскресное утро...

Нынче, в воскресное утро, министр внутренних дел Британской империи Уинстон Черчилль выиграл две партии подряд у своего начальника.

— Дорогой мой Уинстон, не говорите больше никому, что не любите гольф! Вы прекрасно играете!

— А я никогда и не говорил, что не люблю гольф. Я говорил, что проигрывать не люблю, — парировал министр премьер-министру. — А гольф — это всего лишь игра, суть которой в том, чтобы попасть маленьким мячиком в ещё меньшую лунку с помощью инструментов, которые люди нарочно придумали так, чтобы они плохо подходили для этой цели. Так что, считаю, хорошая прогулка лучше гольфа...

Они выпили у столика по стаканчику виски, и Черчилль предложил:

— Ещё партейку?

Он быстро проиграл реванш, и довольный Асквит приказал подать шампанское. Только после этого произнёс:

— Я прочитал ваш меморандум о военных аспектах континентальной проблемы, Уинстон, и должен сказать, что очень доволен вами.

Без всяких пауз глава правительства добавил:

— Не согласитесь ли вы занять пост первого лорда Адмиралтейства? Я вас не тороплю, подумайте над моим предложением.

— Разумеется, я согласен, — ответил Черчилль.

— Тогда я вас больше не задерживаю, приступайте к работе.

...Едва он перешагнул порог дома, Клементина, глянув на него, сказала спокойно:

— Пожалуйста, вынь сигару изо рта, а то выглядишь так, словно тебя повисили либо ты вернулся от любовницы!

— Так и есть. Адмиралтейство — самая волнующая любовница! Можешь поздравить меня. Полагаю, я сумею проложить свой путь...

Черчилль взялся за новое дело, засучив рукава. Адмиралы смотрели на первого лорда невзрачно и нагло: гражданских начальников не уважали на флоте никогда и нигде. Нет проблем. Недовольны? Свободны, господа! Поставим на ваше место другого адмирала, который и дело знает, и согласен с главным посылом прямого потомка герцога Мальборо:

— Британия потеряет всё, если перестанет быть владычицей морей. Готовиться к войне сегодня надо так, как если бы она началась завтра.

Один понимающий человек уже однажды возглавлял Адмиралтейство. Год назад 70-летний Джон Фишер покорила Черчилля своей решительностью и силой воли. Это он приказал списать все парусные корабли и, несмотря на яростное сопротивление, начал полную модернизацию на флоте. Жаль, подсадили старика, не дали довести дело до конца, рассорился Фишер со всеми и ушёл добровольно в отставку. Даже на Черчилля обиделся, когда этот юный политик (тогда министр торговли и промышленности) позволил себе критиковать нововведения на флоте. Вот к этому морскому волку и ехал сейчас с повинной гражданский глава Адмиралтейства.

Три дня первый лорд уговаривал адмирала Джеки Фишера забыть обиду. Старик твердил, что, во-первых, стальных кораблей нужно заложить на верфях в два раза больше, чем у Германии; во-вторых, все они должны перейти с угля на нефть; в-третьих, нужны новая морская артиллерия и подводные лодки; в-четвёртых, английскую разведку надо менять, она ни к чёрту не годится; в-пятых, правительство ничего не понимает и не собирается давать денег на переоснащение флота...

— Я могу собрать хороший урожай там, где другие неправильно посеяли, — спокойно отвечал ему Черчилль. — Вы сейчас составили прекрасную программу действий. Но

без вашей помощи мне её не выполнить. А правительство я беру на себя...

Бывший первый морской лорд, адмирал флота сэра Джон Фишер позволил себя уговорить.

После русско-японской войны флот Российской империи никто в расчёт не брал. На море начиналась борьба между двумя другими империями — Британской и Германской. Начиналась чудовищная гонка вооружения...

— Через год мы станем намного сильнее, — писал Черчилль жене с адмиральской яхты, которая стала его офисом и домом. — Жаль, что у меня нет девяти жизней, как у кошки, чтобы глубоко вникать в каждую область. Приходится многое передоверять другим, хотя я уверен, что сам мог бы сделать лучше...

Отказ от угля на флоте требовал много сырой нефти. Ему твердят:

— Нефть не растёт в Британии!

Уинстон очень быстро находит место, где она «растёт», и танкеры из Персии косяком отправляются в Англию.

На верфях строятся новые современные корабли и подводные лодки, полным ходом идёт перевооружение морской артиллерии. Адмирал Фишер требует денег:

— Вы же обещали взять на себя правительство!

Старый друг и партнёр по гольфу, «британский казначей» Ллойд-Джордж уже не выдерживает:

— Вы ищите любую возможность для разбазаривания денег! Ваш бюджет на строительство флота с таким трудом утверждён, а вы просите ещё три миллиона? Попробуйте сами убедить парламент!

Первый лорд Адмиралтейства выступает перед депутатами больше двух часов. Потом кто-то из верхней палаты скажет:

— Все были против новых ассигнований! Это же не доклад, а какая-то психическая атака! Он перепрограммировал наши мозги в свою пользу и, похоже, получит то, что хотел!

Премьер-министр Асквит просит Черчилля:

— Мой дорогой Уинстон, а нельзя ли пойти на некоторые уступки? Нельзя ли выкинуть с корабля пару мешков, чтобы достичь компромисса со сворой противников?

Черчилль парирует:

— Мне самому не нравятся большие расходы на флот, и огорчает, что я оказался в положении растратчика. Но я — заложник фактов. Близится шторм. На корабле нет лишних мешков, и, даже если свора сожрёт капитана, шторм от этого не утихнет...

Но на некоторые уступки он пошёл. Правительство приняло его бюджет.

— При другом министре финансов смета была бы урезана на миллионы, — заметил один из лейбористов.

— Тогда был бы и другой первый лорд Адмиралтейства, — немедленно откликнулся Черчилль.

...Из программы, составленной за три дня с адмиралом Фишером, далеко не самым простым оказался четвёртый пункт — создание морской разведки. Но и это решилось очень быстро — как только Германия начала войну с Россией.

Четвёртого августа 1914 года король Георг V объявил своему кузену Вильгельму II, что Британская империя находится в состоянии войны с Германией. Некий английский деятель заявил: «Мы будем воевать на стороне России, но пока русские думают, что мы союзники, у них нет шансов на победу, только пусть они подольше так думают». Тс-с-с! Данная позиция Великобритании — большой секрет на много лет. Правда, лишь для тех, кто не всё понимает.

Создание британской военно-морской разведки началось с акции, запланированной ещё три года назад. За несколько часов до официального объявления войны небольшое судно береговой охраны нашло, где проходят трансатлантические немецкие кабели. Ночью их крюками подняли из воды, перерубили — и снова забросили в морскую пучину. Германия осталась без подводного телеграфа. А все сообщения, переданные по радио, теперь записывались.



Что случилось дальше — это просто цепь чудесных событий. Первое звено цепи — немецкий торговый пароход, остановленный в начале августа кораблём Королевского австралийского флота. Немцы не знали о начале войны, и пограничники конфисковали у них груз и документы, включая шифровальную книгу торгового судоходства.

В том же месяце немецкий крейсер «Магдебург» сел на камни в Балтийском море и был захвачен русскими моряками. Они и подняли из воды мёртвого офицера, который прижимал к груди шифровальные и сигнальные книги кайзеровского флота. Одну из них военно-морской атташе Российской империи подарил союзникам-британцам. Вскоре эти «бесценные документы со следами воздействия моря» держал в своих руках Уинстон Черчилль.

Третьим подарком судьбы стал «улов» британского траулера, ловившего рыбу в Северном море. В трал попался сундучок со свинцовой подкладкой, в котором лежала военно-морская шифровальная книга, которую использует высший командный состав кайзеровского флота. Сундучок был брошен за борт с тонущего германского корабля, получившего в бою фатальные пробоины.

Летом следующего года коллекция пополнилась ещё одним ценнейшим экземпляром. Это была кодовая шифровальная книга для дипломатов, потерянная немецким вице-консулом Вильгельмом Вассмуссом. Англичане задержали его в Персии, но он сбежал от них, бросив весь свой багаж. Потом попробовал вернуть драгоценную книгу, обратился к местным властям, но получил краткий вежливый ответ: «Это невозможно, так как вещи уже отправлены по назначению».

Итак, в коллекции Адмиралтейства оказались четыре шифровальных справочника. Осталось найти ключ и с его помощью начать расшифровку всех радиоперехватов. Чтобы быть в курсе кайзеровских планов, в старом здании Адмиралтейства выделили для дешифровщиков специальную комнату. Обыкновенная комната номер 40, на двери крупно

написано: «Посторонним вход строго запрещён». Кто там работает и чем занимается, никто даже интересоваться не имел права.

А там лучшие лингвисты, радисты и специалисты по декодированию корпели над тысячами зашифрованных сообщений, сравнивая, интерпретируя, находя закономерности, страдая от неудач и постоянного неудовольствия начальства. Не всё получилось сразу, так как немцы перешифровывали кодовые группы дополнительно, порой не один раз. Когда алгоритм был понят, ключ стал подходить к любым замкам.

Благодаря захваченным картам в сороковой комнате увидели, что кайзеровский штаб поделил всё море Британии на квадраты и каждому присвоил номер. Любое судно, выходящее из немецкого порта, регулярно сообщало на базу о своём местонахождении. И теперь Адмиралтейство знало буквально всё о германском флоте: название и технические данные кораблей, их вооружение и цели, фамилии командиров и их характеры.

По почерку уже узнавали радистов, особенно с подводных лодок. У раций немецких субмарин мощности небольшие, сигнал слабый, настраивают их долго, начинаются передачи с двух-трёх пробных точек или тире. А у радиста субмарины U-20 обычно четыре-пять знаков Морзе.

— Лодка лейтенанта Швигера проснулась, ишь, «раскашлялся» с утра! — улыбались в сороковой комнате, готовя очередной доклад Уинстону Черчиллю.

Первый лорд Адмиралтейства строго-настрого запретил делиться секретами сороковой комнаты.

— Если две большие и высокоразвитые страны вступили в войну, то обе окажутся полностью истощенными ещё до того, как война закончится, — не раз говорил Черчилль.

Разумеется, он имел в виду Германию и Россию. Войну Британии с кайзером, по большому счёту, он сам и начал. Утром 4 августа 1914 года он разослал на все корабли краткую телеграмму: «Начать военные действия против Герма-

нии». Разрешение на это получил у главы правительства задним числом.

Понятно, что «величайший британец в истории» знал, что делал. Секрет для двоих — это уже не секрет. Ни союзникам, ни военному министерству Черчилль не собирался передавать то, что поступало ему из сороковой комнаты. Владеть секретной информацией — это значит владеть миром, не так ли? Он и собирался владеть, напевая про себя: «Правь, Британия, владычица морей!»

...В начале мая 1915 года «Лузитания» уже пересекала Атлантику, и генеральный штаб предложил встретить пассажирский лайнер военным эскортом из нескольких эсминцев, как это делалось обычно при росте активности германских субмарин в этих водах. Первый лорд Адмиралтейства отказался:

— Капитана «Лузитании» мы не раз предупреждали об опасности радиogramмами, — заявил Черчилль.

За сутки до предполагаемого прибытия вернулся на базу и крейсер «Джуно», который должен был сопровождать лайнер. «Лузитания» осталась без эскорта.

Она была уже почти дома, пассажиры на палубах шумно радовались родным скалистым берегам. Но и в перископ немецкой субмарины было отлично видно гигантский лайнер. Торпеда, пущенная с подлодки U-20, попала точно в середину пассажирского корабля...

Гибель тысячи с лишним пассажиров «Лузитании» потрясла весь цивилизованный мир. Первый лорд Адмиралтейства отреагировал весьма оригинально. Будущий лорд Уинстон Черчилль заявил:

— Несмотря на весь ужас произошедшего, мы должны рассматривать гибель «Лузитании» как важнейшее и благоприятное для стран Антанты событие...

Да, он был рад: во-первых, немцы так и не догадались, что их переговоры расшифрованы; во-вторых, гибель лайнера должна подтолкнуть Соединённые Штаты к участию в войне. Последнее, правда, удалось сотворить лишь спустя

два года, но зато тогда заслуга сороковой комнаты была неоспоримой. Впрочем, это другая история, пока же первый лорд Адмиралтейства нашёл главного виновника: Черчилль приказал арестовать капитана «Лузитании» Уильяма Тёрнера и наказать его как можно строже.

...Незадолго до окончания Первой мировой войны некий офицер военно-морского флота Великобритании публично обвинил ушедшего уже из Адмиралтейства господина Черчилля в целенаправленном и преступном бездействии при обеспечении безопасности «Лузитании».

Бывший первый лорд Адмиралтейства ответил кратко:

— Ни о какой цели по уничтожению судна не было и речи, британские джентльмены на подобную низость не способны!..

**Автор (из-за кулис):** В годы Первой мировой погибло 10 миллионов солдат и столько же, даже больше — гражданских лиц. Ещё страшнее цифры по Второй мировой войне. Но, говоря о «Лузитании», почему-то хочется вспомнить и разгром арктического конвоя PQ-17. В составе каравана было 35 транспортов, которые летом 1942-го везли в Советский Союз почти 300 самолётов, 600 танков и ещё 100 тысяч тонн необходимых Красной Армии товаров и снаряжения. Британское Адмиралтейство (Уинстон Черчилль был уже премьер-министром) отозвало военные корабли сопровождения, оставив транспорты на растерзание фашистским самолётам и подлодкам. До Архангельска дошли лишь 11 судов. Не потому ли произошла эта трагедия, что англичане уже заполучили в качестве трофея шифровальную машину «Энигма» и знали всё о передвижениях немецких субмарин и планах вермахта?

## КАРТИНА 12-я

### Не спасти рядового...

*Действующие лица:*

- ✓ **Уильям Дженикс** (1869—1915) — рядовой рабочий судостроительной верфи.
- ✓ **Родни Дженикс** (1891—1917) — рядовой, пулемётчик; сын Уильяма.
- ✓ **Райан Дженикс** (1911—1942) — рядовой необученный; внук Уильяма.

*Место действия* — Доркинг (Англия), Ипр (Фландрия), Куйбышев (СССР).

*Время действия* — начало XX века.

**Автор (из-за кулис):** Интересно узнать, как война (разные войны) сказалась на конкретных людях. Взять, например, рядовую английскую семью и проследить историю жизни её мужчин. Допустим, за сто лет — это как раз будет четыре поколения...

**СЕМЕЙСТВО** Дженикс всегда обитало в маленьком городке Доркинг близ Лондона. Отец Уильяма родился в 1842 году. В девятнадцать лет он добровольно уехал в Америку с восторженным желанием участвовать в войне между Севером и Югом. Он был из тех неисправимых романтиков, которые считают, что в любой войне есть правые и виноватые. Обычно таких юных придурков убивают в первом же бою. Но ему повезло: был ранен и вернулся домой. Он даже успел порадоваться на своего первенца, которому дал имя Уильям. Но война догнала-таки его. Доктора боролись за его жизнь, но не смогли спасти...

Отец много интересного рассказывал Уильяму про Америку. Настолько много и настолько интересно, что когда

сын вырос и ему пришла повестка, он попросился во флот. С надеждой тоже увидеть Америку. Доехал до Флориды — и скоро вернулся домой. Согласно акту о морской обороне Британия начинала массово строить новые корабли для Королевского флота. Сержант выискивал среди новичков Старого Света всех, кто хоть что-то понимал в технике. Так Уильям попал в школу судовых механиков.

Он неплохо зарабатывал на судостроительной верфи, женился и купил дом, в котором появился на свет его сын Родни. В то время Доркинг был ещё городок маленький, убогий, пыльный. Уильям рассказывал сыну на ночь, как однажды на Таллахасси, когда он служил, напало племя индейцев-апалачей. Это была страшная сказка, слава богу, давно забытая.

Родни исполнилось шесть лет, когда отец вдруг перестал ездить на работу и взял в аренду железный ангар. Он задумал строить лодку. Вокруг продавалось полно разных посудин, но он мастерил что-то своё.

— Па, что это будет?

Отец отложил в сторону инструмент и поведал сыну свой удивительный план.

Это будет броненосец. Почти как настоящий, только в двадцать раз меньше. Сейчас на верфи строится железный красавец, будущая гордость Британии. Сто метров длиной, две паровые машины, четыре котла, мощные орудия на главной палубе. Отец участвовал в проектировании корабельных котлов и трюмных помещений на этом красавце.

— А неделю назад меня уволили, — спокойно продолжал он. — Я позволил себе сказать главному конструктору, что размещать пороховые погреба рядом с котлами опасно, никакие переборки не спасут, если угольная пыль сдетонирует, ведь она не хуже пороха горит. Меня даже слушать не стали, уволили, вышвырнули за борт, словно салажонка. Но я построю такой же броненосец в масштабе и докажу, что он может потонуть при таком раскладе в

трюмах. Так что, сынок, давай-ка помогай мне, пока мама не узнала!

Мама так ничего и не узнала, маленькая копия броненосца не была построена, потому что в тот же день, вскоре после обеда за отцом приехали. Двое дяденек в шляпах культурно пригласили их в крытую коляску, довезли Родни до дома, а с папой поехали дальше, и две недели о нём не было ни слуху, ни духу.

Он прислал из Флориды открытку и денег. Много денег — хватило и за ангар рассчитаться, и Родни в школу собрать. Отец писал, что теперь служит вольнонаёмным на крейсере «Мэн» и на днях отправляется с миссией доброй воли на Кубу.

После той открытки Уильям снова замолчал надолго. И о том, что на рейде Гаваны взорвался американский броненосный крейсер «Мэн», они с мамой узнали из газет. Маму увезли в больницу с сердечным приступом, но потом выяснилось, что погиб не весь экипаж, а только нижние чины, офицеры и механики в тот вечер получили увольнение на берег, и потому остались живы.

Отец вернулся домой через месяц, нашёл себе другую работу, но ходил какой-то молчаливый, подавленный. А вскоре Соединённые Штаты высадили на Кубе десант — началась война. И однажды вечером он заговорил:

— С меня взяли подписку, что никогда и никому не буду говорить о том, что крюйт-камеры и котлы нельзя ставить рядом. Теперь я уверен, что на «Мэне» пороховые погреба специально оставили рядом с кочегаркой. Они использовали меня! А потом сами взорвали угольную пыль. И всё рвануло — почти триста матросов погибли! Специально нас отпустили на берег: нижними чинами служили в основном негры, правительству США их не жалко! Нет, американцы — страшные люди!..

Мать с трудом его успокоила, отвела спать.

Испано-американская война продлилась всего сто дней. Бывшая морская держава не в состоянии была

противостоять нарождающемуся хозяину Западного полушария, Испания теряла свои колонии и флот под натиском звёздно-полосатого флага.

Британия строила новые корабли, ни воевать, ни уступать первенство на морях и океанах не собиралась никому, а это значит, что работа у отца была. Жили они втроём счастливо, несмотря на болезнь матери. Каждый год к Рождеству получал Уильям открытку от бывших офицеров крейсера «Мэн» — те помнили молодого судового механика из Англии и искали его дружбы. Звали в гости — ежегодно собирались вместе, поминали погибших в гавани кубинской столицы. Уильям отвечал на открытки, тоже поздравлял бывших сослуживцев, но на встречи не ездил.

Мирные годы кончились. Его Величество британский король Георг V в начале августа объявил войну своему кузену, немецкому кайзеру Вильгельму II. Соединённые Штаты в войне не участвовали. А в декабре 1914-го Уильям Дженикс получил вдруг рождественский подарок: билет на поездку в Нью-Йорк, туда и обратно. Так невоюющая Америка решила облагоденствовать рядового жителя воюющей Англии. А может, просто не было желающих мотаться через Атлантику без дела — писали же в газетах, что океанский лайнер «Мавритания» из-за недостатка пассажиров поставлен на прикол, и в Америку ходит только её сестра-близнец «Лузитания».

Как бы то ни было, Уильям поехал. Так решили на семейном совете. А что? Сын Родни уже вырос, у него своя семья, внуку уже четвёртый год. Может дед позволить себе такую прогулку? Жаль, что не успевает к ежегодной встрече ветеранов «Мэна», но всё равно повидается с боевыми друзьями.

Из Нью-Йорка отец сообщил открыткой, что едет с однополчанами в Гавану положить венки на месте гибели крейсера. И ещё одну открытку прислал, сообщил, что в обратный рейс «Лузитания» выходит 1 мая, домой вернётся числа восьмого.



Он не вернулся. Погиб, как и почти 1200 других пассажиров океанского лайнера. Родни с матерью ездили на опознание его тела. Лучше бы не делали этого: у матери случился инфаркт, она умерла в больнице Доркинга. А спустя два года Родни получил повестку, и жена с маленьким сыном провожали его на фронт в порту Брайтона.

...Вечером рота сменяла тех живых на передовой, кто ещё остался после беспрестанных и безуспешных боев. Они молча шли мимо новичков, оскальзываясь на грязном дне траншеи, держась друг за друга и падая. Раненых несли санитары на чёрных от крови носилках. С той стороны никто не стрелял. Лишь слышно было, как у немцев лает собака, и стучат котелки: укрывшись за многими рядами колючей проволоки, кайзеровская пехота ужинала. Это означало, что сегодня атак больше не будет. Потому санитары и шли в полный рост.

— За брустверы головы не высовывать! — распорядился сержант, расставив отделение. — Всем поправлять стенки траншеи и чинить мостки! Противогазы держать у пояса по-походному! Рядовой Дженикс, за мной!

Родни вернулся с пулемётом «льюис» на плече. Обратился к тому из новеньких, который стоял ближе всех.

— Пойдешь ко мне вторым номером? Сержант разрешил любого взять. Если согласен, топай к нему за дисками, да сразу два бери!

Потом они обустроивали пулемётное гнездо, благо мешки с песком от предыдущего артналёта не очень пострадали. Лишь поправили бруствер да выложили ниши для боеприпасов и для себя. Родни — опытный боец, уже успел повоевать. Он достал из мешка большие белые таблетки, быстро скрутил из проволоки горелку, поставил на неё банку с фасолью — разогреть.

— Это сухой спирт. Горит без дыма, потому и разрешено в окопах. Пить не советую — это яд, таблетка прилипнет горлу, и будешь неделю мучиться.

Он казался старше всех лет на десять. Потом Родни рассказал, что ему двадцать шесть, он женат.

— Это Пистис, жена моя, а сыну Райану седьмой годик пошёл, — на фотографию сам ещё раз с любовью глянул и спрятал в карман кителя.

С Родни легко и надёжно, как с братом. С ним можно откровенничать, смеяться или спорить о чём угодно, его даже слушаться приятно.

— Давай-ка соорудим здесь сушилку. У тебя есть запасные обмотки? Переобувайся, пока нет дождя. А я к ребятам — помогу скамьи делать.

— Для чего скамьи?

— А где, по-твоему, они спать будут? Прямо на земле?

Он ушёл. Было слышно, как он поучает новичков:

— Каски новые, вы их грязью сверху обмажьте, чтоб не бликовали — не дай бог снайпер увидит...

Родни едва успел вернуться, как в траншее появился сержант. Он пришёл с подарком — с охапкой соснового лапника.

— Дно ветками застелите, не так грязно в траншее будет!

Ещё принёс банку каких-то консервов — презент от союзников. Уселись на скамье, вместились всё отделение, плеснули ром в кофе. А консервы союзнические так и не открыли.

— Понятия не имею, что там. Может, и не еда вовсе. Кто-нибудь французский знает?

Новичок сказал тихо:

— Можно есть, не отравитесь. Это лягушачьи лапки в ткемалевом соусе.

— Ну, союзнички, вот петухи, у-ля-ля! — рассмеялись все. — Хотят за наши жизни лягушками расплатиться!..

Уходя, старшина отозвал Родни в сторонку, шепнул ему:

— На пять-тридцать назначена атака. Вы с напарником заступаете сейчас дежурными наблюдателями. Через два часа вас сменят, и до артподготовки можете отдыхать...

Какое счастье, что сегодня не стреляют. Они смотрели через две маленькие амбразуры на нейтральную полосу. С той стороны иногда взлетали ракеты, тени метались

по изъеденному воронками полю, словно живые фигуры. И снова тишина.

— А вы давно на фронте? — молодой напарник наконец осмелился спросить у Родни.

— С мая, — тотчас отозвался тот. — Два месяца учили с пулемётом обращаться, потом ещё два знакомили с танками.

— Так вы танкист?

— Был. Недолго. Здесь же, во Фландрии, — он говорил отрывисто, не поворачивая головы. — Под Ипром. Недалеко от места, где мы теперь сидим.

— Говорят, много здесь погибло от газа?

— Это было. Много погибло. И ты, парень, запомни: горчичный газ пахнет сиренью. Как почувешь этот весенний запах, сразу противогаз надевай.

— А в танковом экипаже вы кем были?

— Башенным пулемётчиком. В левой башне. Тоже с «льюисом».

— В танке ведь безопасно, — новенький смотрел на Родни удивлённо. — Почему вам не понравилось там?

— Я не искал, где безопаснее. Знаешь, как мы называли свои танки? «Консервная банка, которую невозможно вскрыть» — вот как! Немцы нас до жути боялись, особенно поначалу. Но чем машина тяжелее, тем больше у неё уязвимых мест, знаешь такое правило? Автомобиль, танк или корабль — всё едино...

Родни помолчал, глянул на часы, продолжил вполголоса.

— Мы пошли в атаку на рассвете. Это был конец августа, уже и не помню точно число. Наш тяжёлый танк шёл среди первых. Командиры были уверены, что немцы не способны остановить таких бронированных гигантов. А мы встали...

— Вас подбили?

— Нет. Такую консервную банку никому не вскрыть: броня двенадцать миллиметров. А уязвимое место — банка-то полуслепая. Всю ночь лил дождь, нейтралка превратилась

в болото, все, кто за нами шёл, завязли в грязи, а наш танк умудрился правым боком в яму завалиться. Выбраться не можем, зато для немчуры стали прекрасной мишенью. Вот они и начали нас долбить. Подойти им близко не даём, огнём из пулемётов отгоняем, так немцы прямой наводкой из пушек стали бить. Сначала они, а потом и свои...

— Свои-то зачем?

— Вот в этом вся беда, вся подлость войны, парень. Чтоб новый танк кайзеру не достался, вот зачем. А что восемь человек живых в этой раскалённой банке — вроде как и не имеет значения. Что им люди? Лишь бы врагу не перепало двадцать тонн железа, пусть и секретного. Короче, с двух сторон лупит по нам артиллерия, в лицо окалина летит, уши заложило, дышать нечем, патроны на исходе, вода кончилась. Вот тогда я и поклялся, что в пехоту уйду. Если, конечно, в живых останусь.

— И как же вы спаслись?

— Я сказал командиру, что ночью можно выбраться наружу и добраться до своих, чтобы хоть они прекратили огонь. Командир согласился и приказал мне отправляться, других желающих не нашлось. Как стемнело, я полез через нижний люк. Стреляли по мне снайперы, били немцы из пулемётов, из миномётов. Мёртвым притворишься, десять минут полежишь, потом дальше карабкаешься. Всю ночь полз, встретили так, словно я с того света вернулся.

— Остальные тоже спаслись?

— Не все. Двое погибли, остальных всех поранило. Они ведь ещё двое суток сидели в этой чёртовой банке, пока наши командиры решались на новую атаку. Нет, в пехоте лучше. Ты, парень, утром держись меня, не отставай. Я, видишь, какой везучий...

Зачавкали тяжелые шаги — смена шла по траншее.

— Сейчас нам с тобой и лавки пригодятся, — как-то устало пробормотал напарнику Родни. — А ты спрашивал, зачем. Ложись, парень, целых два часа у нас есть. Счастливых тебе снов!..

Утром, после часовой артподготовки, британские войска пошли в наступление. Рядовой Дженикс боковым зрением видел, что второй номер не отстаёт, держится рядом. Обрадованный Родни спросил на бегу:

— Я даже не спросил, как тебя зовут, парень?

Тот открыл рот, но ответить не успел. Вражеская пулемётная очередь скосила их обоих.

...Когда отец погиб в сражении при Ипре, Райан Дженикс ходил в первый класс. Детство и юность его прошли всё в том же доме. Жили они вдвоём с матерью. Пистис трудилась на заводе, вдову солдата не уволили даже в двадцатые годы, когда безработными оказалась половина горожан.

Жили очень бедно, считали каждый пенни. И в шестнадцать лет Райан бросил школу, тоже пошёл на завод. Когда он принёс первую зарплату, мать расплакалась.

— Райан, сынок, ты просто спас нас от нищеты!

Работали посменно оба по двенадцать часов. Так что все четыре года Великой депрессии у них было самое главное — стабильная зарплата и крыша над головой. А в 1935 году заказов стало ещё больше: Великобритания подписала морское соглашение с Германией и вложилась в строительство её флота. Версальскому договору пришёл конец. Начиналась подготовка к новому европейскому пожару.

Завод, где трудились мать и сын Джениксы, стал выпускать танки. Конечно, это были не те громоздкие «консервные банки», про которые писал с фронта отец. Райан залезал в танковую башню и понимал, что во время боя экипажу приходится ох как не сладко. Прав отец: в пехоте лучше. Но у Райана была броня, а желание воевать отсутствовало полностью. У неженатых так бывает даже чаще, чем у женатиков.

А война пришла нешуточная. Вроде и не нужна никому — подумаешь, не поделили маленькая Польша и задирстая Германия дорогу к Данцигу. Вчерашние друзья, они сами разберутся. И вдруг — по чьей указке, по чьему приказу? — новый британский король объявил войну новому немецкому режиму.

В августе сорокового года самолёты с крестами начали регулярно бомбить Лондон и прочие английские города. Бомбёжки не прекратились и в следующем году, когда нацисты напали на Советский Союз. Британцы и русские снова стали союзниками.

На заводе готовили первую партию танков «Матильда» и «Валентайн» — по ленд-лизу для СССР. Назначили сопровождающих до пункта назначения, в эту команду попал и Райан Дженикс. Он не стал возражать, потому что командировка получалась длительная, зарплата шла двойная. Путь неблизкий — через Исландию до Мурманска. Это по морю, а куда дальше, не говорят.

Райан успел Рождество встретить с мамой, и в новогоднюю ночь арктический караван из девяти торговых судов под эскортом двух эсминцев и нескольких вооружённых траулеров отошёл от исландского берега. За две недели раз пять самолёты с крестами кружили над конвоем, но зенитчики эсминцев не дали им отбомбиться.

В порту Мурманска к Райану подошёл мужчина в белом тулупе, представился по-английски:

— Я ваш переводчик, буду вам везде помогать.

Тут же повёл англичанина в здание, где помог переодеться в такой же тулуп. Дал рукавицы, меховую шапку, принёс огромные серые валенки.

— Это вам от советских людей подарок! Он спасёт вас от холода!

Когда разгрузка закончилась, все сопровождающие поехали в гостиницу, а Райану предложили следовать дальше вместе с танками — до самого полигона, где их будут доукомплектовывать и опробовать британские и советские военные.

— Только с согласия моих начальников! — гордо заявил Райан.

— Разумеется.

Утром пришла телеграмма: завод продлил ему командировку. Вечером того же дня Дженикс с переводчиком

сидели в штабном купе литерного поезда, который вёз на открытых платформах четыре «Матильды» и десять лёгких пехотных «Валентаймов». Остался позади разбомбленный немцами Мурманск, мелькали за окном обгоревшие остовы пристанционных зданий — всё Заполярье стало широкой линией фронта.

Ехали двое суток. От переводчика Райан узнал, что немцы под Новый год были разбиты под Москвой, план блицкрига провалился. Они даже выпили немного русской водки за победу.

— Обратно мы с вами полетим на самолёте, — сказал переводчик. — Вы нужны на заводе, а нам нужны новые танки.

Полигон был на самом берегу Волги. Город Куйбышев видно без бинокля. Туда переехало из Москвы правительство СССР. Осознавать, что он участвует в охране советского правительства, почему-то было лестно и приятно Райану.

А с русскими рабочими и солдатами общался с легкостью, даже без переводчика. Райану они показались весёлыми и спокойными людьми. Но больше всего его поразила их полная уверенность в победе.

Английскими танками интересовались все. Когда первый «Валентайн» завёлся, хлопали Райана по плечу:

— Молодец, Френд! Вери гуд!

Они так и знали его — Френдом.

Только один, с обожжённым лицом, однажды сердито высказал:

— Горят ваши «Валентайны», как спички. Нам приходится на траки дополнительные шипы наваривать, а то с вашими плоскими гусеницами только на парадах ездить!..

Жили все в бараках. Райану с переводчиком выделили целую комнату. И однажды утром взревела сирена, совсем как в Доркинге, когда авианалёт был.

— Скорей! Скорей в укрытие! — торопил англичанина переводчик. — Это наши зенитчики немцев от Куйбышева отогнали, сейчас они нас бомбить будут...

Им двоим не суждено было добежать от укрытия. Когда бомба взорвалась, переводчик успел закрыть собой Дженикса, все осколки принял на себя, но и в Райана попало. До медсанбата его четыре человека несли бегом на тулупе вместо носилок, но спасти его не удалось...

**Автор** (*из-за кулис*): Отец Уильяма Дженикса умер от ран, полученных на войне, врачи не смогли его спасти. Сам Уильям погиб вместе с другими пассажирами лайнера «Лузитания», потопленного немецкой подлодкой. Его сын Родни пал в бою под Ипром за год до окончания Первой мировой. У него остался сын Райан. Его убила немецкая бомба на берегу Волги в сорок втором. У Райана не было семьи и детей, родовая ниточка фамилии Дженикс на нём оборвалась. Рядовая британская семья. Вся её родословная за сто лет. Четыре поколения, четверо мужчин. Всех их убила война. Никого не пожалела, не спасла. Им это надо было? А Британии и другим странам надо?



## ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Россия:

«Не трогайте только Сербию!»

*«Я попытался доказать, что мы сами не имеем абсолютно никакой причины воевать с Россией и что у нас нет в восточном вопросе никаких интересов, которые оправдывали бы такую войну или хотя бы необходимость принести в жертву наши давние дружеские отношения к России. Всякая победоносная война против России при нашем — её соседа — участии вызовет постоянное стремление России к реваншу за нападение на неё. Я не видел никаких оснований ставить под угрозу наши давнишние мирные взаимоотношения ради каких бы то ни было непруссских интересов. А раз наши собственные интересы не только отнюдь не требуют разрыва с Россией, но скорее даже говорят против этого, то, напав на постоянного соседа, до сих пор являющегося нашим другом, мы лишь покажем свой страх и смирение перед западными державами...*

*Война между Германией и Россией — величайшая глупость. Именно поэтому она обязательно случится».*

**Отто фон Бисмарк**

**«Мысли и воспоминания»**

## КАРТИНА 13-я

### Ему не дали «Нобелевку» мира

*Действующие лица:*

- ✓ **Александр III** (1844—1894) — российский император, отец Николая II.
- ✓ **Николай II** (1868—1918) — последний российский император.
- ✓ **Александра Фёдоровна** (1872—1918) — императрица, супруга Николая II.
- ✓ **Луис Хамон** (1866—1936) — британский граф (по купленным документам), известный хиромант, ясновидец, астролог, предсказатель судеб.
- ✓ **Михаил Муравьёв** (1845—1900) — граф, министр иностранных дел Российской империи в 1897—1900 гг.
- ✓ **Иоанн Кронштадтский** (1829—1908) — православный священник, член Святейшего Синода, проповедник.

*Место действия* — Лондон, Санкт-Петербург.

*Время действия* — конец XIX-го — начало XX века.

**Автор (из-за кулис):** Российский император Александр III, отец Николая Второго, в своём дородстве походил на былинного богатыря. Косая сажень в плечах, почти два метра ростом. Основательный, неторопливый. В народе его прозвали Миротворец, потому что при его правлении страна ни дня не воевала. Продолжать такую внешнюю политику он завещал и сыну. Тот многое успел сделать, но судьбой последнего российского императора было предначертано другое...

С ТЕМЗЫ напал туман. Он нёс с собой запах серы и предчувствие беды. Фонарщики с высоких лестниц зажигали на столбах газ, но фонари не хотели гореть. Было холодно и сыро. В такую погоду хорошо сидеть у камина с чашкой чая и слушать льстивые прогнозы разных прорицателей о долгой жизни и бесконечном счастье. Кое-кто из жителей Лондона мог себе позволить в вечерний час заниматься этим в полное своё удовольствие.

Богатая карета с гербами на дверцах остановилась у низкого крыльца довольно скромного дома. Из кареты вышел молодой ещё мужчина в тёмном плаще с капюшоном. Шарф наполовину закрывал его лицо.

— Милорд, прошу вас следовать за мной! — слуга, приняв плащ, повёл мужчину наверх.

На втором этаже, в комнате, похожей на библиотеку, сидел у камина хозяин дома. В Лондоне он был известен как граф Луис Хамон.

Граф имел репутацию лучшего ясновидящего и предсказателя судеб. Деньги брал немалые, но строго по таксе. Говорил заказчику порой очень неприятные вещи. Но всё предсказанное им сбывалось — рано или поздно.

Откуда провидец взялся, того никто не ведал в Англии. Лишь спустя десятилетия прояснится его извилистый жизненный путь. Родился в Шотландии. Мать-цыганка гадала по картам и по руке, а перед смертью предсказала сыну великое будущее, если тот поедет в Лондон к одному известному прорицателю.

Мальчик поехал, набился мэтру в ученики и два года постигал тайны нелёгкого мастерства. Узнал главное: что все секреты хиромантии собраны в старинной книге, которая хранится у некоего брахмана в Калькутте. С мешком столового серебра, украденного у лондонского учителя, шустрый юноша отправился в порт, где быстренько поменял серебро на место в трюме чайного клипера, отправляющегося в Вест-Индию.

Аналогично поступил и с индийским мэтром. Только ушло на это шесть лет. Вернулся в Британию с драгоценной

книгой и мешочком не менее драгоценных камней. Купил себе документы, графский титул и дом, начал гадать по руке, по дате рождения. Поначалу ему не верили, потом ахали от страха и восторга. Известность его растекалась быстрее, чем вода в Темзе.

Он предсказал испано-американскую и англо-бурскую войны, смерть королевы Виктории, гибель «Титаника» и «Лузитании», Первую мировую, «Великую депрессию» в Америке и много чего ещё. Слухи о его прямой связи с небесами стали главной новостью в великосветских салонах Европы.

Королю Италии Умберто I граф Хамон предрёк скорую смерть от пули, причём с уверенностью заявил: «В тот день погибнут оба близнеца». Естественно, сей прогноз королю не понравился, но свита успокоила его, напомнив, что брата-близнеца у монарха никогда не было. Однако от предначертанной судьбы уйти не удалось...

Герцогу Йоркскому Джорджу предсказал, что тот женится на невесте своего брата и станет королем Георгом V спустя десять лет после смерти своего отца. Этим он немало озадачил Джорджа, поскольку его старший брат Эдди был жив-здоров и неделю назад обручился с Марией Текской.

«Интересно, а что он может сказать по одной только дате рождения, не видя человека?», — наверное, так думал будущий король Георг V, когда просил ясновидящего графа описать на бумаге судьбу своего кузена.

...Слуга провёл незнакомца на второй этаж. Хозяин комнаты встал, мужчины почтительно поздоровались. Гость протянул графу Хамону лист бумаги.

— Не будете ли вы столь любезны, чтобы подтвердить, что это ваша бумага и ваш почерк?

В бумаге рукой графа было написано: «Кто бы ни был этот человек, дата его рождения, числа и другие данные показывают, что в течение своей жизни он часто будет иметь дело с ужасами войны и кровопролития; что он сделает всё

от него зависящее, чтобы предотвратить это, но его судьба настолько глубоко связана с этим, что его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны; что в конце второй войны он потеряет всё, что он любил больше всего; его семья будет вырезана, и сам он будет насильственно убит».

— Да, милорд, это я писал, — отвечал английский граф. — Не знаю вашего имени и намерений, но не вижу смысла скрывать истину. Некоторое время назад один высокопоставленный человек королевского дома Британии попросил меня предсказать судьбу человека, назвав именно эти дату и время появления его на свет. Я добросовестно исполнил просьбу. Просто сделал свою работу, милорд, и не вижу, в чём моя вина.

— Здесь нет вашей вины, — мягко сказал таинственный посетитель, внимательно выслушав. — Я благодарен вам и верю вашему предсказанию!

Он заплатил по таксе, поклонился и вышел.

Николай Второй — а это, разумеется, был он — не стал рассказывать молодой супруге о своём визите. Императрица Александра Фёдоровна суеверна ещё больше, и она только-только оправилась от рождения дочери. Это их первая официальная поездка в Британию после коронации, и не должно быть никаких истерик перед царственной бабушкой Викторией и двоюродным братом, «милым Джорджи», который недавно стал принцем Йоркским и уже обвенчался с бывшей невестой умершего Эдди.

Молодой государь Российской империи сам тоже верил в предсказания. Пятнадцать лет назад, когда он путешествовал по миру, какой-то японский фанатик чуть не убил цесаревича. А за несколько дней до этого буддистский отшельник нагадал ему насильственную смерть, поражение в войнах, немало прочих неприятностей, детально расписал и предстоящее покушение.

С тех пор Николай годами приучал себя спокойнее относиться к плохим предсказаниям. Хотя сто раз задавал себе

вопрос: «Что делать-то, чтобы не умереть в пятьдесят лет? Как избежать войн?».

Ответ получил от отца.

— Сын мой, ты должен быть сильным, — сказал Александр III перед самой кончиной. — Тебе предстоит взять с плеч моих тяжёлый груз государственной власти. Я передаю тебе царство, вручённое мне Богом. Я избрал свой путь. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внешний и внутренний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, крепнуть, богатеть и благоденствовать. Я завещаю тебе любить всё, что служит ко благу, чести и достоинству России...

Было видно, как тяжело ему говорить.

— В политике внешней держись независимой позиции, — продолжал царь после паузы. — Помни: у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Ни одна пушка в Европе не может выстрелить без нашего позволения. Так и держи. Избегай войн, они — самое большое зло для страны, для народа и для тебя самого...

Это последнее отцовское наставление и определило жизнь российского императора Николая II, особенно в первые десять лет его правления.

Царь-миротворец Александр III незадолго до смерти сделал большое дело: заключил с Францией «оборонительную конвенцию» против Германии. Папаша Николая II уже тогда явственно видел агрессивные поползновения кайзера Вильгельма. Несмотря на кровное родство, они с трудом терпели друг друга. Понятно, что обручению Николая с германской принцессой кайзер очень обрадовался: он надеялся, что со вступлением кузена на престол свободолюбивая Россия вернётся под крыло германского орла. Но всё пошло не так: кузен оказался не очень расположен к танцам под чью-то дудку.

В частности, Вильгельма задело, что Николай II назначил министром иностранных дел графа Михаила Муравьёва — в Германии он был известен как слишком активный

адепт православия и вообще славянофил, утверждающий, что у России собственная гордость и свой путь, в котором нет места «подражательности» Западу.

А государь российский, наоборот, заметил умение графа легко и тактично решать проблемные вопросы, не доводя разногласий до сложной ситуации — то, что нужно настоящему дипломату.

— Михаил Николаевич, я с благодарностью выслушаю ваше мнение по поводу выросших расходов на военные и морские нужды, — попросил император главного дипломата. — Как вы оцениваете позиции казначейства и наших военных ведомств?

— Государь, я не вправе оценивать действия министерства финансов, — с поклоном отвечал граф. — С высочайшего позволения выскажу лишь частное мнение. Считаю, что тратить почти четверть бюджетных расходов на армию и флот — это непозволительная роскошь для Российской империи. Всевозрастающее бремя финансовых тягостей расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народа отвлечены от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Полагаю, что охранение мира и сокращение чрезмерных трат на вооружение являются целью, к которой должны стремиться и мы, и все остальные государства...

Государь молчал поражённый. Вот оно! Как раз те самые слова, которые он не первый год проговаривал про себя, и именно так он обдумывал свою жизнь после тайного визита к лондонскому графу-прорицателю. Молчание затянулось.

— Повелеваю вам, любезный Михаил Николаевич, обратиться к правительствам державных государств, кои при Дворе нашем аккредитованы, с предложением обсудить эту важную тему на общей конференции, — произнёс наконец император. — Полагаю, нас все поддержат. Готовьте такую конференцию.

— Будет исполнено, Ваше Величество! — с какой-то даже радостью снова поклонился Муравьёв.

«Это будет главной целью моей жизни! — удовлетворённо думал государь. — Никаких больше войн, никакой гонки вооружения! Человечество должно спокойно трудиться на благо своих семейств во имя процветания родной земли. Тогда никакие мрачные прогнозы не сбудутся. Все люди, независимо от цвета кожи, станут жить долго и счастливо. Международная конференция — залог такого мира».

Но... не прошло и двух месяцев после разговора с графом Муравьёвым, как все газеты рассказали о взрыве американского броненосца «Мэн» на рейде Гаваны. И хотя почти никто не сомневался в причастности к этому самих американцев, Соединённые Штаты объявили войну Испании. Отдохнувшие от внутренних войн и набравшие силу США чётко следовали доктрине Монро и стали «отжимать» близлежащие чужие земли. Начали с островов в Тихом океане: Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины. Они расправились с владениями некогда сильной Испанской империи за сто дней.

В тот самый день, когда война по ту сторону Атлантики закончилась, Николай Второй поставил свою подпись под циркулярным письмом.

«Гигантские средства расходуются на военное вооружение, которое сегодня представляется последним словом науки, а завтра потеряет всякую ценность из-за новых изобретений. Просвещение народа, его благосостояние пресекаются или направляются на ложные пути... Такое положение может роковым образом привести к бедствию, перед ужасом которого заранее содрогается человеческая мысль. Положить предел вооружениям, изыскать средства и предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков ныне высший долг для всех государств. С Божьей помощью, конференция могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века».

Эти заключительные слова ему понравились. Письмо ушло.

Европа была сильно удивлена предложением русского царя. Далеко не всем оказался по нутру его призыв к миру.



Так, Вильгельм II в узком кругу заявил: «Я согласен с этой идеей, лишь бы царь не выглядел дураком перед Европой. Сам же в будущем буду полагаться только на Бога и на свой острый меч!» А кузену послал в Санкт-Петербург телеграмму: «Ники, вообрази себе монарха, распускающего свои полки, овеванные вековой историей, и предающего свой народ анархии и демократии. Любящий тебя Вилли».

Английский кузен Николая II — Джордж, ещё пока принц Уэльский, но уже женатый на бывшей невесте умершего брата — тоже был не в восторге от конференции. Но он выразился аккуратнее, поинтересовавшись деликатно: «А целесообразно ли сейчас менять международный свод законов и обычаев войны?».

Французы вспомнили подписанную «оборонительную конвенцию» против Германии, поклялись в вечной дружбе, но сворачивать военные расходы не собирались.

Соединённые Штаты Америки согласились участвовать в конференции, назвав эту инициативу «великим почином миролюбивого русского царя».

Конференция состоялась! В Гаагу приехали более ста делегатов из 26 стран. Открытие форума приурочили к 18 мая, ко дню рождения Николая Второго — такой своеобразный подарок сделали инициатору первой международной конференции по разоружению.

Впрочем, многих делегатов, в первую очередь американских, проблемы разоружения интересовали мало. А вот о том, что считать «правом войны» и как решать международные конфликты мирным путём, — дискутировали все с азартом. Договорились, что в Гааге учреждается постоянно действующий международный третейский трибунал. Российская делегация подробным образом расписала, как он будет действовать (он действует и до сих пор, но уже по американским инструкциям).

Также был принят ряд постановлений по проблемам, касающимся «предела непрерывных вооружений». В частности, подписаны декларации о запрещении бомбардировок

населенных пунктов с воздуха, о запрещении применения отравляющих газов и разрывных пуль.

Конференция ещё не закончилась, когда в Доме Романовых появилась на свет очередная великая княжна. Граф Муравьёв засвидетельствовал своё почтение, поздравив императора с третьей дочерью. Зная, как государь ждёт сына-наследника, граф старался больше говорить о Гаагской конференции.

— Дело сделано большое, благодарю вас, Михаил Николаевич, — перебил его Николай. — Но у любой медали две стороны. И меня сегодня беспокоит, что стремление наше к миру может подтолкнуть державы, особенно заокеанские, к мысли о том, что сильная Россия им мешает. А в будущем ещё сильнее станет мешать, если они всё-таки затеют передел мира.

— Да, государь, вы абсолютно правы. Они боятся нашей мощи. Причём не военной даже, а духовной. Одной конференции мало, нужен постоянно действующий орган, куда бы все страны входили и совместно решали, как передела этого не допустить.

Так в Петергофском кабинете государя-императора всея Руси в конце девятнадцатого столетия обдумывались основы Лиги Наций и её преемницы ООН. Календарь показывал лето 1899 года. А осенью началась вторая англо-бурская война: Британии не давали покоя обнаруженные на юге Африки алмазы, и англичане, видимо, рассчитывали тоже за сто дней расправиться с непокорными аборигенами. Но эта война растянулась на два с лишним года.

В середине февраля «нулевого» года граф Муравьёв предложил Германии и Франции поднажать на Британию, чтобы та оставила в покое южноафриканских буров. Германия отказалась, а французы тут же, под шумок, послали дополнительный экспедиционный корпус на север Африки, укрепляя свои позиции в Марокко.

Конечно, немало нового 1900 год принёс. Что-то и унёс. Так, скоропостижно скончался граф Муравьёв. Военные

действия России против китайцев начались без него. Слава Богу, эта война оказалась недолгой. Но и она заставила Николая II вспомнить предсказание о грядущих несчастьях.

А вот и они — тут как тут. Конец октября и почти весь ноябрь государь тяжело болел. Сначала думали, что у него грипп (тогда модно было говорить — инфлюэнца), но через несколько дней доктора решили, что это брюшной тиф. За ним ухаживала лично императрица Александра Фёдоровна, хотя сама, будучи опять беременной, не очень хорошо себя чувствовала. Она подписывала за мужа документы, так как царь отказался обсуждать вопрос о заместителе на время болезни.

При дворе уже шептались: «А если государь нынче умрёт? Кто престол займёт? Понятно, что великий князь Михаил Александрович давно объявлен наследником, но ведь императрица-то в интересном положении, а ну как сыном разрешится от бремени?».

Царица и сама беспрестанно молилась, и Иоанна Кронштадтского, священника синодального, призвала. Тот явился — порывистый, резкий. Посмотрел на больного в упор своим пронизывающим насквозь взглядом, провёл обряд елеосвящения, сказав при этом сурово:

— Не скорби безутешно о злополучии отечества, о войнах и потерях государственных. Скорби о том, что ты пока плохо подвигаешься к отечеству нетленному, вечному, на небесах уготованному. Ибо истинно тебе одному доверено отмолить все грехи земные о всеобщем безверии и развращении. Да воспрянет отныне спящий царь! Даруй ему Господь мужества, спокойствия, мудрости и дальновидности!

Царь воспрял, ожил, и в первый же день, как встал с постели, в столице отслужили грандиозный молебен.

Тут как раз при царском дворе появился некий французский целитель. Мсье Филипп стал лечить царицу от истерик, он также предсказал рождение наследника и поражение России в предстоящей войне на востоке. О второй

части предсказания Николай умолчал, а первой части императрица безмерно обрадовалась. Даже похвасталась мужу:

— Мсье Филипп подарил мне икону с колокольчиком! Она бережёт от злых людей и всяческих несчастий!..

После святок пришло печальное известие — умерла королева Виктория, «европейская бабушка». На похоронах Дом Романовых представлял великий князь Михаил Александрович. Никто не знает достоверно, как скорбели в те дни принявший британский престол Эдуард VII и его племянник германский кайзер Вильгельм II, но, похоже, о российском императоре злоязычники там немало. Время, когда они втроём стреляли рябчиков и оленей в шотландских лесах, то незлобивое время ушло. По-английски, не прощаясь. О новом «Союзе трёх императоров» приходилось только мечтать.

В марте дурные предсказания снова напомнили о себе. История давняя. Павел I оставил секретный ларец с письмом монаха Авеля, запечатанным личной печатью: «Вскрыть потомку моему в 100-летний день моей кончины». Царствующая семья собралась торжественно открыть вековую тайну. К поездке готовились как к веселой прогулке. Возвратились оба задумчивые и опечаленные, и о том, что прочитали в письме, никому ничего не сказали. Только после той поездки государь не раз отрешённо называл 1917 год роковым для себя и семьи.

Прилив оптимизма и сил принесла весть о выдвижении его номинантом на Нобелевскую премию мира. Это было первое вручение престижной награды, и Николай II искренне радовался, что его кандидатуру предложили международные организации и авторитетные персоны. Всё по-честному.

Рано радовался. И зря написал только что вступившему на престол сыну королеве Виктории такое строгое, недипломатичное письмо:

«Дорогой мой дядя Берти, прости меня, пожалуйста, что я пишу тебе о таком деликатном предмете, который я об-

думывал в течение нескольких месяцев, но совесть обязывает меня поговорить, наконец, откровенно. Это касается Южно-Африканской войны, и всё, что я говорю, я говорю как твой любящий племянник. Ты, конечно, помнишь, что, когда вспыхнула война, весь мир сразу же ополчился против Англии. В России народ также негодовал, как и в других странах. Я получил массу писем и телеграмм, где меня просили вмешаться и даже принять решительные меры. Но мой принцип — не вмешиваться в чужие дела, особенно если это не касается моей страны. Тем не менее, всё это морально угнетало меня. Мне часто хотелось написать дорогой бабушке и спросить частным образом, есть ли какая-нибудь возможность остановить войну в Южной Африке. Всё же я не написал ей, боясь огорчить её, а также надеясь, что это вскоре кончится. Когда Миша поехал в Англию [на похороны бабушки — королевы Виктории] этой зимой, я думал дать ему письмо к тебе о том же предмете, но предпочёл подождать и не беспокоить тебя в те дни глубокой печали...»

Дальше пошло ещё строже, словно пишет уже Нобелевский лауреат:

«Через несколько месяцев будет два года, как в Южной Африке продолжают сражаться — и какой результат? Маленький народ отчаянно защищает свою страну, часть их земли опустошена, их семьи теснятся в лагерях, их фермы сожжены. Конечно, такое всегда случается и будет случаться на войне; но в данном случае, прости мне это выражение, всё выглядит скорее как война на уничтожение. Так грустно думать, что это христиане сражаются друг с другом! Сколько тысяч храбрых молодых англичан уже погибли там! Неужели ваше доброе сердце не жаждет положить конец кровопролитию? Этот акт везде приветствовали бы с радостью. Надеюсь, что ты не рассердишься, что я завожу речь о таком деликатном вопросе, дорогой дядя Берти, но, поверь, мной руководит глубокое чувство дружбы и преданности».

Британский король Эдуард VII, дядя российского императора, не ответил на письмо. Точнее, он нашёл способ ответить. С другим племянником, германским кайзером Вильгельмом II, объединился и списался с королем Швеции. Оскар II только что получил чуть ли не решающий голос в Нобелевском комитете и мгновенно понял, чего от него хотят. Вот уже четверть века Швеция (а Оскар II оставался ещё и королём Норвегии) смотрит в рот Германии, так что всё, что делает и просит Вильгельм II, для скандинавов ныне — непреложный закон.

Доказательств сговора, конечно, нет. Но факт остаётся фактом: российский император не стал нобелевским лауреатом. Слишком многим он начинал мешать в предстоящем переделе мира.

**Автор (из-за кулис):** До Первой мировой войны оставалось ровно десять лет. Вторая Гагская конференция по разоружению состоялась лишь в 1907 году. Русско-японская война помешала. На второй конференции присутствовали представители уже 44 государств — большинство из суверенных на то время стран. Делегаты приняли 13 важных документов, касающихся в основном военных действий на море. Третью Гагскую конференцию решили провести в 1914 году. Естественно, она не состоялась.

## КАРТИНА 14-я

### «Славно сегодня поохотился»

*Действующие лица:*

- ✓ **Николай II** (1868—1918) — последний российский император.
- ✓ **Александра Фёдоровна** (1872—1918) — императрица, супруга Николая II.
- ✓ **Алексей Куропаткин** (1848—1925) — генерал-адъютант, русский военный и государственный деятель, военный министр (1898—1904).
- ✓ **Владимир Фредерикс** (1838—1927) — граф, последний в истории министр Императорского Двора, генерал-адъютант.
- ✓ **Сергей Сазонов** (1860—1927) — министр иностранных дел Российской империи в 1910—1916 гг.
- ✓ **Григорий Распутин** (1869—1916) — сибирский крестьянин-целитель, ставший «другом» царской семьи.

*Место действия* — Царское Село, Санкт-Петербург.

*Время действия* — 1904—1914 гг.

**Автор** (*из-за кулис*): Правление российского императора Николая II чётко делится на два периода. Первые десять лет — деятельные старания обмануть предсказанную судьбу, искреннее желание избежать войн и социальных конфликтов. С 1904 года начинается совсем иное десятилетие в его жизни. Поражение в русско-японской войне, растущее недовольство и бунты в стране, неэффективность мирных переговоров с европейскими державами, грустные думы о болезни наследника, вороватые помощники и хитрая оппозиция в органах государственного управления — это делало царя всё более замкнутым, равнодушным, пассивным. А с началом Первой мировой войны Дом Романовых резво покатился к своему концу.

**Г**ОСУДАРЬ Александр III увлекался рыбалкой. «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать», — заявил он однажды. И все послушно ждали.

Сын его, Николай II, больше был склонен к охоте. Неделя пройдёт, и ему снова на охоту охота. Добывал в гон (так говорят настоящие охотники) по несколько сотен рябчиков, вальдшнепов и прочей боровой дичи. Однажды записал в своём дневнике: «Я сегодня недоволен собой, убил одиннадцать зайцев, отвратительно стрелял». Бывало, правда, и хуже: «Убил баклана», «Подстрелил ворону...»

А 8 мая 1905 года, в воскресенье, появилась такая запись: «День простоял холодный и серый. В 11 час. поехали к обеду и завтра[кали] со всеми. Принял морской доклад. Убил кошку».

Явно не заладился тот день, кошка, можно сказать, сама виновата, под горячую руку попала. Настроение у государя неважное, никакой охоты читать новости: война с Японией второй год идёт, а Транссибирская магистраль не закончена.

— Армия и флот готовы начать войну, государь! — докладывал военный министр Алексей Куропаткин.

Но почему-то ему не было особой веры. После чая Николай принял министра путей сообщения князя Хилкова, который только что вернулся с Дальнего Востока. К князю нет претензий: работа железнодорожного ведомства организована блестяще, в отличие от военного — там, похоже, воровство расцвело розовым кустом, и что-то нехорошее зреет.

Назрело — и через неделю лопнуло. В Цусимском сражении Россия потеряла практически весь Тихоокеанский флот. Гигантский ущерб в войне, которую легко можно было избежать, тем более что Япония высказывала готовность мирно решить все территориальные разногласия.

Она-то готова была, да вот британскому монарху Эдуарду VII, дяде российского императора, не по душе были ни миротворческие идеи племянника, ни его программа до-



брососедского развития Азии. Британия поставляла Японии для войны с Россией уголь, боевые корабли, оружие. Микадо с почтением принял от англичан и американцев огромные льготные кредиты. Заокеанские банкиры — Ротшильды, Рокфеллеры и Морганы, прямо либо через подставных лиц — выдвинули жёсткое условие: деньги должны пойти на обновление японского флота, который будет строиться на верфях США и Великобритании.

Русско-японская война стала репетицией спланированного спектакля, цель которого — выбить Россию из этого региона, обескровить её, надолго рассорить с дальневосточным союзником, а заодно и этого союзника сделать своим вечным должником.

— Отмщенья, государь, отмщенья! — кричала толпа у Зимнего дворца.

Её не разгоняли: никто не хотел больше «кровавых воскресений». И царь больше не хотел губить людей.

— Я готов кончить миром не мною начатую войну, если только предложенные условия будут отвечать достоинству России. Я не считаю нас побеждёнными, наши войска целы, и я верю в них...

На все унижительные для России пункты мирного договора, выдвинутые Японией, император заявил:

— Ни пяди нашей территории, ни одного рубля компенсации за военные расходы. Иначе будем продолжать войну до победного конца!

В августе, чтобы успокоить толпу, Николай II издал манифест «Об учреждении Государственной Думы», законодательного органа при монархе. Через несколько дней в Портсмуте (США) был подписан и мирный договор с Японией.

Хотя тяжёлый камень всё равно давит на сердце, можно теперь отправляться на охоту. И в дневнике — радостная запись: «Отличный день с периодическими ливнями. Аликс уехала в Царское [Село]. В 4 ч. началась охота на уток. Всего убито 84 утки; мною 18».

Следующий месяц 1905 года у российского императора выдался поистине напряжённым в этом смысле (цитаты из его дневника даны в сокращении):

*7-го сентября.* После завтрака небо стало заволакивать. Съехали на остров на охоту. Убил удачно черныша [мелкая птица семейства бекасовых].

*10-го сентября.* В 2 часа отправились на охоту. Загоны были в красивых местах. Летало много тетеревей. Убил дятла.

*11-го сентября.* День стоял отличный и тихий. Отправились на остров, похожий на шапку с красивым лесом. Было убито два зайца и чайка.

*12-го сентября.* Стоял великолепный день. Облава была оживлённая, т. к. видели порядочно дичи. Я убил большую лисицу...

*13-го сентября.* Славно сегодня поохотился. Я убил 2-х тетеревей; всего убито: 3 тетерева, лисица и три зайца.

*15-го сентября.* Утро было солнечное, и поэтому тёплое. Ходили много. Всего убито: 2 лисицы, 3 зайца, 4 тетерева, 2 совы и кобчик. Мною тетёрка.

*16-го сентября.* Витте [председатель Совета министров] остался обедать. Вечером читал. Убил зайца.

*23-го сентября.* Облава происходила в полях за церковью. Я убил: 2 фазанов, 21 сер. куропатку, 5 русаков и 5 беяков. Всего убито: 233 штуки.

*30-го сентября.* До 9 час. выехал на охоту. Воздух живой. Всего убито: 421 штука. Мною 43: 5 фазанов, 2 куропатки, сова, 5 русаков и 29 беяков.

Другого такого «убойного» месяца у государя никогда больше не будет.

Глава правительства Сергей Витте вернулся из Соединённых Штатов невесёлый. Доложил государю, что американцы подыгрывали японцам при подписании мирного договора, с трудом удалось отбить их претензии, но половину острова Сахалин всё-таки пришлось уступить. Также плохая новость: президент США Теодор Рузвельт при всех

заявил, что по его инициативе созывается вторая Гаагская конференция по разоружению.

Конечно, это сильно задело государя. Ему о многом пришлось подумать и многое через год переосмыслить, когда американский президент получил за эту инициативу Нобелевскую премию мира.

«Остались ли у нас друзья? Или надеяться можно только на армию и разбитый флот?» — спрашивал себя Николай II. И часто государь вспоминал, как Владимир Фредерикс, бесменный министр Двора, рассказывал о своей давней беседе с германским императором Вильгельмом Вторым:

— Его Величество горячо и долго говорил на тему, что надо устранить все распри между Германией и Россией. Он сказал дословно так: «Пусть я буду лично неприятен вашему государю, но ему надо помнить, что только мы с ним вдвоём имеем большую власть, что только в наших руках участь мира Европы. И ответственны мы будем вдвоём перед историей, если дело дойдёт до войны между нашими народами. Мы можем лично ссориться, но народы наши должны жить между собою в мире». Так он говорил, и дай Бог, чтобы эти высокие слова служили путеводною нитью для всех монархов мира...

Никакой личной неприязни к своему германскому родственнику Николай II не испытывал. Скорее, наоборот. Но он также знал о «плане Шиффера-Мольтке», который после заключения Россией союза с Британией быстро был переориентирован на войну с восточным соседом. С тем самым соседом, про которого бывший канцлер Отто фон Бисмарк сказал: «Напав на Россию, до сих пор являющуюся не только нашим соседом, но и давним другом, мы лишь покажем свой страх и смирение перед западными державами...»

Иногда у царя появлялось ощущение, что всё происходящее подчинено чьей-то злой воле. Никто не хочет ссор и войн, а они происходят, словно это кому-то выгодно. Почему так? Кому выгодно? Кто это делает? Неужели так

и будет, как предсказал английский ясновидящий Луис Хамон?

В беспокойстве и смятении находилась и супруга. Императрица Александра Фёдоровна пишет своей подруге:

«Ты можешь понять, через какой кризис мы сейчас проходим! Моему бедному Ники слишком тяжело нести этот крест, тем более что рядом с ним нет никого, кто мог бы оказать ему реальную поддержку или на кого он мог бы полностью положиться. Я ломаю голову над тем, где найти подходящего человека...»

Такой человек нашёлся. Григорий Распутин из Сибири пешком пришёл в столицу, явился пред светлые царские очи, да и остался при дворе. «Друг» семьи стал яростно убеждать Романовых, что России нужно «не в чужие дела лезть, а в своём доме порядок наводить».

Молнии военной грозы в Европе сверкали всё чаще. Боснийский кризис показал, что костерок, зажжённый на Балканах, запросто может разгореться до мирового пожара. Россия весьма сдержанно отреагировала на аннексию Австро-Венгрией земель Боснии и Герцеговины, не стала лезть в чужое дело. Государь послушался Распутина, хотя либералы из Государственной Думы наперебой кричали о «второй Цусиме».

Накликали депутаты — только вместо второй Цусимы случилась первая Балканская война, а тут же за ней и вторая. Как ни старался российский государь сохранить мир на полуострове, создавая Балканский союз, как ни помогал только что получившей независимость Болгарии, она всё равно чувствовала себя обделённой и попыталась силой отхватить восточные земли у Османской империи.

К конфликту мигом присоединилась Австро-Венгрия, другие страны, костерок начал разгораться жарким огнём. И опять Россия не ввязалась в эту кашу благодаря Распутину, который уже стал «законодателем моды».

— Эти братушки — просто свиньи, из-за них не стоит терять ни одного русского человека, — заявил он.

Грубо, конечно, но что с него взять — безграмотный человек, до ста считать не умел! Однако он и в этот раз сумел убедить императора не воевать.

А война всё равно приближалась. Ещё не кончилась вторая Балканская, а министр иностранных дел Сергей Сазонов уже докладывает государю:

— Германский император Вильгельм Второй провёл совещание военного руководства. Обсуждались время и методы будущей войны. Кайзер считает, что начинать надо немедленно. Начальник генерального штаба Гельмут Мольтке подчеркнул: «Большая война неизбежна, и чем раньше она начнется, тем лучше. Всякое промедление ослабляет наши шансы на успех. Но нужна пропагандистская подготовка. Важно обеспечить народный характер войны против России». А гросс-адмирал Альфред Тирпиц заявил: «Имперский германский флот заинтересован в том, чтобы отодвинуть начало военных действий на год-полтора». Участники совещания согласились с ним...

Государь отпустил министра, не сказав ни слова. В тот день он никого больше не принял. Только грозное предупреждение английского ясновидящего Луиса Хамона крутилось в его голове: «Судьба этого человека и его имя скреплены с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны. А в конце второй войны он потеряет то, что любил больше всего...»

Он плохо спал. И на завтра с утра — на охоту. Успокоиться, расслабиться. «Прямо из собора отправился на станцию и со всеми охотниками в Петергоф. Погода была серая, не холодная с сильным ветром. Всего убито 1192. Мною: фазанов 183 и куропаток 7 — итого 190. Вернулся в Царское Село вдвоём с Воейковым к 7 час. Читал. После обеда наклеивал [в альбом] фотографии».

Так записал в дневнике. Он славно поохотился сегодня. Удачная охота, но последняя. Отныне нет отчаяния в душе государевой, нет тревоги и страха от слов провидца. Есть смирение и спокойствие: чему быть, того не миновать. Всё

понимающая супруга напишет ему: «Будь дружественным, но строгим, чтобы он [император Вильгельм II] понял, что он не смеет шутить с тобой, и чтобы он научился уважать и бояться тебя».

«Дружественным» — это хорошо, это правильно. Ссориться с кузеном Николай не собирается. Пусть тот в своей Германии увеличивает налоги и расходы на армию, пусть руками Австро-Венгрии разжигает новый костёр. Разумеется, опять на Балканах. Кайзер пишет своим военным стратегам: «Нужна хорошая провокация, чтобы иметь повод нанести удар. При нашей ловкой дипломатии и управляемой прессе такую провокацию можно организовать и потом всегда иметь её в запасе».

Ничего и организовывать не пришлось. Сербские заговорщики — члены террористической организации 28 июня 1914-го убили в боснийском городе Сараево австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену Софию. Чем не повод?

А сколько раз Россия предупреждала Сербию: уймите свои притязания на чужие земли, не надо костёр разжигать и под шумок каштаны из огня таскать! Министр Сазонов ноту посылал им в начале Балканской войны: «Категорически предупреждаем Сербию, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой». Теперь братья-славяне опять рассчитывают на помощь?

Да, Россия будет их защищать. На Сербию у неё далеко идущие планы: через эту балканскую страну лежит путь на Босфор. Так что пусть Германия науськивает Австро-Венгрии, пусть поднимает армию в ружьё, отдавая строгий приказ: «Теперь или никогда!». Россия призывает решить все разногласия в Гаагском международном суде — иначе зачем он создавался? Но ответа не будет. Война запланирована. Это величайшая глупость, но именно поэтому она должна случиться.

Министр Сазонов ещё успеет сказать германскому послу:

— Ключи от мирного положения в Европе находятся в Берлине, и вы можете отворить или затворить двери войны. Если ваша союзница Вена желает возмутить мир, ей предстоит считаться со всей Европой, а мы не будем спокойно взирать на унижение сербского народа. Ещё раз подтверждаю, что Россия за мир, но мирная политика её не всегда пассивна! Не трогайте только Сербию! Просить у России, чтобы она допустила уничтожение Сербии, — это значит просить невозможного!

Раненный при покушении Распутин шлёт из Сибири телеграммы, умоляя государя отменить частичную мобилизацию и не вступать в войну.

— Война — дело лютое. Нет в ней ни правды, ни красы. Это ведь генералам да попам надо, чтобы им поболее крестов и жалованья, а тебе земли не прибавят, хату не построят, — заявит царский «друг» позже, когда пожар запылывает неостановимо. — Немец умнее нас. И он-то понимает, што дома воевать никак не можно. А посему самое простое дело — надо нам войну кончать. А то её народ сам прикончит: солдаты — на фронте, а бабы — тут...

Всё, мир сошёл с ума. Никто уже не в силах остановить задуманное в совсем других кабинетах и дворцах. Первого августа 1914 года Первая мировая война началась. В России объявлен указ о всеобщей мобилизации. Молодые князья Романовы уходят на фронт. Один из них, 22-летний Олег Константинович, оставит потомкам запись в дневнике: «Мы, пять братьев, идём на войну со своими полками. В трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения». Он будет смертельно ранен в бою.

«Ах, эта проклятая война! Я хочу, чтобы впоследствии в других странах вспоминали о русских войсках с благоговением, уважением и восхищением!». Так напишет мужу императрица Александра Фёдоровна. Это письмо, начатое ею во время дежурства в госпитале, государь получит уже в Ставке, где узнает о жестоком поражении нашей 2-й армии в Восточно-Прусской операции.

**Автор** (*из-за кулис*): Потери 2-й армии в сентябре 1914 года были огромны: 6 тысяч убитых, пленных вместе с попавшими в плен ранеными — 50 тысяч человек. Германцами захвачено 230 орудий. Убиты 10 генералов, 13 взяты в плен. Командующий армией генерал от кавалерии Александр Самсонов застрелился. Немецкие потери убитыми и ранеными составили 30 тысяч человек.



## КАРТИНА 15-я

### Аликс в стране чудес, или Икона с колокольчиком

*Действующие лица:*

✓ **Николай II** (1868—1918) — последний российский император.

✓ **Александра Фёдоровна** (1872—1918) — урождённая принцесса Гессен-Дармштадская, внучка британской королевы Виктории, супруга Николая II (по-домашнему — Аликс).

✓ **Мария Фёдоровна** (1847—1928) — урождённая датская принцесса Дагмар, супруга российского императора Александра III, мать Николая II, родная тётя английского короля Георга V.

✓ **Николай Николаевич-младший** (1856—1929) — великий князь, внук Николая I, Верховный главнокомандующий армией и флотом Российской империи в начале Первой мировой войны.

✓ **Великая княжна Ольга** (1895—1918) — старшая дочь последнего российского императора.

✓ **Великий князь Дмитрий Павлович** (1891—1942) — внук Александра II, несостоявшийся жених Ольги, старшей дочери Николая II.

✓ **Григорий Распутин** (1869—1916) — сибирский крестьянин-целитель, неоднозначная личность, оказавшая весьма серьёзное влияние на судьбу Российской империи.

*Место действия* — Санкт-Петербург, Царское Село, позже Ставка Верховного главнокомандования.

*Время действия* — конец 1890-х — 1915 год.

**Автор (из-за кулис):** Роль личности в истории — эта тема для России важнее, наверное, чем для других стран.

Территория большая, населяющих её народов не сосчитать — слишком много факторов, которые влияют на жизнь людей и их судьбы. Десятилетиями здесь учили, что отдельно взятый человек — всего лишь винтик, что общество развивается по объективным законам, что впереди светлое будущее. Но времена менялись, и каждый раз личность, пришедшая к власти, начинала с того, что переписывала прошлое под себя, и дальше творила историю, исходя из собственных желаний, особенностей характера и разных случайностей. Безусловно, сослагательного наклонения история не имеет. Но очень многое сегодня было бы в России по-другому, если бы не...

**Н** ИКОГДА и ни к кому Николай II не ревновал свою жену. Совсем не потому, что она не давала для этого поводов — о них он вообще запрещал себе думать. Не ревновал потому, что знал её ещё маленькой нескладной девочкой с тонкими ногами, порой мелькавшими под белым воздушным платьем. Алисе, принцессе Гессенской, этому солнечному ангелу, было всего двенадцать лет, когда она впервые приехала в Россию. Пригласила её погостить старшая сестра Елизавета, жена великого князя Сергея Александровича, дяди Николая.

Потом все будут писать, что приглянулась ему принцесса Алиса спустя четыре года, когда уже рассматривалась в Европе как выгодная невеста. Нет, на самом деле ей только-только исполнилось двенадцать, и этого херувимчика в муслиновом платье углядел из-за кулис будущий царь всея Руси Николай Второй. В московском доме родного дяди этот ангел с розами в светлых волосах ему и явился. Самому-то было в ту пору шестнадцать — возраст Ромео.

Лик маленькая принцесса имела необычный. Угловатая, худа и бледна — это понятно. Но она ни разу не улыбнулась — вот что удивляло и отталкивало. Вообще рта не

раскрывала. Отрешённо стояла молча, не глядя по сторонам.

Алиса не подходила под тип русской красавицы ни в настоящем, ни, похоже, в будущем. Дяде было всё равно, он не спец в женских эталонах, а вот мать заметила любопытство сыновье.

— Ники, остынь, дружок! — Мария Фёдоровна никогда так не говорила с сыном, и это тоже удивляло и пугало.

— Это лишь плод твоего воображения! — добавила она по-французски.

Зря матушка так сказала. Запретный плод через четыре года показался ещё слаще.

Во второй раз Алиса приехала в Россию зимой. Заалевшие с мороза щеки её светились теплотой и нежностью, губы должным образом краснели, озёра голубых глаз сияли так радостно, что никто и не вспомнил о прежней холодности и молчаливом безразличии немецкой принцессы. По парадной лестнице Сергиевского дворца, словно на Олимп, поднималась золотоволосая богиня.

Российский император Александр III в парадной форме монументом возвышался на верхней площадке. Стоящая рядом супруга его Мария Фёдоровна ласково приветствовала дальнюю гостью.

— Ещё раз благодарю Ваше Величество за приглашение, — отвечала любимая внучка английской королевы. — Я очень рада снова побывать в стране чудес!

Алиса склонилась в полупоклоне, став на мгновение вдвое ниже будущего свёкра.

Но государь Александр III категорически не хотел с ней родниться. Да и Мария Фёдоровна не могла себе представить эту девушку принимающей православное крещение под Феодоровской иконой Божьей матери, как поступали все невесты чужой веры. В Царском Селе никогда не рассматривали возможную в будущем свадьбу цесаревича с этой иноземной принцессой хотя бы потому, что царь с царицей являлись крёстными родителями Алисы. Они были

слишком хорошо осведомлены о здоровье и характере приехавшей красавицы, чтобы желать своему старшему сыну вечных забот и короткой судьбы.

Знали в царской семье: если гессенская принцесса всё-таки станет невесткой и родит для России наследника, того ждёт неизлечимая болезнь. А её спокойная холодность пусть тоже никого не вводит в заблуждение — это только до первого приступа. Чуть что не по ней будет — жди истерики. Так было не раз при дворе британской королевы Виктории, которая немецкую внучку просто обожала и каждый раз осыпала её подарками в своей летней резиденции, куда «бабушка всей Европы» собирала на каникулы молодую поросль голубых кровей.

На пятилетие Алиса получила от бабушки куклу работы Кестнера. Знаменитому мастеру был уникальный заказ — сделать копию маленькой принцессы. И когда из Тюрингии пришла посылка, все ахнули: это просто чудо небесное! Порцелановые ручки и ножки у куклы сгибались на шарнирах, личико без румян прозрачно белело, бездонные тёмно-голубые глаза смотрели задумчиво, золотые локоны вились под огромным шёлковым бантом, гордый профиль говорил о твёрдом характере и будущих победах — всё как у именинницы.

Кукла стала не подругой, а сестрой-двойняшкой, «вторым я» Алисы.

Беда пришла через год. Случилась в Европе эпидемия, которая коснулась всех в великом герцогстве Гессенском. Мать Алисы умерла. А придворные эскулапы, опасаясь инфекции, решили сжечь одежду, книги и все личные вещи тех, кто переболел и пошёл на поправку. Ночью девочка подошла к окну и увидела, как бросают в огонь её игрушки. Сначала вспыхнуло кружевное платье и шёлковый бант, потом фарфоровые ручки любимой куклы умоляюще поднялись вверх, потянулись к её окну — и Алиса упала, забилась в истерике.

Лечили её долго. Целебные воды не помогали, врачи разводили руками. Девочка стала другой — замкнутой, равно-

душной ко всему. И отец не стал сильно возражать, когда бабушка пригласила малышку жить и учиться при английском дворе...

Прошло десять лет. Ей шестнадцать, и зимний Санкт-Петербург Алисе кажется страной чудес. Она в восторге от русской столицы. А от тёплых взглядов цесаревича, от его неторопливых и мягких манер она просто тает, как свечечка. Они сидят, почти касаясь друг друга, и потому говорят тихо, глядя глаза в глаза.

Он сам предложил ей общаться по-немецки, и это ей очень понравилось. И как попросил себя называть — «Ники» — тоже. Да вообще всё в нём располагало. И сейчас парочка сидела на атласном диване в дворцовой библиотеке и видела себя в огромном зеркале напротив — счастливая, словно на семейной фотографии. Резные деревянные панели затянуты шёлком, персидские ковры под ногами — любые звуки гасли в этом зале, всё сказанное оставалось важным и нужным лишь для двоих, оставаясь тайной для других.

— Бабушка наша большая любительница устраивать личную жизнь своих внуков, — доверительно шепчет Алиса. — Меня она тоже постоянно сватает.

Заметив, как напрягся Николай, она взяла его руку, и лишь когда почувствовала ответное пожатие, продолжила:

— Сначала она хотела выдать меня за Эдди, у него как у старшего внука были самые реальные шансы на британский престол. Но, Ники, он же глупый, — да простит меня Бог! А когда Эдди заболел и умер, бабушка решила, что я должна стать женой Георга, его младшего брата...

Своих двоюродных братьев Эдди и Георга цесаревич с детства знал и любил. С Георгом, будущим королём Великобритании, они были похожи, как близнецы. В молодости их даже близкие путали, особенно если братья менялись одежками. И когда Ники приехал на свадьбу к Георгу, они снова решили всех разыграть. Получилось! Российского цесаревича наперебой поздравляли, а у будущего британского

монарха участливо спрашивали: «Как вам понравился наш Лондон?»

Да и с Вилли, ещё одним внуком «европейской бабушки», они оба дружили. Жаль, на свадьбе его не было — третий брат к тому времени стал германским императором Вильгельмом II, ему уже не до розыгрышей...

Целых полтора месяца гостила Алиса в Санкт-Петербурге — обычно никто так долго не задерживался, если не имелось серьёзных причин и целей. Цесаревич приходил к Алисе после обеда, и они катались на коньках по замерзшему пруду или на санках с ледяных гор. А иногда разъезжали окрест в закрытой карете, где можно тихо и доверительно разговаривать.

Гостье нравилось всё. В последнее утро перед отъездом она подумала: «Если сегодня Ники меня поцелует, всё у нас будет хорошо!».

Так и случилось. Едва выдержав следующие полгода, 25-летний наследник российского престола помчался в Германию делать предложение гессенской принцессе. Для приличия она, конечно, вечером поплакала, но на завтра согласилась.

«Боже, какая гора свалилась с плеч! — записал в дневнике счастливый жених. — Я целый день ходил, как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мной произошло! Вильгельм [император] сидел в соседней комнате и ожидал окончания нашего разговора. Потом все семейство долго на радостях лизалось... Даже не верится, что у меня есть невеста».

Специальными манифестами обе империи оповестили мир о помолвке. Телеграмм было море. Особенно порадовали Николая поздравления от отца с матерью. Впрочем, императрица Мария Фёдоровна чуть позже скажет:

— Это самая идиотская история, какую только можно себе вообразить!

И уж тем более никто не мог вообразить, что Александр III, этот большой и здоровый мужчина, вдруг занемо-

жет и быстро угаснет в своём крымском дворце. Но он ещё успеет призвать к себе сына и благословить того на долгое царствование. Всего полтора часа спустя после его кончины в Ливадийской церкви присягнул на верность российскому престолу новый император — Николай II.

Примчавшаяся в Крым гессенская невеста твёрдо заявила с порога:

— Нам нужно срочно обвенчаться!

— Дорогая, мы не можем так поступить, — попробовал вразумить её Николай. — Мы должны год носить траур!

Поначалу она просто твердила, что этого не стали придерживаться ни её мать, ни мать его. Всё сильнее краснела лицом и уже кричала, что готова немедленно принять православие. А когда окружающие стали её убеждать, что нельзя жениться, когда рядом гроб стоит, — с ней случилась истерика.

— Вон! — сказала спокойно императрица-мать Мария Фёдоровна. — Все вон отсюда! Лейб-медика — живо!

Она догадалась, что сейчас будет.

Алиса, закатив глаза, сползла на пол и забилась в конвульсиях.

На следующий день в той же церкви сразу состоялись и панихида по покойному императору, и православное крещение лютеранки Алисы, принцессы Гессен-Дармштадской. Она стала Александрой Фёдоровной. Она больше не Алиса, для мужа она теперь — Аликс. А свадьба? Свадьбу перенесли на три недели.

Дальше было всё, как у всех молодых семей: муж осыпал ненаглядную супругу бриллиантами, она мечтала родить богатыря для батюшки-царя. Через год родилась дочь Ольга, через два — Татьяна, ещё через два — Мария...

Чуть ли не единственной своей подруге Анне Вырубовой молодая императрица скажет:

— Ты знаешь, как мы оба любим детей. Я должна признаться, что рождение первой девочки нас разочаровало, рождение второй — огорчило, а следующих наших

девочек мы встречали с раздражением — бедные мои малютки!

Тут уместно заметить, что сам Николай II оценивал ситуацию несколько иначе: «Я рад, что у нас родилась девочка, — записал он в дневнике после рождения Ольги. — Если бы это был мальчик, он бы принадлежал народу, а девочка принадлежит только нам». А спустя четыре года он с радостью сообщал: «Счастливым день: Господь даровал нам третью дочь — Марию, кот. родилась в 12.10 час. Благополучно! Слава Богу, что всё окончилось довольно скоро! Весь день моя душка [Аликс] чувствовала себя хорошо и сама кормила детку».

...Истерики у императрицы случались всё чаще. Иногда даже ноги отнимались, и Николай возил её по дворцовым залам и парку на коляске. Обвиняла во всех грехах, конечно, не мужа, а мать, мать его. Порой не разговаривала ни с кем неделями.

Николай II всё чаще «делал прогулку» один. Надолго уходил из дворца. А жена его всё глубже уходила в веру. Во время церковных служб и православных праздников, держа горящую свечу, она немела, невидящим взглядом озирая исполненных благоговения и сосредоточенных людей вокруг.

— В такие моменты я чувствую себя единым целым со всем русским народом в его простой и истовой вере, — как-то сказала она по-немецки за пасхальным столом.

По ночам императорская чета по-прежнему усердно молилась о божьем ниспослании наследника. Это помогло или что другое, но ровно через два года у них родился четвёртый ребёнок — опять девочка. И опять Аликс путалась в слезах и упрёках. Опять император ушёл бродить по окрестностям в полном одиночестве, и его не было долго-долго. Вернулся таким же спокойным и невозмутимым, как всегда. Тут как раз ему доложили, что в Лионе живёт некий маг-целитель по имени Филипп. Государь пригласил врача-лечащего пожить в Петербурге.



Несколько недель «первый Друг», как потом царица станет называть француза, лечил её психику магическими пассами, успокаивал нервы. Когда больной стало легче, сказал:

— Скоро в вашей семье появится наследник!

И оставил в подарок старинную икону с маленьким серебряным колокольчиком:

— Николай-чудотворец подаст сигнал, если рядом окажутся дурные люди. Эта икона из того самого Мирского монастыря, где святитель служил епископом. Она болезни исцеляет, но помогает только тем, кто истово верит!

Это ли не чудо, а? Колокольчик ни разу не зазвонил, а Аликс вскоре явственно почувствовала все признаки беременности. Так продолжалось несколько месяцев — и окружающие терпеливо ждали, когда тридцатилетняя императрица согласится на врачебное освидетельствование. Оно не подтвердило будущее материнство. А потом ещё несколько месяцев её глубокой и мрачной депрессии, пока всё тот же мсье Филипп ни посоветовал «просить помощи у русского святого, который проповедует культ Богородицы». И тогда царская чета едет в Дивеевский монастырь поклониться мощам Серафима Саровского. А ровно через год родился наследник Алексей. Как тут не поверить в чудеса?

С первых дней к цесаревичу допускались только те, кто прошёл проверку иконой с колокольчиком. Однако мальчику становилось всё хуже. Родители очень не хотели, чтобы стало известно, каким именно недугом страдает наследник. В их глазах эта тяжёлая наследственная болезнь равнялась государственной тайне.

Его годами носили на руках: трудно ведь мальчишку уберечь от царапин и ссадин, каждая из которых для Алексея могла оказаться смертельной. Так однажды и случилось: он упал в саду и сильно ударился. Началось внутреннее кровотечение, к полуночи врачи не оставили безутешным родителям никакой надежды. Быть беде, если бы не...

Появился при дворе сибирский крестьянин Григорий Распутин, о котором уже ходила молва как о божьем посланнике и целителе. Люди, особенно суеверные, поклонялись ему и верили каждому слову. Спросили дамы у него, можно ли излечить гемофилию. И ответ поразил: болезнь эта ему хорошо известна, симптомы её описал с врачебной точностью, травами своими он вылечил уже несколько человек. Это было как раз то, что срочно требовалось царице, пока она не укрылась с головой психопатическим покрывалом.

Первым делом «новый Друг» подошёл к постели цесаревича. Посмотрел на него, начал молиться, и — о, чудо! — кровотечение остановилось, температура стала нормальной, мальчик спокойно заснул. Утром у него был здоровый вид, улыбался, на ноге — ни следа от опухоли.

Колокольчик на иконе Святого Николая при этом молчал. Царица чуть не пала на колени...

Через пять лет, когда вся семья отдыхала в Польше, цесаревич ударился о борт лодки. Пришлось срочно выписывать профессоров из Петербурга. Состояние мальчика настолько быстро ухудшалось, что царь разрешил публиковать манифесты о болезни сына. Приехать Распутин не смог, но прислал телеграмму на имя императрицы: «Господь услышал твои молитвы и видел твои слезы. Не печалься, не умрет дитя». Через месяц ребёнок поправился, семья вернулась в столицу.

О Григории Распутине написано много — и правды, и неправды. Но истинно, что он стал чуть ли не членом царской семьи. Государя называл «папой», государыню «мамой», они его просто Григорий. При встречах целовались (потом Распутин напишет, что его «охватывал ужас, когда обнимал царя, его жену и детей, как будто обнимал живых мертвецов»).

Слава Богу, нервических припадков у императрицы Александры Фёдоровны стало меньше. Они случались теперь, лишь когда муж делал что-то такое, что не нравилось божьему человеку из Тобольской губернии. Государю при-

ходилось уступать, порой он не знал, что делать, получая от Распутина неграмотные краткие записки: «Папа, пошли человека в Лондон, англичанка гадит... Пусть брат долг отдаст, предать тебя может... Лодка потонет, мы все в одной лодке... Маму и детей не пугай!»

Кто кого пугает, судить можно по поступкам.

...Старшей дочери Ольге было шестнадцать, когда однажды ей приснился страшный сон. Будто бы что-то мохнатое и костистое трогает её за руку и что-то гнусное шепчет при этом. Ольга дёрнулась и открыла глаза. В спальне, у её девичьей постели стоял бородатый старец. Длинные волосы на пробор, всё лицо его, особенно глаза, блестели в свете ночной лампы.

Жёсткая, горячая рука мяла её плечо. От старика пахло конём — конским потом, дёгтем и почему-то ладаном.

— Что?! Что, Григорий Ефимович? Что вам здесь нужно? — вскинулась она на подушках.

— Спишь, дитятко? — старец поднял руку, словно собирался перекрестить девушку.

— Немедленно уходите, иначе я закричу!

— Ну, спи, спи спокойно! — Распутин молча растворился в темноте, как и не было.

Наутро она всё рассказала няне. Та ахнула и побежала докладывать государыне.

Императрица слушала молча, словно речь шла не о её дочери, не о великой княжне, а о племяннице какого-нибудь офицера охраны.

— Я могу идти, государыня? — спросила наконец няня, склонившись в поклоне.

— Я вас больше не задерживаю, — сквозь зубы выдавила госпожа.

Что любимая няня ни с того ни с сего уволена, Ольга узнала чуть ли не последней. Родители на эту тему отказались говорить. Папенька был озабочен массовым расстрелом каких-то рабочих на сибирской реке Лене. Фрейлины маменьки шептались о скандале в Госдуме, где депутаты,

догадываясь о предстоящем своём роспуске, с трибуны обсуждали святого старца. Единственным человеком, кому Ольга могла довериться, был Дмитрий. С троюродным братом её с детства связывала душевная близость. На лето уже назначено их обручение. Так что она всё рассказала жениху как есть.

— Это ужас! — Дмитрий был взбешён, узкое лицо его перекосилось. — Дикость какая-то! Грязное животное, оно у меня получит!

Он уезжал в Швецию на Олимпийские игры, но по приезде обещал разобраться.

По приезде не получилось. Ещё в Стокгольме великий князь Дмитрий Павлович был официально уведомлён, что намеченное обручение отменяется без объяснения причин. Да, через четыре года он сумеет всё-таки отомстить Распутину. За участие в убийстве святого старца Николай II сошлёт его, своего любимого племянника, в действующую армию в Персию, что, собственно, поможет несостоявшемуся зятю сохранить свою жизнь.

А ведь было время, когда государь всерьёз подумывал о передаче престола Ольге. Всё в России могло пойти по-другому. Если бы да кабы...

Начинался июль 1914-го. В воздухе явственно пахло всемирной грозой. Уже кайзер признался: «Я ненавижу славян. Знаю, это грешно. Не следует никого ненавидеть, но я ничего не могу поделать. Я ненавижу их».

«Новый Друг» трижды пытался предостеречь императора от участия в войне. Два раза — получалось. Последний выпал на 17 июля 1914 года, когда генералы полдня уговаривали Николая II подписать указ о всеобщей мобилизации. Распутин тогда оказался за три тыщи вёрст от столицы и слал телеграмму за телеграммой с просьбой — а потом и с требованием — не вступать в войну. Всё напрасно, не успел. У царицы опять случилась истерика, а государь молча собирался на фронт...

С начала войны прошёл год.

...Тот день выдался чудный, тёплый. Так он и запишет позже в своём дневнике. И добавит: «Читал много, укладывался, принял Самарина и погулял. От 11 часов до половины первого у меня состоялось заседание Совета министров. Затем принял Сухомлинова. Поехал к молебну с детьми и вернулся домой на пять минут».

Пять минут прощания Николая II с женой затянулись на полчаса. Потом императрица, набросив на плечи кружевную накидку, вышла за мужем на парадное крыльцо Александровского дворца. Синий «роллс-ройс» без верха стоял внизу с заведённым двигателем.

— Ники, — сказала Александра Фёдоровна, в который раз обнимая мужа. — Обещай мне, что и в этот раз вернёшься поскорее. Меня сегодня почему-то мучают предчувствия. За год войны такого никогда не было. Я плачу, как большой ребёнок...

Она протянула ему что-то плоское в небольшом кожаном чехле, застёгнутом на кнопку. Безотрывно глядела на мужа своими синими бездонными глазами.

— Там икона. Ты её знаешь. Когда тебя долго нет, я разговариваю с ней, и колокольчик тихо звенит — значит, всё у тебя в порядке. А нынче ты смотри на неё каждый вечер, и звон будет благословлять тебя и говорить, как сильно все мы ждём тебя, Ники!

Николай уже вошёл в свой вагон, когда начал накрапывать дождь. Поезд набирал скорость, а эта ленивая летняя капель вдруг превратилась в ливень. Государь молча смотрел на мелькающие деревья за окном, по которому метались бешеные струи. Достал дневник, записал: «Пошёл дождь, что приятно в жел. дороге». Особых мыслей не было, на душе спокойно, тихо, благоговейно. Он обожал такое состояние.

Из внутреннего кармана вынул фляжку с коньяком, позвонил чаю. Адьютанты давно знали, что на подносе обязательно должно стоять блюдо с лимонными дольками, посыпанными сахарной пудрой и молотым кофе. Аликс не знала про коньяк, запрещала мужу пить, но придумала

такой рецепт и была очень рада, что угодила — если Ники работал в кабинете, блюдо с лимонными дольками всегда возвращалось пустым.

Когда стемнело, государь поиграл в домино с дежурными офицерами. Потом, уже переодетый ко сну, прошёл в дорожную церковь, долго молился на икону, что дала Аликс. Колокольчик едва слышно позвякивал на стыках, отвечая ему и поддакивая.

Следующим днём на некоторых станциях Николай гулял. За Двинском снова попали в дождь, записал его как «освежающий». К половине шестого поезд добрался до Ставки. А часом раньше, в Барановичах, «в вагон подсел Николаша». Так государь именовал в своём дневнике великого князя Николая Николаевича, по родству — двоюродного дядю, по должности — Верховного главнокомандующего.

А ведь совсем недавно всё было иначе. В тот день Николаша не «подсел в вагон», в ворвался прямо во время завтрака — высоченный, счастливый.

— Перемышль капитулировал!

Троекратно облобызал государь двоюродного дядю. Ещё бы — крепость считалась неприступной. «Дал Николаше орден Георгия 2-й степени, — запишет государь в дневнике. — Назавтра перед строем наградил его бриллиантовой шпагой с надписью «За завоевание Червонной Руси».

Прошло совсем немного времени, и ситуация на фронте резко изменилась. Уже в следующей поездке в Ставку государь имел тяжёлый разговор с главкомом великим князем Николаем Николаевичем. «Николаша плакал в моём кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком... Мог ли я уехать отсюда при таких тяжёлых обстоятельствах?».

Неудачи на фронте продолжались: немцы легко отбили Перемышль, заняли Варшаву, затем Ковно, началась эвакуация Риги.

Императрица пишет мужу в Могилёв: «Наш Друг во время разглядел карты и пришел, чтобы спасти тебя, он

умоляет выгнать Николашу. Бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей. Наш Друг всегда это говорит. Господь послал его нам, и мы должны обращать больше внимания на то, что он говорит. И я могла бы тебя вовремя предупредить, если бы была в курсе дела...»

А сам «богоявленный» целитель шлёт советы короткие и наглые: «Сдали немцам Перемысли, стань главковерхом, вот те мои мысли».

И в августе Николай II отстраняет своего двоюродного дядю от командования, сам становится Верховным главнокомандующим и отдаёт распоряжение: в его отсутствие снабжать императрицу всеми бумагами по театру военных действий. Целый месяц он противился этому своему решению, но письма из столицы становились всё настойчивее. «У меня нет секретов от нашего Друга. Он рад твоим решениям. Я специально говорю с ним о твоих планах, чтобы он тебя охранял», — пишет Аликс мужу.

И он всё чаще повторяет: «Я посоветуюсь с женой».

А начальник Генерального штаба Михаил Алексеев потом жалуется военному протопресвитеру:

— Не знаю, что предпринять: сегодня мы наедине говорим с государем, а завтра это становится известным не только в Петрограде, но и немцам...

Колокольчик на иконе Николая-чудотворца в штабном вагоне государя позвякивает, хотя поезд стоит на месте. Сообщения с фронтов — хуже некуда. Генералы за спиной шепчутся: «Сидеть на престоле может, а стоять во главе армии неспособен».

Через четыре дня после вступления Николая в должность Верховного главнокомандующего противник начал наступление по всем фронтам. Ещё через день, 28 августа 1915 года, русская оборона лопнула. Армия бежала без оглядки, оставляя города и раненых. А за кого воевать? За веру? Веры нет в царя у отечества.

«В терновом венке революции грядёт шестнадцатый год», — вещал поэт.

Однажды вечером, молясь в походной церкви, государь вспомнил добрым словом покойного уже Столыпина. Пётр Аркадьевич, тогдашний глава правительства, советовал удалить Распутина как можно дальше. И это при том, что сам просил старца помолиться у постели дочери, когда та была на грани жизни и смерти. Умный человек был этот Столыпин, и совет давал честный. Честно государь и ответил ему:

— Лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы...

Колокольчик на иконе несколько раз звякнул, как бы повторяя слова императрицы: «Разве вы не знаете, что Ники родился в день святого праведника Иовы Многострадального?».

Весь следующий год, до весны семнадцатого, стал закатом Российской империи. Второго марта 1917-го в дневнике государя появится такая фраза: «Кругом измена, трусость и обман». В тот день в том же штабном вагоне Николай II подпишет манифест об отречении. Кто ему подsunул текст, сам он поставил свою подпись или её скопировали, — никто сейчас точно не скажет.

Императора повезли в Царское Село, объявив, что он посажен под домашний арест. Приказ об аресте царицы во дворец привез небезызвестный генерал Лавр Корнилов. Не дослушав его, Александра Фёдоровна зарыдала и забилась в истерике...

А икона с колокольчиком так и осталась в царском вагоне. После Гражданской войны она куда-то пропала.

**Автор (из-за кулис):** В военной истории России 1915 год навсегда останется позорным пятном, которое будет хрестоматийно именоваться «Великим отступлением». Армия оставила неприятелю Галицию, Литву, Польшу. Около миллиона русских солдат попали тогда в плен. Под непрерывным огнём, при почти полном отсутствии боеприпасов и медикаментов, по колено в грязи фронт отползал вглубь Российской империи. Беспросветный закат, жуть сплошная, предстояние всех святых скорбящих. Но до конца войны оставалось ещё больше двух лет.



## КАРТИНА 16-я

### Крёстная дочь генерала Брусилова

*Действующие лица:*

✓ **Антонина Пальшина** (1897—1992) — участница Первой мировой войны, кавалер двух Георгиевских крестов и двух Георгиевских медалей «За храбрость».

✓ **Алексей Брусилов** (1853—1926) — генерал от кавалерии, русский и советский военачальник.

*Место действия* — Восточный фронт (Русская армия).

*Время действия* — 1914—1916 гг.

**Автор (из-за кулис):** Война коснулась всех. Даже женщины пошли на фронт. Они воевали наравне с мужчинами, совершали подвиги, получали награды и ранения — и часто погибали, хотя их старались беречь в бою. В русской армии добровольно записавшихся женщин оказалось намного больше, чем у союзников или неприятелей. Великие княгини Дома Романовых поступили на курсы медицинских сестёр. Уходили добром или убегали тайком на фронт вчерашние гимназистки и девушки самых разных сословий. Подражание «кавалерист-девице» Надежде Дуровой оказалось в России массовым, хотя царь Николай II не поощрял участие женщин в войне.

**Д**ЯДЕНЬКА смотрел на неё сурово, как строгий папаша на непутёвую дочь. Здесь, в Баку, до начала войны чужих не особо жаловали. Южный город, похожий на большой громкоговоритель, жил по своим законам, размеренно и неторопливо. С августа 1914-го всё изменилось. Девушка без документов, неизвестно с какой целью появившаяся — да кто она такая, не шпионка ли? Может, шахидка, немчурой завербованная?

— Так я ж говорю, ехала к сестре, — повторяла в который раз приезжая. — Издалека еду, из города Сарапула Вятской губернии. Сначала на пароходе, потом поездом, потом...

— Давай-ка, с самого начала: какой ты веры, каким именем наречена была, как жила, что делала. А уж мы потом решим твою судьбу — вред от тебя или польза какая возможна...

— Православная я, — начала девушка, не опуская взгляда. — Зовут Антонина по святцам, Тоня. По отцу — Тихоновна. Фамилия наша Пальшины, крестьяне мы. Отцу помощник был нужен в хозяйстве, а всё девки появлялись. Потом сын родился, но мать вскоре и померла. Тятка-то наново женился, а мачеха нас к столу не подпускала, отдельно ела. Росли, как трава. Лошадей я любила, а они — меня. С семи лет верхом ездила, спасибо отцу — разрешал. Голодная вечно ходила, летом чуток полегче, лес помогал прокормиться...

Не было в её словах ни просьбы, ни жалости к себе. Но дяденька молча отломил ей добрый кусок лепешки, чаю налил.

— В школе училась с удовольствием, — продолжала девушка. — У нас в деревне трёхлетка была. По всем предметам имела пятёрки с крестиком, похвальный лист получила. Учитель говорил: «Ты девочка способная, учиться дальше тебе надо». Да где там! Только занятия в школе кончились, как отец умер. Я перебралась к замужней сестре, в город Сарапул, жила там два года. Спасибо сестрице, научила меня шить — потом не раз добром её вспоминала. А в шестнадцать лет решила я своё счастье искать, поехала к тётке отцовой в Баку. Малость тут растерялась: город большой, дома все каменные, крыши плоские, разговор чужой...

— Да как же ты добралась? Не ближний свет!

— Я ж говорю, сначала пароходом по Каме и Волге. Там повар корабельный меня на кухню пристроил, помогала еду готовить. Он мне: «Придём в Астрахань, определю тебя в няньки к хорошим людям». Сбежала от него, не хочу я в няньках ходить.

— А чего же ты хочешь?

— Теперь война, на фронт хочу. Всё могу — и готовить, и санитаркой, и ездить верхом, и... стрелять, наверное, смогу!

Дяденька задумался.

— Государь наш не велел поощрять таких, как ты. Ты не первая, и, наверное, не последняя. Отправим-ка мы тебя обратно домой, бумагу напишу, чтобы тебя на курсы медсестёр приняли. Научишься — возвращайся. Война-то, похоже, долгая будет...

Как ни отбивалась, а на пароход её под охраной всё-таки посадили и из трюма вылезти только тогда разрешили, когда берег исчез с горизонта. Так и вернулась в Сарапул. Зато через несколько месяцев — уже с документами медицинской сестры военного времени — ехала на фронт. Стоял апрель пятнадцатого года.

В Львовском привозкзальном госпитале Антонина проработала недолго. Раненых становилось всё больше, канонада всё ближе. Однажды она постриглась наголо, переделалась в форму умершего солдата и вышла на перрон. Там как раз стоял эшелон Севастопольского полка, к нему и прибилась. Зачислили на все виды довольствия.

— Я ушла. Но не как медсестра, а назвалась по-мужски: «Пальшин, Антошка-доброволец». Так и стали все звать. Началась моя солдатская жизнь. Стала молчаливой. Среди простых людей в серых шинелях я чувствовала себя, наконец-то, счастливой. Никто не обращал на меня внимания. Старалась почаще говорить вслух «пришёл, ушёл, явился», привыкала к мужскому имени. Порой странным казалось мне: когда кто-нибудь из солдат грязно бранился, сослуживцы его одёргивали:

— Постыдись Антошки! Распустил язык...

Так потом напишет в своих воспоминаниях Антонина Тихоновна Пальшина-Придатко. Впрочем, об участии в Первой мировой она всю свою долгую жизнь будет стесняться говорить. О её подвигах расскажут сохранившиеся в Сарапульском музее документы.

— По натуре я не из робких. Часто бывала в разведке, командиры знали, что люблю с донесениями ходить по ночам. Тогда куриная слепота одолевала многих: утром видят, а к вечеру — нет. Какой-нибудь пожилой просит: «Тошка, сынок, помоги!» Приносила им ужин, за это солдаты делились со мной едой...

«Антошка-доброволец» подвигами никогда не хвастал. Он просто делал тяжёлую солдатскую работу, как все, и потому не станет расписывать красками тот страшный бой на нейтральной полосе. Немец косил из пулемётов русских солдат, раненые лежали, стонали совсем рядом, и, вспомнив, чему учили на курсах медсестёр, эта маленькая хрупкая женщина перевязывала их под огнём и тащила на себе с нейтралки. Идёт бой, а она тащит второго, третьего, четвёртого... Восемнадцать человек принёс на себе солдат «Пальшин», восемнадцать человеческих жизней спасла Антонина. Была представлена к Георгиевской медали «За храбрость» четвертой степени.

— Да, было такое. В наградном листе всё прописано. Под Черновцами повела в атаку полуроту. Командира ранило, и я взяла команду на себя. Ранило и меня, но приказ выполнили. После лечения вернулась в свою часть. А Георгиевскую медаль третьей степени дали, когда «языка» ценного мы привели. Я не одна была, одной не донести такого здорового, трое нас было, каждому и дали...

Но вскоре случился скандал. Перед большим наступлением на исповеди полковому священнику Антонина открыла, что она девица, а не мужчина. Думала, что тайна исповеди — для всех. Оказалось: для всех, кроме полковых священников. И командиры давай обсуждать, что делать. Большинство за то, чтобы примерно наказать, ведь сам государь-император Николай Второй против таких «кавалерист-девиц» а-ля Надежда Дурова.

Дело дошло до командующего фронтом генерала Алексея Брусилова. Генерал быстро разобрался: «Не наказывать, а наградить!» А тому, кто не понял, заявил прямо:

— Эту девушку я объявляю своей крёстной дочерью. Я горд, что моя крестница — настоящая героиня. И вся Россия-матушка гордится ею!

Антонина Пальшина оправдала доверие прославленного полководца. Осенью того же года за отвагу при форсировании реки Быстрицы она получила Георгиевский крест четвёртой степени, а чуть позже стала ефрейтором и была назначена командиром отделения.

А летом 1916-го она участвовала в знаменитом «Брусиловском прорыве». На одном участке пехота залегла под пулемётным огнём. Положение спасла крестница Брусилова. Младший унтер-офицер Антонина Пальшина подняла в атаку солдат, и они ворвались в траншею противника. Сама в том бою получила тяжёлую контузию и многочисленные осколочные ранения.

Генерал Брусилов приехал проведать её в госпиталь.

— Молодец, крестница! Горжусь!

И лично вручил Пальшиной второй Георгиевский крест.

**Автор (из-за кулис):** Антонину Тихоновну выписали из госпиталя лишь в 1917 году. После окончания Первой мировой она вышла замуж за комиссара 1-й Конармии, родила двоих сыновей, позже и третьего. Принимала участие в Гражданской, воевала за Советскую власть. В 1921 году продала все свои военные награды, а вырученные деньги перевела в Фонд помощи голодающим Поволжья. Хотела и в Великую Отечественную добровольцем пойти — не взяли из-за возраста. Её старший сын Сергей долго служил лётчиком-испытателем в Звёздном городке. С героиней двух войн лично были знакомы все советские космонавты. Умерла Антонина Тихоновна Пальшина-Придатко в родном Сарапуле через два месяца после распада Советского Союза, на 96 году жизни.

## ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

### Балканы:

#### «Воздух без них был бы чище...»

*«Какие от установления сербского царства родятся новые последствия? Для увеличения и распространения владычества своего, конечно, начали бы сербы тотчас возмущать соседних своих единоверцев, как то: австрийских сербов (число коих до двух миллионов простирается), герцеговинцев, черногорцев, боснийских христиан, далматинцев, албанцев, болгар и так далее, дабы отторгнуть возмущениями от настоящих их владельцев и присоединить к своему царству. Сие возродило бы паки новые и непрерывные для России, принявшей на себя покровительство Сербии, ссоры и даже войны с соседями, и государь император в необходимости нашелся бы отрешиться от того покровительства».*

***Из письма главнокомандующего  
русской Дунайской армией  
князя Прозоровского товарищу  
министра иностранных дел графу Салтыкову***

## КАРТИНА 17-я

### «Чёрную руку» перебила «Белая рука»

*Действующие лица:*

✓ **Александр Обрёнович** (1876—1903) — единственный сын Милана, первого короля Сербии. В 13 лет Александр стал королём.

✓ **Драга Обренович** (1861—1903) — супруга короля Сербии Александра I.

✓ **Драгу́тин Димитри́евич** (1876—1917) — начальник разведывательного отдела Генерального штаба Сербии, лидер тайного общества «Чёрная рука». Более известен как «Апис».

✓ **Во́ислав Та́нкосич** (1881—1915) — один из основателей «Чёрной руки», майор сербской армии.

✓ **Пе́тар Жи́вкович** (1879—1947) — член «Чёрной руки», участник Майского переворота 1903 года, глава движения «Белая рука», позже — премьер-министр Королевства Югославии, генерал армии.

*Место действия* — Балканский полуостров.

*Время действия* — на рубеже XIX и XX веков.

**Автор** (*из-за кулис*): Самая безумная, самая чудовищная мода, какую только могли придумать люди, — это мода на убийство себе подобных. А «тираноубийство» на переломе веков было в большой чести во многих странах.

**КАК ТОЛЬКО** ни обзывали Балканы полтора века назад! Только ленивый не нарекал полуостров «покроховой бочкой Европы». Утверждали насмешливо, что там не четыре времени года, а пять: весна, лето, осень и зима быстро сменяют друг друга, а война — идёт постоянно. Заявляли с учёным видом знатоков, что государств,

там обитающих, слишком много, и все хотят иметь выход к Адриатике, независимыми стать, освободиться от турецких деспотов. А меж собой при этом ещё и дерутся — никак не могут выяснить, какая нация самая главная на этой плодородной земле.

В старушке Европе побаивались непостоянства и враждебности балканских княжеств. Не переметнётся ли межэтнический пожар с этого южного полуострова на центр материка? Не дойдёт ли опасный огонь до Британских островов? Страх у англичан был настолько велик, что даже «величайший британец в истории» Уинстон Черчилль однажды скажет:

— Балканы закручивают истории больше, чем могут потребить. Если бы можно было утопить все Балканы в Средиземном море, воздух в Европе стал бы чище...

Этот политический долгожитель был вообще неравнодушен к богоданному региону, в частности, к Сербии. Местные платили ему взаимностью, особенно когда стало доподлинно известно, что Милан I Обренович много лет переписывался с матерью будущего премьера. «Ох ты! Ах ты! — гордились сербы. — Дело ясное: Черчилль — незаконнорожденный сын нашего короля! Поэтому...»

Поэтому все верили: «Было! Было! Однажды чем-то недовольный Уинстон плохо написал про нас в газете, а лейтенант Воислав Танкосич подкараулил его в Белграде и надавал пощёчин. Мы, сербы, — народ смелый! А страна наша — самая большая на Балканах!»

В Старом Свете каждый школьник знал, что Балканский полуостров по площади вдвое больше Британии. И народу там проживает немало, все при оружии. Не до шуток. Османская империя слабеет на глазах и уже не в силах поддерживать власть как раньше, как все долгие триста с лишним лет. Короче, на стыке веков внутри «мягкого подбрюшья Европы» опасно забурчало, и в воздухе запахло жареным.

Особенно сербы беспокоились. Они чувствовали себя несправедливо обездоленными, оказавшись без моря, гаваней



и портов. Несчастливые люди, но гордые ужасно и воинственные внутри. То против османов восстанут, но, уступая туркам, у России помощи попросят. Русские помогут, разобьют янычар турецких, заодно и болгарам свободу принесут. Да только сербам мало покажется, и они к северному соседу переметнутся, к Австро-Венгрии. Задружатся с австрияками, да так, что те загордятся:

— Отныне Балканы начинаются на центральной венской улице!

С милостивого согласия Вены князь Милан Обренович объявил «установление сербского царства» и стал первым королём. Но, честно признаться, Сербии как-то не очень повезло с королями. Да и у самих царствующих особ не всё складывалось в жизни.

Милан I больше всего на свете любил азартные игры, а меньше всего — жену Наталью и сына Александра. Карты погадали на короля, и всё решилось исключительно мирно: за немалую мзду первый король отрёкся от престола в пользу несовершеннолетнего сына. Четыре года страной правил регентский совет, но в 17 лет Александр разогнал его, а заодно и правительство. В 1900 году он решил жениться на Драге — фрейлине своей матери.

Избранница была старше молодого короля аж на пятнадцать лет, имела за спиной довольно длинный хвост скандально-громких связей, а вот детей не имела вовсе. Придворные отговаривали короля, как могли: многие из них знали невесту лучше, чем жених. Но — Александр I был не столько очарован, сколько околдован. Драга в итоге намыла себе золотую корону.

А народ всё равно не мог успокоиться. Страну колыхало, волновало. Тогда Александр заявил, что уедет со своей драгоценной женой за границу, оставив Сербию без короля. Напугал нешуточно. Свадьба состоялась.

Новобрачные проехали по белградским улицам в сопровождении почетного караула из молодых офицеров. Среди них был и поручик Драгутин Димитриевич. Но о нём речь

пойдёт ниже, а пока — небольшая история про семейную жизнь царственной четы.

Королева-консорт Драга как-то утром обрадовала мужа:  
— А у нас скоро появится наследник!

Король тут же подписал манифест, анонсируя на весь мир предстоящее событие. Объявил амнистию всем мелким преступникам и крупным политическим оппонентам, включая Карагеоргиевичей, проигравших в битве за престол. Радость была безмерной, праздничный стол накрыли на восемьсот персон. Гости являлись с подарками.

Русский царь Николай II, с которым у сербов была обоюдная любовь, сам не приехал, зато прислал немыслимой ценности подарок — золотую колыбель, которую христианский мир почитает подобно чаше Грааля. Это никак не проявление «панславянского патриотизма» или желание что-то поиметь в ответ — Николай Второй искренне стремился к миру на Балканах и всегда говорил: «Не трогайте Сербию!».

Праздновали громко и долго, а когда все сроки, положенные для появления младенца, прошли, встревоженный супруг стал искать лучших специалистов, кои нашлись в России. Царь Николай II отправил в Белград лейб-медиков своей жены, хотя Александра Фёдоровна вот-вот должна была сама рожать.

Два русских врача осмотрели сербскую королеву и долго молчали: не знали, как сообщить королю, что супруга не беременна, никогда таковой не была и не будет.

— Это вы! — заорал на них король. — Это вы лишили меня наследника!

Он пытался выхватить у охраны оружие, чтобы убить докторов, но их успели спрятать подальше от государева гнева. Кстати, его гнев не коснулся жены, она, как всегда у цезарей, — вне подозрений.

...Давно и не нами замечено: чем меньше выгодоприобретателей, тем ожесточённее борьба за наследство. Особенно, если на кону королевский престол. А тут два княжеских

клана сошлись: выморочный Обреновичей и временно проигравших Карагеоргиевичей.

Заговор против действующего короля возглавила тайная организация «Чёрная рука». Одним из организаторов заговора стал тот самый поручик Драгутин Димитриевич, который стал уже капитаном и проходил службу в Генштабе. За свой двухметровый рост, мощный торс, звериное бесстрашие и бычью напористость этот щеголеватый офицер с подкрученными вверх усами получил прозвище Апис. Ему это нравилось, он и сам считал себя похожим на древнего священного быка.

Апис получил прекрасное образование, имел широкие связи во всех сферах, дружил с княжеским кланом Карагеоргиевичей. Последнее и определило его судьбу.

Если бы не Обреновичи, первым королем Сербии стал бы Пётр Карагеоргиевич. Но и за то спасибо Александру I, что амнистию дал. А то бы повесили Петра по приговору суда за давешнюю попытку государственного переворота. Теперь же он покойно жил за границей, растил детей, беззаботно тратил деньги да копил мечту, что придёт и его час.

Апис и его верный друг по службе Воислав Танкосич были близки к дому старого князя Петра. Ходили слухи, что Воислав однажды отодрал его старшего сына Георгия за уши. Тот хоть и помладше, но задиристый рос не в меру и «воспитанности не имел никакой». Но они дружили.

Враг у них в то время был один — венценосный Александр I Обренович. Во всём послушный своей Драге, он каждые полгода менял правительство, отменил три конституции. Но — самое страшное — поскольку наследник не появился, король решил сербский престол передать черногорской династии.

Зрел против короля заговор. Апис лично написал клятву членов тайного общества. Первый пункт её гласил: «Видя неизбежную гибель Отечества в случае непринятия в ближайшее время необходимых мер и считая самыми главными виновниками всех бед короля Александра и его

любовницу Драгу, клянемся и своими подписями подтверждаем, что убьём их».

Далее в клятве говорилось: «Настоящая организация предпочитает террористическую деятельность идейной пропаганде». Следующие пункты обязывали членов общества «Чёрная рука» не пожалеть своей жизни, но возвести на престол князя Петра Карагеоргиевича. А также предупреждали, что разглашение планов общества карается смертью.

Клятва подписывалась кровью. Члены тайного общества получали номер, и новичок обязан был беспрекословно выполнять приказы старшего — того, у кого номер меньше. Сам Апис стал шестым, Воислав Танкосич — седьмым. Первые номера, понятное дело, оказались у высокопоставленных лиц. Это и есть управа, она раздаёт приказы.

Тайное общество очень быстро разрасталось. Филиалы «Чёрной руки» появились в Черногории, Боснии, Герцеговине, Хорватии и Македонии. В Сербии члены этой организации занимали ключевые посты в правительстве, армии и прочих силовых органах. Они даже стали издавать собственную газету, на которую немалую сумму пожертвовал Александр, младший сын Петра Карагеоргиевича.

Дважды заговорщики пытались убить Александра I Обреновича. Сорвалось. В третий раз решили штурмовать королевский дворец. Эта ночь на 29 мая 1903 года войдёт в историю Балканского полуострова как Майский переворот.

С охраной проблем не было: один из офицеров недавно стал членом «Чёрной руки», он и открыл ворота. Солдаты не оказали большого сопротивления, но главные двери пришлось взрывать динамитом. После этого началась жуткая бойня. Апис первым ворвался на парадную лестницу, стрелял по-македонски с двух пистолетов сразу, по нему тоже стреляли королевские телохранители, трижды ранили. Всех, кто оказывал сопротивление, заговорщики рубили саблями. Бой продолжался больше часа.

А в это время отряды восставших, которых вёл Воислав Танкосич, громили квартиры в доме, где жили члены правительства и родственники королевы Драги.

Русский военный атташе в Белграде полковник Иван Сысоев позже докладывал в Санкт-Петербург:

«Около двух часов ночи я проснулся от сильного шума. На улице и на лестнице дома слышались крики, топот, лязг оружия. Затем раздались удары в двери моей квартиры — били прикладами винтовок. Мой слуга серб отворил парадную дверь, против которой находится дверь в квартиру министра, и мы увидели, что вся площадка лестницы сплошь наполнена вооруженными солдатами; тотчас же три солдата направили на нас штыки...»

Неизвестно, какой бы оказалась его судьба, если б не Танкосич. Узнав Сысоева, он крикнул солдатам:

— Этого не трогать! Это русский!

«Солдаты ломились в дверь министра, но она не поддавалась; тогда начали в нее стрелять в упор из ружей, а затем раздобыли где-то топор и вырубили дверь (я всё это наблюдал из окон своей квартиры, выходящих во двор, из которых видна площадка лестницы), — писал далее в отчёте Сысоев. — Против окон генеральской квартиры, прикрываясь деревьями, встал взвод пехоты и открыл огонь по окну кабинета генерала. Милован Павлович отстреливался из револьвера, пока не был ранен...»

Когда смолкла перестрелка и солдаты удалились, Иван Сысоев вошел в квартиру военного министра Милована Павловича. Повсюду на стенах и даже на потолке следы от пуль. Обломки мебели, битое стекло, обвалившаяся штукатурка. В кабинете на полу лежало в луже крови обезображенное штыками тело боевого генерала, Георгиевского кавалера.

В ту страшную ночь «Чёрная рука» перебила всех главных ставленников королевского двора. А самого короля повстанцы не могли найти до рассвета. Обыскали с факелами все комнаты дворца — ни его, ни Драги.

Наконец один из заговорщиков заметил за занавеской скрытую дверь в тайную комнату. Привели захваченного в плен королевского адъютанта, потребовали от него под прицелом, чтобы он выманил оттуда Александра. Адъютант позвал: «Ваше Величество, откройте!». Услышав знакомый голос, Александр открыл дверь и вышел. Он был в длинной красной рубашке и всё пытался загородить собой полураздетую жену. Грянули выстрелы.

Русские газеты позднее писали: «Сербы покрыли себя не только позором цареубийства, но и своим поистине зверским образом действий по отношению к трупам убитой ими королевской четы. После того как Александр и Драга упали, убийцы продолжали стрелять в них и рубить их саблями... О надругательствах над телами убитых лучше не говорить, до такой степени они чудовищны и омерзительны».

Убийство королевской четы на Балканах потрясло весь мир. Понятно, что любой государственный переворот — это не школа гуманизма. Но чтобы так зверски — это всех монархов Европы насмерть перепугало. Российский император Николай II объявил в своей стране 24-дневный траур.

Сербский престол принял 58-летний Пётр Карагеоргиевич, тут же примчавшийся из Женевы. Его старший сын Георгий в то время учился в Санкт-Петербурге по личному приглашению русского царя. Георгий тоже срочно вернулся в Белград, чтобы получить титул принца, наследника престола. Короче, началась раздача слонов.

Предводитель Майского переворота капитан Драгутин Димитриевич (он же Апис) от наград и придворных должностей принципиально отказался. Едва поправившись после ранений, он вообще ушёл с военной службы. Потом, правда, вернулся в Генштаб, возглавил разведывательный отдел. Имел самые широкие связи по своей работе. Был в тесном контакте с главой австро-венгерской разведки полковником Альфредом Редлем, который работал на русских.

Этот двойной агент знаменит тем, что однажды на маневрах германской армии ухитрился вытащить секретный

блокнот из кармана кайзеровского мундира. Редль успел сфотографировать все страницы и вернуть блокнот на место — Вильгельм II даже не заметил пропажи.

Так что обо всех секретах Австро-Венгрии, в том числе о предстоящем Боснийском кризисе, Апис знал заранее. Он регулярно обо всём докладывал Карагеоргиевичам, но ни король Пётр I, ни тем более принц Георгий не обращали внимания на его информацию. А когда кризис случился, вспыльчивый принц обозвал австрийского императора Франца Иосифа вором, российского императора Николая II — лжецом. Да ещё рассорился с премьер-министром Пашичем, разругался с Аписом, избил до смерти своего слугу — и все надежды Георгия на престол тотчас рухнули. Похоже, кое-что из вышеперечисленного подстроил великий комбинатор Апис, предводитель «Чёрной руки».

Братья Карагеоргиевичи терпеть не могли друг друга. Но младший являлся членом тайного общества, а старший нет. Новым наследником был объявлен Александр, и нижестоящий в списке полковник Апис (номер 6) получил приказ отравить Георгия. Хотя, наверное, это был не приказ: ведь невыполнение карается смертью. Скорее, это был намёк, а главный разведчик сделал вид, что не понял его. Все трое из королевского дома Карагеоргиевичей остались живы. Апис тоже. Но прежней дружбы и след простыл.

Котёл страстей на полуострове снова закипал. Начались Балканские войны, в первой Сербии пришлось воевать против турок, а во второй — против болгар. По долинам и по взгорьям собирал партизанские отряды Воислав Танкосич, правая рука Аписа, а сам полковник Драгутин Димитриевич воевал в регулярной армии.

А в это время в Белграде рождалась ещё одна тайная организация. Бывший участник Майского переворота, «чёрноручник» Петар Живкович, не отказавшийся, в отличие от Аписа, от наград и должностей, стал советником королевича Александра. Заметив, что принц-регент недоволен растущим влиянием «Чёрной руки», он предложил ему создать

свою собственную карающую «руку». Живкович получил звание полковника, и «Белая рука» тут же определилась с главной целью — борьба с Аписом и его сторонниками.

В сентябре 1912 года к роялистски настроенным членам-«белоручкам» примкнули премьер-министр Никола Пашич, который в очередной раз возглавил правительство, и бывший командир полка, в котором Апис когда-то служил, полковник Пётр Мишич, ныне председатель военного трибунала. Мишич не забыл, как девять лет назад капитан Драгутин Димитриевич оскорбил его, своего командира.

Всё закрутилось дикой каруселью после убийства в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда. Сначала все думали, что обойдётся, войны не будет. Но Австро-Венгрия шлёт Сербии невыполнимый ультиматум. Все пункты его нужно исполнить в 48 часов, иначе... И всё было сделано, кроме ареста Драгутина Димитриевича и Воислава Танкосича (их австрияки заподозрили в организации покушения на эрцгерцога), но и они объявлены в розыск.

Всё невыполнимое выполнено в срок. Даже кайзер Вильгельм II воскликнул: «Блестяще! Отпадают основания для войны!» Впрочем, не ему и не австрийскому императору решать, будет война или нет...

Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Российский император Николай II в тот же день отправил телеграмму королевичу Александру: «Ваше королевское высочество может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии».

Майор Воислав Танкосич погибнет на фронте в 1915 году. Аписа арестуют весной семнадцатого. Более сотни офицеров пойдут за ним под суд. Однажды в камеру к Апису придёт полковник Петар Живкович, руководитель личной охраны королевича Александра. От имени принца-регента он пообещает помилование главному «чёрноручнику» и остальным офицерам, но Апис должен признать, что он и его организация убили австрийского престолонаследника.

— А как мои офицеры? — хотел спросить Апис.



Глава «Белой руки» перебил лидера «Чёрной руки».

— Это нужно для заключения перемирия с Австро-Венгрией, — заявил бывший соратник.

Апис согласился на сделку — ради спасения жизни друзей. Суд «учёл» его покаяние, и Пётр Мишич огласил смертный приговор. Остальных тоже не помиловали.

Говорят, что перед расстрелом, глянув на приготовленную могилу, полковник Апис сказал:

— Для вас она, наверное, как раз, а для меня мала!

После первого залпа он остался стоять на ногах и, улыбаясь, смотрел на солнце. После второго упал на колени и ещё успел крикнуть солдатам:

— Сербы, да вы разучились стрелять!..

**Автор** (*из-за кулис*): По некоторым данным, с 1901-го по 1912 год в России политическими террористами было убито и ранено свыше 17 тысяч человек. В 1906—1907 годах это кровавое безумие достигло пика: в день погибало по 15—20 человек. Участники тайных организаций Балкан совершили в начале XX века около 40 покушений на правителей европейских стран. А убийство эрцгерцога Франца Фердинанда стало поводом для Первой мировой войны.

## КАРТИНА 18-я

### Гаврош, или Дело Принципа

*Действующие лица:*

- ✓ **Франц Фердинанд** (1863—1914) — эрцгерцог, наследник престола Австро-Венгерской монархии.
- ✓ **София Хотек** (1868—1914) — дочь чешского графа из старинного рода, герцогиня фон Гогенберг, морганатическая жена эрцгерцога Франца Фердинанда.
- ✓ **Гаврило Принцип** (1894—1918) — сербский студент-националист, убийца эрцгерцога и его жены.
- ✓ **Мартин Паппенхайм** (1881—1943), австрийский невролог и психиатр, профессор Венского университета.

*Место действия* — Сараево (Босния и Герцеговина), Терезиенштадт (Чехия).

*Время действия* — 1914—1918 гг.

**Автор** (*из-за кулис*): 28 июня 1914 года в Сараеве, главном городе Боснии и Герцеговины, выстрелами в упор были убиты наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга герцогиня София.

**Н**АСЛЕДНИК австрийской монархии Франц Фердинанд, племянник действующего императора — престарелого Франца Иосифа, был суеверен и искренне верил гадалкам. Одна из них предсказала эрцгерцогу, что из-за него начнётся большая война.

— Никогда мне не быть императором, — жаловался он жене. — Чувствую, что-то плохое случится.

Супруга успокаивала его как могла, но самой не очень-то нравилось быть полузаконной невесткой 84-летнего тестя, который разрешил племяннику жениться, но брак признал морганатическим, то есть ей никогда не стать императрицей.

— Я всегда буду рядом! До последнего дня! — обязалась герцогиня.

И когда наследник был послан дядей в Боснию — наблюдать за военными манёврами, — София засобиравалась тоже.

— Я еду с тобой в Сараево!

И всё было чудесно: жара, июнь. Австрийские штандарты рядом с двухцветными флагами недавно аннексированных земель, ликующие людские толпы — Их Высочеств встречают как Их Величеств, нет, не зря приехали.

— Я начинаю любить Боснию! — шепчет наследник жене.

— Как мил и дружелюбен этот народ! — отвечает она мужу.

А у моста, по которому сейчас поедет кортеж, уже расставлены шесть молодых сербских террористов. У каждого бомба, пистолет и ампула с ядом. Всё очень серьёзно, тираноубийцы готовы умереть за идею.

Первые два заговорщика не успели рассмотреть, в какой из четырёх машин едет эрцгерцог. Пропустили момент. Третий поступил мудро — увидев кавалькаду, обратился к стоящему рядом полицейскому:

— Не скажете, в какой машине едет наследник?

— В третьей, — улыбнулся доверчивый офицер.

Когда на мосту прогремел взрыв, люди рванули подальше от этого места. Гаврило Принцип — он считался главным у заговорщиков — решил, что дело сделано, и тоже поспешил убратъся с моста. Зашёл в кондитерскую, там уже полно народу.

— Было покушение, террориста схватили, к счастью, ни наследник, ни герцогиня не пострадали! — громко шушукуются, обсуждают.

Он уже допил свой кофе, хотел идти — но куда? Столько месяцев подготовки — всё теперь напрасно. И вдруг рядом визг тормозов. Сквозь стеклянную дверь кондитерской — знакомое по официальным портретам лицо. Наследник австрийского престола! В пяти метрах — застрявший автомобиль, и долгожданная цель на заднем сидении!

На ходу выхватывая пистолет, бросился к двери. Выстрел, второй... Потом будут говорить, что он стрелял семь раз, прежде чем на него навалились охранники...

...Почему в тюрьмах такие тяжёлые, скрипучие двери? Наверное, петли специально не смазывают. Какая это камера по счёту — четвёртая, пятая? И у всех двери не просто скрежещут, а воют дикими, ржавыми голосами, раздирая надломленную душу. Они вскрикивают, как смертельно раненный человек. Им-то что не так? Их-то за что?

Дверь одиночной камеры с протяжным жутким визгом захлопнулась, засов гнусаво скрипнул, ключ в замке провернулся, надзиратель глянул в закрытый решёткой глазок, потом шаркающие шаги затихли в коридоре — и всё, могильная тишина зазвенела в ушах.

Тишина — не самое страшное. Это, как и боль, можно терпеть. Хуже, когда душу терзает, рвёт на клочья чудовищный зверь. Это из-за него нечем дышать, и глаза слепнут от полной темноты. Это от несправедливости людской становится страшно, от человеческой ненависти и глупости — вот как зовут этого дикого зверя.

В первый день судья спрашивал:

— За что вы убили герцогиню Софию, мать двоих детей?

Он ответил так, что никто ничего не понял:

— Я не хотел её убивать. Я убил тирана. И не считайте меня зверем.

Ну почему люди такие разные? Ведь все хотят быть счастливыми, все мечтают о светлом будущем. Нет глупее ошибки, чем думать, что завтра будет лучше, чем вчера. Нет смысла стремиться к призрачному счастью, надо просто быть достойным счастья. А счастье есть свобода родины, это так просто. Что тут непонятного — вы можете ответить?

Какие все разные! Сразу не поймёшь, кто откуда родом — да и нет никакой разницы: серб ты, босниец или хорват. Мы понимаем друг друга, и потому должны бороться за объединение, за независимое «югословенство». Против диктата Австро-Венгрии. Я и мои друзья покля-

лись вести эту борьбу. А это значит, что мы, и только мы, должны были отдать свои жизни за будущее нашей родины. И мы это сделали!

...Холодно. Господи, как же холодно! Махонькое окошко у самого потолка ещё час назад светилось, а теперь темно, и дует из него так морозно, словно за стенами лютая зима. От обеденной пайки остался кусочек хлеба, миску тёплой похлёбки выпил через край в два приёма и тут же внимательно осмотрел её. Они с друзьями уже научились перестукиваться через стены — спасибо книжкам русских революционеров-сидельцев, — но это долгая почта. Самая важная информация — на дне миски. Все научились быстро и кратко царапать там что-то новое. Так и ходит информация по камерам. Вчера прочитал страшное: «Белград пал».

От такой новости заныло в животе, заболела травмированная рука. Кандалы стали невыносимо тяжёлыми. Если бы не они, засунул бы руки подмышки, ушла бы дрожь. Цепи мешают. Раньше ложился на бок, свесив их с кровати. Но за ночь железо леденело, руки сводило, и спина отказывалась разгибаться. Спасибо друзьям, тюремной азбукой написали: надо вечером греть руками кандалы, к телу их прижимать, когда ложишься, — тогда они всю ночь будут греть, возвращая твоё же тепло.

— Помогло тебе, Гаврош? — улыбались на суде друзья.

Гаврошем ребята прозвали его за то, что казался маленьким, щуплым. А он и не возражал. Гаврош был настоящим героем, на этого французского мальчишку походить почётно.

К заседанию суда друзьям разрешили помыться и кандалы с них сняли. Увиделись — обнялись, не обращая внимания на крики охраны. Посмеялись, что без цепей неприлично уже, неуклюжими стали, как медведи.

— Спасибо, друзья, помогло, от вашей заботы теплее стало! — жал им руки. — А то ведь спал по два-три часа...

О том, что произошло двадцать восьмого июня, они почти не говорили. А чего тут говорить? Дело сделано. Вспоминалось

мирное, хорошее, весёлое. Машины лепёшки, вечерние посиделки у костра на острове, споры о прочитанных книгах. Жили ведь очень бедно. Кинофильмов не видали, вдоволь хлеба не едали. Радость и счастье — в мечтах и грёзах. Зато не было крепче дружбы, все шестеро — как родные братья. Ботинки одни на двоих, по очереди носили.

Судья объявил перерыв. Заговорщиков-террористов увели под конвоем в специальную комнату, родных к ним не пустили. Стояли грустные, жались к стенке. Всех смешил Гаврило Принцип.

— А как первый трамвай в Сараеве пустили, помните? В Белграде такого не было, а боснийцам повезло! Мы специально ездили покататься, помните? В первый день разрешали только мужчинам, и все обувь снимали, заходя в вагон. Я тоже снял! До поворотного круга доехали, у кондуктора спрашиваю: «А как же наши ботинки?» А он такой важный: «Покупайте снова билет и езжайте обратно до своей остановки. Как стояли, так, наверно, и стоят ваши башмаки — кому они нужны!» И правда, никто не взял нашу обувь!

В военной тюрьме их не били. Солдаты же охраняли. Один как-то попытался ударить в живот, капрал успел его оттащить. Но солдаты тоже разные. От австрийских пощады не жди. В первые дни один, рыжеусый, в камере пристегнул больную руку к спинке кровати и заставил так целый день мучиться. Когда совсем невыносимо стало, криком зашёл-ся, вызывая его.

— Не могу я больше так сидеть! Я походить хочу!

Так он, кот усатый, ещё поиздевался:

— На кого походить?

Не скажешь же ему, что раньше хотел походить на Гавроша...

На суде все шестеро друзей сидели рядом, в первом ряду. Как это здорово — чувствовать плечо товарища! Стало ясно, что всем вынесут смертный приговор, поэтому сказал негромко:

— Хочу, чтобы вас первыми казнили.

Справа и слева одновременно дёрнулись плечи. Похоже, не поняли. Тогда добавил:

— Последнему, кто останется, будет тяжелее всего.

Плечи придвинулись плотнее, и друзья по очереди прошептали:

— Спасибо, Гаврош!

Они поняли. И мама всё поняла. Она только раз глянула на сына, долго смотрела, прощалась так, и глаза её, то-скливые, чёрные от свалившегося горя, спросили: «Сразу, сынок?» И он кивнул едва заметно: «Да, мама, лучше сразу, чтобы не мучиться».

Ближе к приговору в зале заседаний зашёл спор, когда родился главный обвиняемый. По церковным метрикам — 25 июля, а это значит, что ему в день покушения не исполнилось двадцати, и он считается несовершеннолетним. Ну, а если двадцать лет уже исполнилось, если записан в июле священником ошибочно, то можно казнить. Надо для верности мать спросить.

— Неужели же матери не знать, когда её сын появился на свет? — сербская крестьянка сверлила судью ненавидящим взглядом. — Я его родила двадцать пятого июня, а не июля, и через три дня, в Видов день, на праздник пошла с новорожденным на руках, там и кормила его грудью...

Суду, видимо, очень хотелось показать своё милосердие. Приговор вынесли максимальный для несовершеннолетнего — двадцать лет тюрьмы. Это значит — долгая и мучительная смерть. Ты прав, Гаврош: тому, кто останется, придётся тяжелее. Не каждый выдержит...

Мама, мама! В тюрьме ты часто снишься мне. Помнишь, я ещё в школе учился, когда вдруг заболел лунатизмом? Сильно напугал вас с отцом — просыпался среди ночи и ходил по дому с вытянутыми руками, а вы не знали, что делать. Ты тогда сказала, что во всём виноваты книги. И вылечила старым народным способом: поставила у кровати моей тазик с холодной водой. Болезнь той же ночью куда-то ушла. Мама, ты помнишь?

Дни и ночи поменялись местами, потом ещё раз, ещё... Только когда приносят обед, можно понять, что это день. Обед — это красиво сказано. Миска тёплой похлёбки, пайка хлеба всё меньше. Война же идёт на воле.

— Кто с кем воюет? — спросил у самого доброго надзирателя.

— Все со всеми, — буркнул дядька в ответ. — Из-за тебя, паршивец!

Надзирателю нельзя разговаривать с преступником, увольт. Для него потеря работы страшнее смерти. Почему они все боятся смерти? Но Гавроша им не сломать! Он давно свyksя с мыслью, что жизнь его закончится в одиночной камере — лишь бы скорей.

После приговора прошло больше месяца. Зимой их, осуждённых на длительные сроки тюремного заключения, повезли из Сараева в неизвестном направлении. Когда вылезал из машины, увидел, что это какой-то гарнизон, несколько одноэтажных домов. Развели по разным камерам. Небольшие нары, маленькое оконце. Снова кандалы. Соседей нет. Мёртвая тишина, жуткий холод, тягучее ожидание смерти. Ты готов, Гаврош?

...Прошла неделя, вторая, третья. Однажды услышал в окошко, как где-то далеко пьяные голоса что-то нескладно поют. Рождество!

Прошёл ещё месяц. Он чувствовал, как уходят силы. Первой начала сдавать память. То снилась мама, то она превращалась в девушку, которой когда-то, в той ещё жизни, он посвящал стихи. Только стихи, ведь друзья поклялись: никаких романов, ни капли вина — пока не убьём тирана. Как тот персонаж в романе русского писателя — как его фамилия? Он ещё на гвоздях спал. Нет, не вспомнить. А девушку как звали? Даже эти простые мысли сбивались, путались, уплывали, превращаясь в дымные бессвязные картины.

Недоучившийся сербский гимназист Гаврило Принцип сходил с ума. Наверное, это бы и случилось, если б однажды он не проснулся от странного звука. Эти был удивительный,



тонкий, мелодичный звон. Что-то похожее на треньканье невидимой птички. Раз! Бульк! Через две секунды снова. Потом вдруг чаще. Боже мой, да это же капель! Это с крыши тает снег! Это весна!

Теперь он часами стоял под окошком, слушая эту божественную музыку и стараясь шевелить ей в такт руками, ногами, пальцами. Даже больной руке стало легче. Потом музыка стихла, исчезла навсегда. Но зато в камере с каждым днём становилось теплее.

Однажды заскрежетала дверь камеры во внеурочное время — до обеда было ещё далеко.

— Встать! — заорал надзиратель. — На выход!

Ещё двое по бокам подхватили, повели по коридору.

— Куда меня? На казнь? — спросил с тайной надеждой.

— Твоё дело — молчать! Подельники давно на виселице богу душу отдали. А тебя приказано в карцер, чтобы помнил этот день, двадцать восьмое июня. Каждый год будешь в карцере сидеть сутки, без еды и света...

Что ж, сутки — это можно вытерпеть. Хотя если бы казнь, как ребятам, — это было бы лучше. Вытерпел сутки. Вернули в камеру с окошком. Стерпел ещё неделю, месяц, год...

Обросший узник в кандалах с трудом стоял на ослабевших ногах. Он снова, как год назад, слушал весеннюю капель — и улыбался. Завыла, завизжала чертова дверь. Вместе с «добрым» надзирателем в камеру протиснулся лысоватый, аккуратно одетый господин в круглых очках. Надзиратель подал ему стул, сам встал у дверей.

— Здравствуйте, меня зовут Мартин Паппенхайм, я психиатр, — представился на немецком языке лысый. — Если не возражаете, мы с вами побеседуем...

— Я против! — выдавил из себя узник и удивился, насколько слабым и писклявым стал его голос. — Вы боитесь меня? При нём говорить не буду!

Странно, они послушались: надзиратель ушёл. А лысый тихо так сказал:

— На прошлой неделе умер ваш последний друг, который тоже был на двадцать лет осуждён...

Было в его голосе столько сожаления и даже доброты, что Гаврош тут же перебил его:

— Спрашивайте, что хотели? На всё ответчу.

— Первый вопрос простой: почему вы на суде взяли вину на себя, почему всячески защищали крестьян, хотя они даже не сочувствовали вашим идеям?

— Потому что они ни в чём не виноваты. Они тоже не хотели быть рабами — разве в этом есть вина любого человека? Австро-Венгрия скоро рухнет, эта империя не будет больше тиранить наш народ. Мы хотим быть свободными — и будем свободными! Вам, австрийцам, сегодня этого не понять, но завтра всё изменится, и вы многое поймёте...

— Я не австриец, хотя и подданный империи, — сверкнул очками гость. — Да, я работаю в Вене, но родился в Братиславе, там, знаете ли, тоже живут свободолюбивые люди. Они многое понимают... Скажите, а какова была конечная цель вашей организации?

— У нас не было организации как таковой. Мы все просто друзья, несогласные с тиранией. Наша цель — создание единого свободного государства. И мы были готовы пожертвовать собой ради этого.

— Вы собирались террором достичь этой цели?

— Да, мы поклялись устранять тех, кто мешает объединению и творит зло. Меня толкала на дело месть. За мучения, которые испытывает мой народ под гнётом Австрии. Я убил не человека, а тирана, который приносил зло югословенскому народу...

На тюремных нарах перед доктором Паппенхаймом сидел грязный, худой паренёк. Цепи его кандалов свешивались до пола. Левая рука у парня, видимо, болела, он бережно прижимал её к телу. Весьма неплохо знал немецкий язык. Говорил кратко, чётко, по делу. Из-под свалявшихся волос, свисавших на лицо, сверкали ясные голубые глаза, в которых читались ум, сила, бесстрашие. По измождённому

виду узника было понятно, что жизнь его подходит к концу. Но странно — этот юноша с горящими глазами не выглядел сломленным. Он выглядел победителем.

— Я вижу, вы устали, — доктор закрыл блокнот. — Продолжим завтра.

Назавтра, едва усевшись на стул, он спросил:

— Ваши друзья думали так же, как и вы?

— Нет, не всегда и не все разделяли мою позицию. Считаю, что люди и не должны думать одинаково, и им не нужно действовать одинаковыми средствами. Идея устранить наследника престола родилась в моей голове, и я сказал друзьям, что готов пойти на дело один. Не каждый ведь способен убивать...

— У всех шестерых был яд — вы хотели покончить с собой?

— Да, каждый знал, что с ним будет при любом раскладе. Но яд оказался каким-то слабым. Я хотел застрелиться, но пистолет выбили из рук.

— Вы считаете себя героем?

— Я не хотел быть героем. Я просто хотел умереть за святое дело. Месяц назад хотел покончить с собой, повеситься на полотенце. Но на это не хватило сил.

— Как к вам здесь относятся? Не бьют?

— Жалоб у меня нет. Вот только книг здесь нет, а они для меня — жизнь. Тяжелее всего это переносить. Рука болит нестерпимо, туберкулёз убивает. Больше не существует ничего, на что можно было бы надеяться.

— Если бы вы знали, что последствия убийства в Сараеве послужат причиной такой большой войны, отказались бы от покушения?

— Нет, это не я! Не мы! Покушение — не причина начавшейся войны. Мировая война была неизбежна, потому что есть богатые и бедные люди. Если бедные не хотят больше молчаливо терпеть и быть в рабстве, они обязательно восстанут. А для богатых лучше война, чем революция. И они найдут любой повод для большой войны...

Доктор Паппенхайм спрашивал и дальше участливо, слушал ответы узника внимательно, лишь изредка что-то помечая в блокноте. Много лет спустя он опубликует свои записи. Это случится уже в эмиграции: он сбежит из Вены, спасаясь от преследований фашистов.

**Автор (из-за кулис):** Летом 1916-го осуждённому Гавриле Принципу в тюремной больнице ампутируют искалеченную при задержании руку. Осенью того же года «добрый» надзиратель тайно сообщит ему о смерти престарелого австрийского монарха Франца Иосифа. Несломленный узник узнает также от него, что в России произошла революция, и большевики заключили мир с Германией. Но Версальский договор будет подписан 28 июня 1919 года — спустя ровно пять лет после покушения в Сараеве. Гаврош не застанет окончания Первой мировой войны, и всего каких-то семи месяцев он не доживёт до образования Королевства сербов, хорватов и словенцев — будущей Югославии.

## ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

### Италия:

### «Сколько можно терпеть?»

*«Италия являлась членом Тройственного союза, но она скорее была запутана в нём, чем связана им. Если говорить о настроениях, то существовало явное различие между политическими лидерами и народом. Один известный итальянский государственный деятель считал, что люди могут быть патриотичными, но всё равно нуждаются в том, чтобы другие думали за них. Однако факт остаётся фактом: войны никто не хотел. Третьего августа 1914 года Италия официально объявила о своей решимости сохранять нейтралитет. А годом раньше уведомила Австро-Венгрию, что если последняя объявит войну Сербии, Италия не станет считать себя обязанной защищать её...»*

*Как только в Европе начались боевые действия, Америка направила в Италию своих военных корреспондентов. Часть из них занималась не только журналистскими делами, но и собирала закрытую информацию, подкупала политиков, выискивая среди них приверженцев войны».*

**Томас Нельсон Пейдж**  
**«Италия и мировая война»**

## КАРТИНА 19-я

### «Джульетта» объявляет войну

*Действующие лица:*

✓ **Анжелика Балабанова** (1877—1965) — видная русская революционерка, секретарь Коминтерна. Одна из основателей Итальянской социалистической партии.

✓ **Бенито Муссолини** (1883—1945) — политический и государственный деятель, премьер-министр Италии в 1922—1943 годах, вождь (дуче) Национальной фашистской партии.

*Место действия* — Швейцария.

*Время действия* — 1904—1915 годы.

**Автор** (из-за кулис): Известная социалистка Анжелика Балабанова в своих мемуарах писала о своём знакомстве с Бенито Муссолини. Они встречались десять лет. Её даже потом станут называть «русской женой дуче». А в тот день Балабанова была главным докладчиком на митинге в честь 33-й годовщины Парижской коммуны. С первых минут заметила, что её внимание отвлекает одна странная фигура.

ЭТОГО молодого невысокого человека Анжелика никогда раньше не видела. Его горящие глаза притягивали, а неряшливая грязная одежда отталкивала. Он выглядел очень жалким. Массивная челюсть, горечь и беспокойство в чёрных глазах выдавали парня с головой: это очень неуверенный в себе и исключительно робкий человек.

Когда митинг закончился, Анжелика спросила кого-то:  
— Не знаете, кто этот молодой человек?

— Это безработный, на родине был, кажется, школьным учителем, сейчас скрывается от военной службы. Спит под мостом, голодает. Утверждает, что он социалист, но, похоже, ничего не знает о социализме. Сильно нуждается.

Анжелику почему-то очень задело положение этого молодого человека, и она подошла к нему, когда тот сидел в одиночестве в задней части зала.

— Товарищ, могу я что-нибудь для вас сделать? — спросила Балабанова. — Я слышала, что у вас нет работы.

Он ответил каким-то истеричным голосом, не поднимая глаз.

— Для меня ничего нельзя сделать. Я болен, мне не на что жить!

Потом, помолчав, продолжил уже тише:

— Мне просто не везет. Несколько недель назад я мог заработать пятьдесят франков, но пришлось отказаться от них. Издатель в Милане предложил пятьдесят франков за перевод брошюры Каутского «Грядущая революция». Но я знаю всего лишь несколько слов на немецком.

— Но я знаю немецкий. И буду рада помочь вам, — сказала Анжелика.

— Вы будете мне помогать? — его голос снова приобрел истерические ноты. — С чего это вдруг?

— Почему бы и нет? Я социалистка. Так случилось, что я выросла в привилегированных условиях и имела возможности, которых вы были лишены. Безусловно, мой долг возместить...

Он был слишком слаб, чтобы противиться этому предложению, и всё же было очевидно, что он презирает себя за то, что поддался на него. Она протянула ему руку и спросила:

— Как вас зовут, товарищ?

— Бенито Муссолини, — ответил он слабым голосом.

...Долгие десять лет Бенито был для Анжелики, наверное, самым близким человеком. Позже она напишет в мемуарах: «Даже представить себе не могла, что отчасти благодаря

моей помощи и сочувствию жалкий бродяга встанет во главе движения, которому я отдала свою жизнь, и что он окажется виновным в самом позорном предательстве нашего времени».

Вот он, нервный двадцатилетний юнец — пиджак на голое тело, грязное полотенце вокруг шеи, потерянный бомжеватый взгляд. Вы смогли бы разглядеть в этом типе будущего лидера солнечной Италии? В своих воспоминаниях Анжелика Балабанова будет говорить об этом человеке с неизменным презрением, называть его станет исключительно на «вы». Хотя в жизни чаще было, конечно, «мы» и «ты».

«Когда мы вместе работали над переводом брошюры, я видела, как много такая работа значит для него, как она стимулирует его амбиции. Он и сам не стеснялся признать, что презирает физический труд», — писала она.

А его внутри раздирали нехилые противоречия. Так, великовозрастному бамбино не очень нравилось, когда его называли уменьшительно-ласкательно Бенито. А до Большого Бена он явно не дотягивал: всего на полголовы выше Анжелики. Фривольно-одесский вариант — Беня — этому уклонисту от армии был вообще непонятен.

Можно и просто Бен, но это как-то по-пролетарски, а он всё-таки сын учительницы, сам пытался в школе работать. И родился не в Риме, где тысячи рабов испокон веков ублажали недобитую знать, а в самой революционной части Италии, где каждый второй — анархист.

— Мир просто несправедлив ко мне, — сказал уклонист в первый же день, когда Балабанова вела его, как маленького, в муниципальную баню. — Ничего, мне недолго ходить униженным и оскорблённым. Очень скоро мои идеи выстрелят!

Пока никаких идей у подшефного не наблюдалось. И Анжелика быстро почувствовала его дикую нетерпимость к любому давлению.

— Товарищ! Я ведь помочь хочу, я скорее коллега, чем учитель!



— Не называйте меня «товарищ»! И я сам учитель! — взъярился молодой человек.

Вчера он получил пятьдесят франков за перевод брошюры, и сегодня уже считал позволительным повышать на Балабанову голос.

Бен менялся буквально на глазах. Прочитав «Манифест коммунистической партии», потащил Анжелику в пивной зал, где по вечерам собирались мужчины, с удовольствием выясняющие, кто кого из политиков больше уважает. Это место притягивало Муссолини. Он с наслаждением слушал. А через полчаса ввязался в спор, да так яростно, так энергично стал что-то доказывать какому-то интеллигенту с профессорской бородкой, что дело чуть не дошло до драки. По дороге домой она пыталась успокоить молодого спорщика.

— Да ладно! — рассмеялся Бен. — Я просто оттачиваю голос. Но этого бородатого философа я срезал, будет знать!

Кстати, позже и сам стал считать себя философом. Услышав про Гегеля, заинтересовался им:

— О, вот это интересно! Правильно он говорит, что мир делится на две части: Я и не-Я!

Книги по марксизму, которые Анжелика приносила, перестали его интересовать.

— Недостаточно быть бунтарём! — пыталась убедить она. — Невозможно уничтожить несправедливость, просто злясь на неё. Чтобы вести за собой, нужно многое знать, анализировать неудачи и успех. Читай больше!

А он отвечал ей:

— Вот эти две — Ницше и Шопенгауэра — возьму, а на остальные времени не хватит.

Его уверенность в себе росла день ото дня, он стал щепетильным к своей внешности, в манерах почти исчезла истеричность. Всё чаще Бен садился за письменный стол и делал какие-то наброски. «Это очень хорошо, пусть пробует свои силы, пусть учится», — думала про себя Анжелика.

Разница в шесть лет позволяла Балабановой терпеливо относиться к его напыщенному эгоизму. «Его индивидуализм,

восхваление силы и физической храбрости — это всего лишь компенсация собственной слабости, жажды личного признания и самоутверждения, — пыталась Анжелика сама себя убедить. — Все мачо такие. Сумятица в голове пройдет, как только он почувствует себя по-настоящему равным другим людям».

Однако он не хотел быть равным кому-то. Он всегда хотел одного — стать первым.

По вечерам они теперь учили иностранные языки. Это давалось ему легко — благодаря абсолютному музыкальному слуху. Но Бен мгновенно забросил словари, когда в руки попался аккордеон.

Порой она возвращалась домой поздно, и он встречал её песней, только что подобранной на слух. В такие моменты ей казалось, что они будут счастливы. Да, счастье было так возможно, так близко. Не судьба. Нет, скорее, к счастью — столь неосторожно чуть не влюбилась по уши она.

Анжелика из последних сил держалась. Твердила каждый день себе:

— Нет, на моей душе играть нельзя!

Купила ему скрипочку задорого. Музыка, кстати, немало сблизил их. Бен стал чаще и откровеннее рассказывать о себе, о своём горьком детстве. Хотя вряд ли оно было горше, чем у детей итальянских рабочих.

— Кем я только не был! — себя жалеючи, вздыхал вчерашний бездомный. — Был бы верующим человеком, обязательно воскликнул бы: «Боже правый, за что?!» Я работал на стройках, грузчиком, посыльным на побегушках, ел на жалкие подаяния, меня несколько раз арестовывали за бродяжничество. И почему я должен страдать?!

Этот риторический вопрос молодой Муссолини задавал ей всё чаще, как только узнал, что она не из бедной семьи. «Горжусь, что рядом женщина из того класса, в котором по справедливости должен находиться я, равный ей или даже выше», — наверняка так он думал про себя. Анжелика очень быстро стала для него единственным человеком, с которым

он был самым собой, которого можно не бояться и кому не нужно лгать.

Как-то он провожал её на вокзал: Анжелика уезжала ненадолго в Женеву. Они шли по парку, и он рассказывал:

— Приехав сюда, в Лугано, я жил по горло в нищете. Однажды проходил мимо этого парка и был совсем несчастный от голода, думал, что не доживу до утра. Две пожилые англичанки сидели на скамейке и обедали — хлеб, сыр, яйца! Я не смог сдержаться, бросился на одну старую ведьму и вырвал еду у неё из рук. М-да... Хорошо, что она не сопротивлялась. Иначе я задушил бы их обеих...

Он грязно выругался.

— Эй, а нельзя ли без этих дурных слов? — попыталась его остановить Анжелика. — Я ведь не мужичок из пивного зала!

А Бен вдруг стал смеяться. Сунул руки в карманы нового пальто и залился, глядя ей в лицо и раскачиваясь всем телом.

— Да лучше бы я их убил! Ох-х, когда же придёт мой час реванша? Сколько можно ждать?

До самого вокзала они молчали. Впервые она села в поезд, не попрощавшись. И в Женеве всё из рук валилось. Когда вернулась, Бен сидел на стуле посреди комнаты, ждал. Глаза — как у раненого оленёнка.

— Чао! Верни наши отношения, прего!

Она помогала Ленину в подготовке к съезду РСДРП и надоело уехала в Швецию. Муссолини не писал ей. От друзей она знала, что Бен тоже весь в работе. Его статью опубликовала газета «Аванти!» — центральный орган итальянских социалистов, и он, страшно гордый, ходит по Лугано в новом галстуке.

А потом он вдруг проявился в Лозанне. И это был бы не Муссолини, если б не устроил грандиозный скандал. Всё произошло в католической церкви на лекции, с которой выступал перед молодёжью итальянский священник. И надо же было ему произнести сакраментальную фразу:

— Разве кто-то посмеет теперь утверждать, что бога нет? Тут Муссолини и крикнул:

— Конечно! Я посмею!

И вышел к амвону.

Но прежде чем выступать, он попросил кого-нибудь передать ему на время часы. Положил их перед собой. Делая драматические паузы после каждого слова, провозгласил: «Я даю богу пять минут, чтобы он поразил меня насмерть. Если не накажет меня за это время, его нет, он не существует».

Все обмерли, считая секунды. А он начал:

— Религия безнравственна! Она является физическим заболеванием. Верующие люди ненормальны! Излечите себя! Беритесь за дело! Гоните в шею всех эксплуататоров! Забирайте себе собственность, нажитую вашим трудом! Объединяйтесь в борьбе за свою свободу!..

Время вышло. Он вернул часы. Аудитория проводила его молча.

Бену понравился произведённый эффект. Ему внимали, он стоял выше других, смотрел на толпу сверху вниз. Это было главным. Муссолини поехал по разным городам с антиклерикальными лекциями. А к приезду Анжелики собрал свои выступления и издал брошюру под названием «Бога нет». Предисловие к ней закончил словами: «Верующие, Антихрист родился!».

Вернувшись, Анжелика попыталась поговорить с ним на эту тему:

— Стоит ли социал-демократу добиваться известности таким путём?

Бен отвечал с легким пренебрежением:

— Я политик, и жаль, если кто-то не видит этого. А для политика самое важное — чтобы о нём говорили. Что угодно, пусть делают замечания, пусть критикуют — лишь бы говорили. Значит, его заметили как личность. Если перестанут говорить — это хуже некролога. Люди могут быть очень патриотичными, но они нуждаются в том, чтобы другие думали за них...

Да, Муссолини, бесспорно, заметили. Очень скоро ему запретили появляться в италоговорящих кантонах, а потом правительство Швейцарии распорядилось вообще вы-

дворить его из страны как нарушителя спокойствия. Наверное, это было ошибкой. Потому что радикалы начали целую кампанию в его защиту, а депутат от социалистов осудил решение правительства. Все итальянские газеты отметили вопрос из его выступления:

— Хочу всех спросить: должна ли Швейцария, историей проверенное убежище для политических изгнанников и дезертиров, вернуть простого беженца Муссолини тираническому режиму, от которого он бежал?

Бенито мгновенно стал знаменитым. Как и мечтал. Выслан был не в Италию, а в Австрию. Оттуда не прекращал писать статьи для «Аванти!». Не прошло и года, как королевский указ гарантировал уклонистам амнистию. Его встречали в Швейцарии как триумфатора.

Анжелике уже сложно было скрывать от коллег свои отношения с такой неординарной личностью. Даже Ленин позже высказался:

— Муссолини — это смелый человек и прекрасный лидер. Жаль, что упустили его. Он привел бы итальянских коммунистов к победе...

Может быть, и привёл бы. Но — «в кузнице не было гвоздя». Лидер, да не коммунистов. Впрочем, фашистом он станет позже. Сейчас его всё бесит.

— Я увидел в ресторане меню — чуть с ума не сошел! Если бы вы только знали, что едят и пьют эти пьяные свиньи! Почему я не могу питаться так же? Почему я должен страдать? Я ненавижу богатых! Как долго мне ждать?

...Один случай Балабанова подробно опишет в своих мемуарах.

«За всю свою политическую жизнь я никогда не встречала человека, который так постоянно взывал к моему сочувствию, как Муссолини...

— Чего вы боитесь? — спросила однажды вечером, когда мы шли домой по пустынным улицам.

— Боюсь? — повторил он, останавливаясь и обводя вокруг глазами, которые, казалось, были полны ужаса. —

Я боюсь деревьев, собак, неба, а также собственной тени. Да, своей собственной тени!

Здесь он, казалось, взял себя в руки, пожал плечами и засмеялся.

— Я боюсь всего, всех — и себя самого! Знаете, а ведь я ненормальный! В какой сумасшедший дом меня заберут, не знаю, но я псих.

— Ну, конечно, вы сумасшедший, — отвечала я. — Но хватит постоянно болтать о своём безумии. Вы просто хвастаетесь им. На мой взгляд, вы просто хотите, чтобы вам всегда сочувствовали».

...Анжелика по-прежнему помогала своему протеже. С её подачи Муссолини был принят в Социалистическую партию. Он забросил сборник своих рассказов-ужастиков, стал чаще публиковаться в газете «Аванти!».

Прошло не так уж много времени, и они оба были избраны делегатами на съезд итальянской соцпартии. Исполком решил, что хватит социалистам разделяться на два крыла и махать ими вразнобой. Левых оказалось больше, и правых (даже если они и правы) нужно исключить. Если такая резолюция будет принята, всё руководство партии и редактора газеты надо менять.

— Кто предложит такую резолюцию на рассмотрение съезду? — переглядывались члены левой фракции на закрытом заседании.

— А почему бы нам не назначить Муссолини? — предложил кто-то.

— Муссолини? Это не тот ли, которого из Швейцарии выслали за антиклерикальные выступления?

Вот пришёл твой час, твой звёздный час, Бенито Муссолини! Ты стоишь на трибуне, смотришь в зал и низвергаешь предыдущее руководство крупнейшей партии Италии, добавляя к тексту от себя:

— К чему чрезмерная чувствительность по отношению к коронованным особам? Да и кто они такие, насколько они

полезные граждане вообще? Социалисты не могут позволить себе вечно молиться на них!..

Муссолини был избран в исполком партии. Редактором «Аванти!» хотели назначить Балабанову. Но она предложила кандидатуру Бенито.

— Надо дать дорогу молодым! А исполком поможет ему на первых порах. И я лично помогу.

Решено было сделать в газете двух редакторов. Только при таком условии Муссолини согласился.

Первое, что он сотворил, убрал всех неугодных авторов и помощников. Неугодных, на его взгляд. А если требовалось написать передовицу или спорную статью, просил Балабанову сделать это. Умолял молча, глядя своими оленьими глазами. Иногда исполком партии вызывал обоих редакторов на заседание или «на ковёр». Муссолини старался там не появляться.

О, как он полюбил выступать с балкона, чтобы видеть реакцию публики! Ему было всё равно, что его называют за это «Джульеттой». Он чувствовал себя по-настоящему счастливым, когда массы внимали ему снизу. И как же быстро он набирал вес! Лишь весной 1915 года, перед вступлением Италии в войну, Балабанова снова увидела его испуганным и жалким.

Бенито вбежал в редакционную комнату, весь дрожа. Лицо было бледно, а глаза полны ужаса. Он плюхнулся в кресло, закрылся ладонями и начал рыдать. Это не походило на прежние истерики, на этот раз было что-то другое, более сильное, чем обычный нервный припадок.

— Война! Война! — повторял он. — А готовы ли мы? Кто нам поможет?

— Успокойтесь! — привычно попросила Анжелика. — Никто воевать не собирается. Это в правительстве кто-то воду мутит, а мы с вами социалисты, и не должны поддерживать милитаристские призывы.

С тем и уехала в очередную командировку по делам II Интернационала.

Война перепутала все позиции социал-демократов, разделив их на «оборонцев», «интернационалистов», «пораженцев» и прочих. Италия же целых полгода держала нейтралитет, и все надеялись, что обойдётся. Но... Передовая статья в газете «Аванти!» призвала народ присоединиться к войне. Более того, в статье утверждалось, что это — позиция социалистов.

Исполком Социалистической партии созвал чрезвычайное заседание. Анжелика чуть ли не силой потащила туда и Муссолини.

— Зачем вы это сделали? — спросила она по дороге.

— А чтобы правительство перестало колебаться! — гордо заявил он. — Сейчас и партия, и депутаты будут вынуждены одобрить мою инициативу. — Им некуда деваться! Мой час настал! Хватит отсиживаться в окопах!

— Человек, говорящий так, не может быть членом Социалистической партии, — тихо сказала Анжелика, понимая, что это конец. — Он должен быть на фронте или сидеть в сумасшедшем доме.

Из партии Муссолини был исключён, с должности редактора снят. Но теперь «Джульетта» снова вещала с балконов, призывая народ к оружию.

— Мне нужно несколько тысяч убитыми, прежде чем сесть за стол мирных переговоров! — кричал Муссолини в микрофон.

Очень скоро Италия вошла в войну.

**Автор (из-за кулис):** Много позже Анжелика Балабанова узнала, что в тот день у Бенито в кармане лежал чек на 15 тысяч швейцарских франков. Чек на предъявителя за подписью самого Моргана. Передовая статья Бена в газете — это заказ тех, кто заинтересован в войне. Потом у Муссолини будет много таких чеков в кармане. Спустя тридцать лет, 28 апреля 1945 года, лидер итальянских фашистов и личный друг Гитлера, будет казнён партизанами.



## КАРТИНА 20-я

### «Святой Георгий» — чужому маршалу

*Действующие лица:*

✓ **Луиджи Кадорна** (1850—1928) — граф, начальник генштаба, фактически главнокомандующий итальянской армией.

✓ **Виктор Эммануил III** (1869—1947), последний король Италии.

✓ **Алексей Брусилов** (1853—1926) — генерал от кавалерии, русский и советский военачальник.

✓ **Михаил Алексеев** (1857—1918) — начальник штаба Верховного главнокомандующего (с августа 1915 года). Активный участник Белого движения в годы Гражданской войны.

✓ **Николай II** (1868—1918) — последний российский император.

*Место действия* — Италия, Галиция.

*Время действия* — май 1915-го — осень 1916 года.

**Автор (из-за кулис):** Италия вступила в войну 23 мая 1915 года, и в тот же день граф Луиджи Кадорна, назначенный начальником генерального штаба Королевской итальянской армии, начал наступление. Имел трёхкратное превосходство по числу солдат и твёрдый приказ короля отнять у Австро-Венгрии приглянувшиеся земли. Дюжину крупных неудачных сражений выдержала за год итальянская армия, почти полмиллиона потеряла убитыми у реки Изонцо, но потом начала беспорядочно отступать. Король Виктор Эммануил III запросил помощи у русского императора Николая II.

**Н**ЕБОЛЬШОГО роста человек с длинной худой шеей и узкой бородкой, отодвинув тяжёлую портьеру, смотрел на площадь перед дворцом. Он знал, что за спиной кое-кто из придворных называет его «Маленькой саблей», но не испытывал от этого ни злости, ни дискомфорта. Он считал поверхностным и легкомысленным великосветское общество, предпочитал проводить время в сельской местности, там охотился, рыбачил или читал книги по военной истории, усевшись под тенистым деревом. С детства собирал марки и очень гордился своей коллекцией монет.

Все, кто считал его «слишком миниатюрным для великой страны», не существовали для него. Ему было всё равно. Его папаша, король Умберто I, однажды сказал наследнику:

— Сын мой, вот вам мой добрый совет. Всё, что вам нужно знать, когда начнёте править, — это как поставить свою подпись, прочитать свежую газету и быстро сесть на лошадь. Всё остальное не нужно королю. Свита всё сыграет и сделает за вас.

Пятнадцать лет прошло, как нет отца. Его убил анархист. Интересно, что за много лет до этого английский предсказатель Луис Хамон напроорочил насильственную смерть отца. И очень странно, что в тот же день был убит и неофициальный двойник короля.

На суде проклятый анархист ещё посмел заявить: «Я не убивал Умберто. Я убил короля. Я убил принцип». Дикие люди, эти революционеры. «Странно, что идеи социалистов пользуются такой популярностью в моём народе, — подумал маленький король. — Их газету “Аванти!” читают, похоже, все».

Не далее как вчера король Италии Виктор Эммануил III прочитал в этой газете воззвание. Передовая статья звала народ выйти на улицы и поддержать социалистов в требовании начать войну.

— Хватит отсиживаться в окопах! Сколько можно терпеть? Пришёл наш час! Все на улицу! Италия, в ружьё!

Так писала вчера газета. И теперь он, маленький человек, придерживая свою маленькую саблю, смотрит равнодушно вниз, где десятки тысяч человек собрались на митинг. Они скандируют:

— Война! Война! Хватит сидеть в окопах! Хватит терпеть!

Король позвонил в золотой колокольчик, вызвал к себе начальника генерального штаба графа Кадорна.

— В ближайшие дни мы начинаем войну с Австро-Венгрией. Прошу вас принять необходимые меры для масштабного наступления нашей армии.

— Ваше Величество, но ведь палата депутатов и правительство...

— Правительство будет отправлено в отставку. Я всё решил. Попрошу вас действовать незамедлительно.

М-да... Войну объявлять — это вам не на лошадь садиться. Маленькие люди тоже способны натворить немало больших дел.

Генерала Кадорна не любили в армии. Он и внешне не внушал надежд на скорую победу — жирный и благоденствующий. Штаб-квартиру граф приказал поставить рядом со Ставкой Верховного главнокомандования, максимально близко к королю и максимально далеко от передовой. Виктор Эммануил III тоже прибыл на фронт. Вместе с женой, которая бесстрашно отправилась в госпиталь ухаживать за ранеными. Король и сам появлялся в окопах, однажды даже попал под миномётный обстрел.

Первое наступление провалилось. Кадорна считал непререкаемой старую военную тактику: армия должна разом подняться в атаку, клином пробить оборону противника и дальше расширять захваченный плацдарм. Граф приказал офицерам показывать пример храбрости — их и побили в первую очередь. Австрийские пулемёты выкосили наступавшие цепи, уложив пехоту ровным слоем на нейтральной полосе.

Это не было поле. Битва была, а поля битвы не было. Итальянские солдаты и их бесстрашные офицеры умирали

на альпийских лугах, и заснеженные горные вершины — это последнее, что они видели в своей жизни. Там, за этими горами — Австро-Венгрия. Отнять у неё эти земли король давно мечтает. Получить любой ценой. Пусть даже ценой солдатской жизни, умноженной на сотни тысяч.

Атака за атакой. Генерал Кадорна посылает в бой всё новые резервы. Можно не жалеть солдатские жизни — поставлены под ружьё пять миллионов молодых итальянцев, треть из них — неграмотны. На всех не хватило винтовок, касок, противогазов. Пусть идут в бой так — у погибшего товарища подберут винтовку. А кто не желает идти в атаку, с теми разговор короткий, — в спину целят свои же пулемётчики. У тебя нет выбора, бамбино...

Двенадцать крупных сражений проиграно. Почти миллион убитых и раненых. Те, кто выжил под огнём в беспрестанных атаках, тысячами умирали от тифа и холеры, обморожения и отравляющих газов. Порой солдаты, сговорившись, одновременно стреляли друг в друга, чтобы прекратить дальнейшие бессмысленные мучения. То был их ответ генералу Кадорна — невежественному, одержимому маньяку-эгоисту с необузданной жадой власти, в грош не ставившему человеческую жизнь.

Армия отступала, и на её плечах австрийские войска вошли в Италию. Положение стало критическим. Виктор Эммануил III с супругой немедленно вернулись в Рим. В тот же день король отбил телеграмму в Россию.

«Царское Село. Его Величеству Государю Императору Николаю Александровичу.

С чувством глубочайшего уважения обращаюсь с великой просьбой к Вашему Величеству как к старшему брату по Тройственному союзу.

Королевская итальянская армия имела несколько неудачных боевых действий с Австро-Венгрией и была вынуждена отступить с большими потерями. Сложившееся положение вызывает у меня тревогу за судьбу моей страны. Посемучитаю возможным представить на благовоззрение Вашему

Величеству прошение о скорейшей военной помощи. Наступление российской армии, безусловно, придало бы нам новые силы для полной победы над общим врагом.

Остаюсь в надежде, что великая и сильная Россия не оставит в беде мой народ. Виктор Эммануил».

Николай II тут же выехал в Ставку советоваться со своими генералами. Пока он ехал, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Михаил Алексеев телеграфирует с пометкой «Спешно» командующему Юго-Западного фронта генералу Брусилову:

«Итальянцы потерпели неудачу, которая может обратиться в катастрофу, если австрийцы будут продолжать операцию достаточными силами. Союзники, особенно итальянцы, настоятельно просят нашего содействия переходом в скорейшее наступление хотя бы только войсками Юго-Западного фронта, дабы принудить австрийцев оттянуть против нас часть сил, собранных ныне на итальянском фронте... Начать общую атаку в данное время мы не можем, но произвести удар вашим фронтом против ослабленных войск противника представляется выгодным в виде начала общей операции и крайне желательным для оказания действительной помощи итальянцам, положение которых, по-видимому, продолжает ухудшаться. Прошу вас спешно уведомить, когда могут быть закончены фронтом подготовительные работы для производства атаки».

В тот же день, 11 мая 1916-го, Алексей Брусилов ответил, что готов атаковать через неделю, 19-го. На военном совете он начал свой доклад неожиданно:

— Возглавив фронт, я узнал, что мой предшественник категорически донёс в Ставку следующее: войска Юго-Западного фронта не в состоянии наступать, а могут только обороняться, — генерал увидел, как государь удивлённо поднял голову, и продолжил. — Я лично не согласен с этим мнением; напротив, твёрдо убеждён, что ныне вверенные мне армии после нескольких месяцев отдыха и подготовительной работы находятся во всех отношениях в отличном

состоянии, обладают высоким боевым духом и готовы к наступлению. А потому я настоятельно прошу предоставления мне инициативы действий, конечно, согласованных с остальными фронтами. Если же мнение, что Юго-Западный фронт не в состоянии наступать, превозможет и моё мнение не будет уважено, как главного ответственного лица в этом деле, то в таком случае моё пребывание на посту командующего не только бесполезно, но и вредно, и в этом случае прошу меня сменить...

В комнате для совещаний повисла мёртвая тишина. Императору такое заявление генерала и его стремительность явно не понравились.

— Полагаю, что спешка здесь неуместна, — твёрдо и не глядя ни на кого, завершил заседание Верховный. — Назначая наступление на двадцать второе.

Командующие других фронтов резво поддерживали императора. Один из них попенял Брусилову, когда они вышли из Ставки:

— Алексей Алексеевич, любезный, вам была дана возможность не лезть вперёд батьки, а вы ставите на карту свою репутацию...

Все последующие дни командующие Северным и Западным фронтами уговаривали Николая II отложить наступление.

— Позиции противника настолько сильно укреплены, что надеяться на удачу трудно, скорее мы понесём громадные потери, — утверждал один.

— Лучше было бы держаться оборонительного образа действий до тех пор, пока мы не будем обладать тяжёлой артиллерией, хотя бы в том же объёме, что и противник, — вторил другой.

А срочные телеграммы из Рима всё шли. И просьбы начать наступление уже сменились горячей мольбой спасти престол Италии.

Юго-Западный фронт готовился всерьёз. В тылу построили несколько тренировочных полигонов, на которых рус-

ская армия отрабатывала будущий прорыв. А на передовой шли масштабные земляные работы: от наших окопов в сторону австрийских скрытно копались ходы, по которым можно будет подобраться к противнику на сто-двести метров. Артиллерия настраивалась разнести в клочья десятки рядов колючей проволоки и пулемётные гнёзда, выявленные авиаразведкой.

Генерал Брусилов, объезжая тренировочные полигоны, почему-то вспомнил, как незадолго до войны, в мае 1914 года, он отдыхал на курорте в Баварии, на границе с Австро-Венгрией. Был какой-то городской праздник. На площади немцы и австрийцы построили гигантский макет московского кремля, взяли его штурмом, а затем подожгли под восторженный рёв толпы. «Теперь вот мы тренируемся брать ваши укрепления», — хмыкнул он в свои роскошные усы.

Когда всё было готово, командующий Брусилов прибыл в Ставку. Начальник штаба главковерха Михаил Алексеев с порога сказал ему:

— Я несколько сомневаюсь в успехе ваших действий вследствие необычного способа, а именно атаки одновременно во многих местах вместо одного удара всеми собранными силами и всей артиллерией.

Видя, как посуровело лицо Брусилова, добавил тише:

— Верховный желает временно отложить атаку, дабы вы брать лишь один участок для удара.

— Категорически возражаю! — отрезал Брусилов. — Прошу дозволения лично и немедленно доложить Верховному.

— Его Величество уже легли спать, и будить его неудобно, тем более что он просил вас ещё раз всё хорошенько обдумать.

— Сон Верховного меня не касается, и думать мне больше не о чем, кроме как о наступлении, а оно готово.

Генерал Брусилов вернулся к себе злой, как чёрт. Он знал, что завтра же его снимут с командования фронтом. Наверное, кое-что снимут и с погон, хорошо, если не вместе

с головой. Он был уверен, что дерзкий ответ уже должен императору. Но через час ему принесли подписанный приказ о наступлении.

В три часа ночи началась артподготовка, которая продолжалась больше суток. Трижды огонь прекращался, чтобы дать отдых перегревшимся стволам, и чтобы вынудить противника вернуться в свои окопы... и снова бежать из них. На третий раз враг не стал занимать разрушенную линию обороны, ожидая нового обстрела, но как только стихли разрывы, австрийские траншеи мигом заняла русская пехота.

Не всё, конечно, прошло гладко. На одном участке батальон залёг под пулемётным огнём. Положение спасла крестница Брусилова, Антонина Пальшина. Как когда-то кавалерист-девица Надежда Дурова, пошла Антонина добровольцем на фронт под мужским именем. К лету 1916-го была уже младшим унтер-офицером. Она и подняла солдат в атаку. Сама в том бою получила тяжёлую контузию и многочисленные осколочные ранения. Брусилов лично вручил Пальшиной второй Георгиевский крест.

В первый день «Брусиловского прорыва» было взято в плен свыше сорока тысяч солдат и офицеров. Это наступление стало фактически единственной серьёзной победой российской армии в Первой мировой войне. Австрийцев отогнали на сто с лишним километров. Италию спасли.

За эту блестящую операцию генерал Брусилов был представлен к награждению полководческим орденом «Святого Георгия» 2-й степени. Однако император Николай II не утвердил представления. Наградил гениального русского полководца лишь «Георгиевским оружием», без ордена. Видимо, вспомнил строптивость генерала. А орденом «Святого Георгия» российский император наградил итальянского графа Луиджи Кадорна, который спустя несколько лет станет маршалом в фашистском военном ведомстве Муссолини.



**Автор** (*из-за кулис*): Граф Кадорна знаменит ещё тем, что снял с себя все обвинения, когда его вызвали в правительство Италии отчитаться за поражения. Оправдался короткой фразой: «Армия попала не под удары внешнего врага, а под удары внутреннего врага, для борьбы с которым я отправил правительству четыре письма, не получив ответа». Итальянский маршал Кадорна пережил русского генерала Брусилова на два года.

## КАРТИНА 21-я

### У ангелов смерти тоже есть заповеди

*Действующие лица:*

✓ **Джованни Мёссе** (1883—1968) — крупный итальянский военачальник. Поступил добровольцем в армию в 18 лет. Во время Первой мировой войны сражался в штурмовых отрядах ардити. В начале 30-х годов, будучи уже генералом, примкнул к фашистам.

✓ **Луиджи Кадорна** (1850—1928) — граф, начальник генштаба, фактически главнокомандующий Королевской итальянской армией.

✓ **Виктор Эммануил III** (1869—1947) — последний король Италии.

✓ **Луис Хамон** (1866—1936) — британский граф (по купленным документам), известный хиромант, ясновидец, предсказатель судеб.

✓ **Джованни Соринелли** (1899—1916) — солдат штурмового отряда (ардити) Королевской итальянской армии.

*Место действия* — Западный фронт (Итальянская армия).

*Время действия* — осень 1916 года.

**Автор (из-за кулис):** Когда Италия вступила в войну, немцы придумали анекдот: «Бог, создавая армии, расставил их по силе и мощи. Последней оказалась армия Австро-Венгрии. Её начальники взмолились: „Господи, ведь мы же должны кого-то бить!“ Бог услышал и создал итальянскую армию». Истинная доля правды в этой шутке вскрылась в битвах под Изонцо и Капоретто, с позором проигранных графом Кадорна. Но в Королевской итальянской армии были и отдельные подразделения, которые не знали поражений, например штурмовые батальоны. Они считали себя ангелами смерти, их называли ардити, что в переводе с итальянского означает «бесстрашные».

**П**ОСЛЕ завтрака в расположение 2-го штурмового батальона прибыло пополнение. Из грузовика вылезли двое: здоровенный амбал с бородой и щупленький пацан лет семнадцати. «Фиат» с полным кузовом новеньких поехал дальше, лейтенант Моретти забрал в свою первую роту здоровяка, тот успел лишь пригрозить собравшимся зевакам из второй роты:

— Кто мальчишку тронет, со мной дело иметь будет!

— Внеустановная любовь? — попытался сострить кто-то, но тут же поперхнулся от колючего взгляда бородача.

Сержант Мессе повёл новичка в казарму, показал ему свободную койку. Тут уж парнишку окружила чуть ли не половина второй роты.

— Давай, бамбино, рассказывай, как ты попал к ангелам смерти? Откуда ты?

Тот сидел спокойно, нимало не робея, оглядывал всех внимательными чёрными глазами.

— Я из Сицилии. Зовут Джованни Соринелли. В армию пошёл добровольцем. А что? Лучше спать на кровати, чем в окопе. Коли всё равно погибать, так уж лучше героем...

— Стоп, маленький мой тёзка! — перебил его сержант. — Ты что, помирать сюда прибыл? Так ты ошибся, парень, тут не кладбище. Похоже, тебя вообще не учили нигде и ничему, раз ты путаешь ардити с воротами в рай.

— Да нет, в школе ардити я три месяца отучился. Все виды оружия знаю. За метание ножа даже медаль получил.

Парень потрогал китель, чтобы все убедились, что он не врёт. Никакого впечатления его награда на будущих сослуживцев не произвела.

— Ну, а ещё чему тебя там учили? — спросил миролюбиво сержант, закуривая сигарету.

Все заулыбались, зашевелились, словно чувствуя, что сейчас будет долгий рассказ, как живётся там, на воле, хоть и в учебных лагерях. Отвыкли же, соскучились — два месяца на передовой, ни развлечений, ни отпусков, хотя ещё неделю назад обещали девушек привезти. Вместо

девушек — кинули роту брать высоту, пятерых бойцов потеряли безвозвратно, девятнадцать раненых в тыл увезли. А вместо нормального пополнения — бамбино-ножеметатель.

— Да там всему учили! Вы же знаете, сами учились, наверное...

— Нет, дружок. Учебные лагеря летом созданы, а мы тут с весны воюем. И когда тебя старший по званию о чём-то спрашивает, отвечать нужно чётко и по существу.

— Виноват! Расскажу как есть. Я из бедной семьи. Пятеро нас у матери. Отца призвали, он служил под началом генерала Кадорна, был убит под Изонцо — так что нет ни его могилы, ни у матери пенсии. Старшим остался я. Не стал дожидаться повестки, сам записался в армию. Просился в сапёры, а тут как раз добровольцев отбирали в школу ардити. Я прибавил себе год и вызвался.

— И каково там было, в школе?

— Там строго всё было. Подъём в пять утра. После утренней пробежки на два километра — прыжки через верёвки, колючую проволоку, рвы, столы, стулья и прочие препятствия. На время, по отделениям. После обеда — психологическая подготовка. Вечером — спортивные состязания: бокс, борьба, футбол, прыжки в длину и высоту. С первых дней проверялась стойкость — кто сколько может выдержать такой жизни. Самое страшное испытание — бункером. Сажали в каменный мешок целое отделение, бронированная дверь наглухо закрывалась, и целый день инструктора швыряли на крышу гранаты. Хоть затыкай уши, хоть помирай от страха в крошечной темноте, а должен выдержать...

Все вокруг засмеялись:

— Это нормально! Надо было обняться всем, прижаться друг к другу — вместе легче выдержать!

— Мы так и сделали. Потом нас в пример ставили.

— Молодцы! Сразу поняли первую заповедь ардити!

— А что, у штурмовиков есть заповеди?

— Целый кодекс чести! — с гордостью произнёс сержант Мессе. — Ну-ка, ребятки, выдайте хором нашему сицилийскому Гаврошу первую заповедь ардити!

— Название этих специальных войск подчёркивает их слаженную храбрость, верность и силу! — загремело в казарме дружное разноголосье. — Главная задача ардити — победить любой ценой, а главное для победы — смелость, единство и дух товарищества!

— Слыхал, Гаврош? — сержант был явно доволен. — Единство и сила духа! Учили вас этому в школе?

— Так точно! Нам постоянно твердили, что победа находится за последней траншеей противника, и нужно смело идти вперёд, а если враг окружает, то нужно окружить врага! И атаковать, атаковать его!

— А что вам говорили об оружии? Учили, чем бить врага?

— Говорили про пуленепробиваемые кирасы, особые шлемы, щиты и специальную обувь. Только я что-то не вижу всего этого в казарме...

Стены казармы зашатались от громового хохота.

— Э-э, Гаврош, всё это вчерашний день! Жилет с массой карманов и кинжал — вот что нужно в бою. Минимум десятков гранат, по одной в каждой руке, кинжал в зубах, нож на поясе — и вперёд, к последней траншее противника, где ждёт победа. Понял?

— Да, нас приучали гранаты бросать с любой руки. И даже было такое испытание: инструктор кидает боевую гранату тебе под ноги и смотрит издали, как среагируешь.

— Ого, парень, раз ты живой остался, значит — правильно среагировал!

— Ну да, — улыбнулся, наконец, и мальчишка. — Не отчислили, и вот я здесь, буду воевать с вами, как и хотел.

— А покажи-ка, малыш, своим боевым товарищам, что у тебя в вещмешке! — дружелюбно попросил долговязый рыжий солдат.

Новичок развязал тесёмки, вывалил содержимое на одеяло. Тут были и завёрнутые в полотенце сухари, и противогаз,

и фляга, и запасное бельё, и носки — всё вместе, небольшая кучка.

— Понятно, Гаврош, — сказал сержант. — Вот тебе ещё одна заповедь ардити: «Не носи с собой ничего лишнего — всё добудешь в бою». Тут тебе не пехота, сухари нам не нужны.

Словно в доказательство, вестовой от двери крикнул:

— Грузовик пришёл, можно ехать на обед!

Никогда сицилийский мальчишка Джованни Соринелли не съедал столько за свои семнадцать неполных лет. Чашка горячего бульона, здоровенный кусок телятины, огромная миска спагетти, полкаравая белого хлеба, кофе да ещё стакан красного вина. Он ел и ел, а бойцы смотрели на него и молчали. Они уже знали, что через три часа им штурмовать высоту, а он не знал. Пусть Гаврош ест. Да, похоже, эта кличка прилепилась к нему.

В казарме сержант приказать всем отдыхать час. Большинство спали. Потом все пошли в соседнее здание — получать гранаты.

— Это тебе, примерь, — сержант протянул парню жилет с карманами спереди, с боков и даже сзади. — В него входит двенадцать гранат, проверено не раз. И выбери себе ещё кинжал. Не робей, помни наши заповеди!..

«Мы победим или умрём!» Вторую часть своего девиза штурмовики не особо почитали. А кому охота погибать молодым?

К высоте, которую нужно взять во что бы то ни стало, отряд тоже подвезли на грузовике.

— Проходы в заграждениях проделаны, всё как обычно: гранаты в руки, кинжалы в зубы. За штурмом наблюдает лично Его Величество Виктор Эммануил III.

— Идущие на смерть ангелы приветствуют тебя! — крикнул рыжий верзила, вскинув вверх руку.

— Не умничай! — одёрнул его сержант Мессе. — Мы победим! Вперёд, ангелы смерти! Гаврош, держись возле меня!

...То была страшная битва. Артиллерия ещё продолжала стрелять по квадратам. И как только слева или справа перестали рваться снаряды, обе роты ардити полезли вверх. На легке — прямо на пулемёты, на этот жалящий рой смертельных пуль. Важно напугать неприятеля скоростью и мощностью. Главное — не бояться смерти. Тот, кому повезёт победить и не умереть, позаботится о раненых. «Своих не бросаем!» Об этой заповеди тоже говорил сержант Мессе. Он и повёл в атаку вторую роту.

Они закидали гранатами траншею, и вот уже рукопашный бой кипит в тесном пространстве, где острый кинжал быстрее пули. Новичок уверенно действовал кинжалом, завалил одного австрияка, но, подняв на мгновение голову, увидел вдруг, как недалеко, в каких-то десяти метрах, враг душит сержанта Мессе. Конец его уже близок, не помочь тёжке. Нет, за секунду успел — размахнулся и метнул свой кинжал в шею врага. И даже успел ещё увидеть, что попал точно.

...На самой вершине горы уже взвился итальянский флаг. Но несколько вражеских снарядов разорвалось недалеко от наблюдательного пункта, где монарх через бинокль следил за ходом успешного боя.

— Ваше Величество, здесь становится небезопасно, — угодливо подскочил поближе начальник генштаба граф Кадорна. — Хорошо бы вам иметь двойника.

— У меня нет двойника, и вы это знаете, — не отрываясь от бинокля, ответил король. — У папы был...

Он не стал продолжать. Двойник был неофициальный, так можно сказать. Просто однажды король Умберто I зашёл со своей свитой в небольшой ресторанчик. Обслуживал их сам хозяин. И все приближённые ахнули, когда его увидели: он — точная копия итальянского монарха. Такого же маленького роста, такие же пышные усы. Оказалось, что и родились они с королём в один день и год, и у обоих единственный сын по имени Виктор, и жёны носят одинаковые имена...

Никому и никогда не рассказывал Виктор Эммануил III о предсказании астролога Луиса Хамона. Ясновидящий английский граф сказал тогда отцу:

— Бойтесь лета тысяча девятисотого года. Это — смерть. Пуля поразит в тот день ещё какого-то человека. У вас одна судьба на двоих.

Король регулярно спрашивал приближенных о своём двойнике. А 29 июля 1900 года ему сообщили, что хозяин ресторана убит случайной пулей в уличной перестрелке.

— Всё-таки у нас разные судьбы, — усмехнулся король.

Когда он приехал к ресторану, чтобы выяснить подробности случившегося, из толпы выбежал какой-то человек и выстрелом в упор убил монарха.

...Мимо наблюдательного пункта, где Виктор Эммануил III смотрел, как ардити добивают врага, нескончаемой цепью шли раненные. Какой-то сержант, весь в крови, нёс на руках мальчика. Тот был в форме ардити, но выглядел совсем ребёнком. Сержант плакал — мальчик был явно неживой.

— Я видел в бинокль этого сержанта, — сказал король. — Это он первым бросился на штурм. Достоин золотой медали «За воинскую доблесть».

Граф Кадорна почтительно заметил:

— Ваше Величество, ардити не жалуют награды. Они предпочитают отпуск.

— Хорошо, — недовольно сказал король. — Отправить его в отпуск на месяц. И присвоить звание лейтенанта.

Через секунду поправил сам себя:

— Нет, дайте ему звание капитана. И после отпуска — адъютантом в мою свиту...

**Автор (из-за кулис):** Джованни Мессе станет адъютантом итальянского короля Виктора Эммануила III. В 1941 году генерал-майор Мессе будет назначен командиром Экспедиционного итальянского корпуса в России. Этот корпус в тяжёлых боях на Украине потерял почти пять тысяч



человек. В январе 1943-го Мессе назначат командующим Африканским корпусом (на замену генерал-фельдмаршала Э. Роммеля). 13 мая 1943 года корпус с разрешения дуче капитулирует. За день до этого Мессе станет маршалом: лидер итальянских фашистов Муссолини с удовольствием привлекал к себе на службу штурмовиков. Особенно ему нравился боевой жест ардити — вскинутая вперёд-вверх правая рука с кинжалом.

## ДЕЙСТВИЕ ВОСЬМОЕ

### Франция: «Родина, поддержи нас!»

*«Триумфальный захват Парижа, на который рассчитывала Германия, так и не состоялся, и в последующие четыре года немцы сражались на Западном фронте, в августе 1918 года так же надеясь на победу, как и в августе 1914 года. Но надежды, которые они лелеяли в прошедший месяц — одним мощным ударом разгромить Францию, чтобы затем развернуть всю свою военную мощь против России, рухнули раз и навсегда. Война быстрых побед обратилась стратегией прошлого и мечтой о будущем. Германия осознала, что ей придётся сражаться на два фронта, на Западе и на Востоке, в постоянной опасности. Франции предстояло сражаться на своей земле, России — отвоёвывать свои территории на западе, а Австрии — на востоке. До Рождества оставалось ещё три с половиной месяца, но каждое государство, принимавшее участие в войне, должно было искать новые стратегии и даже новых союзников».*

**Мартин Гилберт «Первая мировая война»**

## КАРТИНА 22-я

### Завтра была война: первая жертва

*Действующие лица:*

✓ **Жан Жорес** (1859—1914) — видный деятель французского и международного социалистического движения, убеждённый пацифист, активный борец против милитаризма.

✓ **Жорж Клемансо** (1841—1929) — политический и государственный деятель, министр внутренних дел (март—октябрь 1906 г.), премьер-министр Франции (с октября 1906-го по июль 1909 г. и в 1917—1920 гг.).

✓ **Рауль Вийен** (1885—1936) — недоучившийся французский студент, экзальтированная личность с неадекватной психикой.

**Автор (из-за кулис):** Его голос в начале двадцатого века знала вся страна. Этот грузный бородатый мужчина был дипломированным профессором, много лет избирался депутатом парламента Французской республики, ездил по городам, выступал на многолюдных митингах. От этого «тучного человека с красным лицом нормандского крестьянина, с огромной шевелюрой, целым лесом волос на голове, любая новая аудитория ожидала густого ораторского баса». А он начинал говорить высоким, звенящим голосом — да так, что с первой фразы в зале устанавливалась молитвенная тишина. Жан Жорес был не просто лидером французских социалистов. Он был непревзойдённым оратором. И всю свою жизнь он положил на алтарь борьбы против войны.

**Н**ОВЫЕ знакомые, да и старые друзья тоже, нередко спрашивали его: «Кто ваш главный враг?» Видимо, они ожидали, что Жорес назовёт конкретное имя. Он, как всегда, честно и с неизменной страстью отвечал:

— Мой враг — это война. Она уже принесла много бед человечеству. И сегодня она снова на пороге. Прошли времена, когда из-за войны лишь вытаптывали посевы на поле битвы, когда война носила внешние черты грозной красоты, рыцарства и благородства. Теперь все, от мала до велика, почувствуют её. Миллионы будут противостоять друг другу на фронте. Они обрушат друг на друга невиданную мощь огня и железа. Представьте поля Шампани, где всё выжжено, сама земля изуродована, где страшный фейерверк взрывов ослепляет и оглушает солдат, где звон металла, грохот, пламя, дым, где стоны раненых и последние слова умирающих сливаются в картине ада! Людские потери будут исчисляться миллионами. Современная промышленность станет орудием войны и будет работать только на разрушение. Дальше — падение экономики, голод, эпидемии. Европу поразит такое страшное бедствие, что повергнутые в горе и ужас народы увидят, как на них надвигается Апокалипсис! Вот что такое будущая война!..

Однажды он приехал с лекцией в Лион. Это было 25 июля 1914 года. За полчаса до выступления Жорес прочитал переданную ему телеграмму: «Австро-Венгрия разорвала дипломатические отношения с Сербией». Он обмер, застыл в каком-то оцепенении. Сразу заболела голова, как это часто бывало с ним за последнее время. Очнулся уже на трибуне.

— Граждане! Никогда за последние сорок лет Европа не находилась в состоянии более угрожающем и более трагическом, чем сейчас, — так начал он свою речь. — В настоящий момент мы, быть может, находимся накануне того страшного дня, когда Европа окажется в огне, весь мир будет в огне...

И дальше он скажет то, что не раз повторял в своих выступлениях, о чём писал в своей газете «Юманите»:

— Пока соперничающие Германия и Англия открыто или тайно ставят друг другу палки в колеса во всех уголках земного шара, Соединённые Штаты Америки под шумок растут и начинают претендовать на мировое господство. Что это значит? Это значит, что если Англия и Германия сейчас передерутся и ослабят друг друга, то они завтра окажутся лицом к лицу с окрепшим могуществом США, которые, воспользовавшись их распрей в Европе, расширят свои рынки сбыта, опутают мир своими сетями...

В переполненном зале стоит гробовая тишина. Люди почувствовали глубокую тревогу, ужас перед надвигающейся войной, картину которой нарисовал перед ними лучший оратор французского парламента Жан Жорес. А он продолжает:

— Все европейские правительства сейчас повторяют: война будет преступлением и безумием! Но те же самые правительства, может, уже через несколько недель скажут миллионам людей: ваш долг — участвовать в войне. Да, участвовать в этом преступлении и в этом безумии! И если люди будут протестовать и попытаются разбить цепи этого безумия, их назовут предателями и злодеями, на них обрушат все кары!..

Он говорит об ответственности буржуазии всех стран за то, что смертельная угроза нависла над Европой. Он говорит и об ответственности французского правительства — не выбирая слов, прямо, резко. Зал чувствует, как сильно взволнован и потрясён оратор, даже голос его порой слышится на фальцет. Но профессор Жорес по-прежнему страстен, по-прежнему сверкают его голубые глаза, помогая жестикуляции его порывистых рук.

— Как бы то ни было, граждане, и я говорю это с отчаянием: в час, когда нам угрожают убийство и варварство, выход по-прежнему есть, — несётся с трибуны в зал. — У нас имеется лишь одна возможность сохранить мир и спасти цивилизацию. Единственный выход состоит в том, что пролетариат, рабочие всех стран должны сплотить все свои силы и объединить их в борьбе за мир...

Жан Жорес возвращался из Лиона в Париж совершенно обессиленный, опустошённый. В пустом купе молча смотрел на злополучную телеграмму, в кратком тексте которой ему виделись все ужасы надвигающейся войны. Он знал, что она расколет человечество на друзей и недругов, братья по крови станут кровными врагами. И кто теперь наш враг? Что ответить знакомым и друзьям?

Жорес никогда не боялся врагов. Даже тех, с кем его взгляды расходились, он уважал, предпочитая побеждать аргументами и иронией в парламентских дискуссиях. И никогда не мстил. Был, например, такой добрый приятель Жорж Клемансо. Тоже радикал с уклоном в социализм. Но честолобив, агрессивен. Дорогу ему Жорес не переходил, наоборот, старался помочь.

Восемь лет назад адвокат Фердинанд Сарьен неожиданно для самого себя стал главой правительства и на радостях пригласил на лёгкий ужин узкий круг своих друзей. Как попал в этот круг журналист Клемансо, неизвестно. Естественно, разговор заходил и о будущих министерских портфелях. Когда подали десерт, Сарьен подвинул к новому гостю поднос:

— Вот ликёры, сыры, фрукты, печенье — берите что хотите!

— Я беру министерство внутренних дел, — гордо глядя перед собой, заявил Клемансо.

Ошарашенные друзья Сарьена молча смотрели на хозяина. Они знали, что адвокат собирался по традиции, как это делали премьеры раньше, сам взять этот портфель. Сарьен не стал портить вечер, протянул миролюбиво:

— Ну-у, ладно! Мне останется министерство юстиции...

...Нет, Клемансо не был врагом. Даже когда стал премьер-министром, «подсидев» Сарьена. Жорес не без удовольствия пикировался по-журналистски с Жоржем. Уважал нового главу правительства за острый язык и напористость тигра. И за точные формулировки. Особенно ему нравился афоризм Клемансо про Соединённые Штаты:

— Америка — единственная страна, которая от стадии варварства перешла прямо к упадку, минуя стадию цивилизации.

Молодец, золотые слова! Побольше бы таких врагов, тогда и друзей не надо вовсе!

Лучшими друзьями для Жана Жореса всегда была семья, жена и двое детей. Он их любит совершенно искренне. Жена, правда, никогда не понимала, чем он занимается. Луиз обожает наряды, увеселительные посиделки, вот и сейчас, встретив мужа из Лиона, спешит поделиться событиями прожитого дня:

— Я тоже ужасно устала. Ты не поверишь, нанесла восемь визитов, выпила двенадцать чашек кофе!

— Дорогая, может, как-то надо поберечь себя? — беспокоится у порога заботливый муж.

— Не надо считать меня душой, я хожу только в те дома, где есть лифт! Кстати, когда ты, наконец, станешь министром?

Тут она попала в точку. Как раз позавчера ему в очередной раз предлагали перейти в правительство. И в очередной раз Жорес отказался сменить трибуну парламента на пыльный министерский кабинет.

С детьми у него тоже не всё просто. Точнее, с внуком: он родился больной — глухонемой и парализованный. Конечно, тяжело было читать в некоторых газетах о «божьей мести врагу святой церкви» — недруги показали своё лицо. Соратники-жорезисты удивлялись его способности не слушать это «энциклопедическое невежество». А у Жореса просто не оставалось времени как-то реагировать на такие нападки. Он знал свою судьбу и предсказывал:

— Не пройдёт и шести месяцев, как начнётся война. Я получаю столько писем с угрозами, что не удивлюсь, если окажусь её первой жертвой. Заранее прощаю того, кто меня убьёт. Виновными будут те, кто даст ему оружие. Мечтаю только о том, чтобы мне не пришлось слишком мучиться...

И при всём при том профессор философии Жан Жорес находил время для необычных, на первый взгляд, занятий. Так, однажды друзья застали его за учебником русской грамматики. В ответ на удивленный вопрос Жорес сказал:

— Надо торопиться, надо учить русский язык. Россия, возможно, скоро сыграет выдающуюся роль в жизни Европы!

...Настал последний день июля, 31-е число. В Париже какая-то суeta на улицах. Сразу много стало военных. Полиция разгоняет демонстрантов, выкрикивающих пацифистские лозунги. Студенты поют «Марсельезу»: «Святая любовь родины, поддержи нашу руку мести!..» Народ штурмует магазины, сметает с полок мыло, консервы, соль. Утренние газеты сообщают о мобилизации в России.

Жорес отправляется в редакцию «Юманите», тотчас садится писать статью в вечерний выпуск. Назвал её «Главное — хладнокровие».

«Пусть правительства ждут наихудшего, пусть, считаясь с самой страшной перспективой, принимают необходимые меры, но, ради всего святого, пусть хранят ясность мысли и твёрдость духа, — так пишет великий пацифист. — Международное положение не представляется безнадёжным. Спору нет, ситуация очень серьёзная, но возможность мирного урегулирования пока не исключена...»

И дальше в этой статье:

«Самая большая опасность в настоящую минуту кроется, если можно так выразиться, не в самих событиях. И даже не в реальных намерениях государственных канцелярий, как бы преступны ни были эти намерения, и даже не в реальной воле народов. Опасность — в растущем возбуждении, в распространяющейся тревоге, в безотчётных поступках, подсказываемых страхом, мучительной неуверенностью, длительным смятением. Панике поддаётся не только толпа, против неё не застрахованы и правительства. А основное их занятие сейчас (восхитительное времяпрепровождение!) — друг друга страшить и друг



друга успокаивать. И это, незачем себя обманывать, может длиться неделями.

Чтобы выдержать такое испытание, людям нужны стальные нервы, им нужен твёрдый, ясный, спокойный разум. И мы должны апеллировать к разуму, к мысли народа, если хотим, чтобы он владел собой, если хотим пресечь панику, преодолеть смятение и следить за поступками людей и развитием событий во имя избавления рода человеческого от ужаса войны. Самое главное — непрерывно действовать, настойчиво будить мысль и сознание рабочих масс. В этом наш истинный оплот. В этом и только в этом гарантия будущего».

Жорес отдаёт статью в набор и едет в Бурбонский дворец. Пытается достучаться до самых верхушек власти. Не получается.

— Ах, господин Жорес, как жаль, что вас нет среди нас, а то помогли бы своими советами, — с глумливой улыбкой говорит высокий чиновник. — А что думаете делать вы и ваша социалистическая партия, если обстановка станет ещё более грозной?

— Мы ещё сильнее будем выступать против войны, — заявляет Жорес.

— Но вас убьют на первом же углу. Вы хотите самого худшего?

— Самое худшее — это война!

Уже вечер. С утра во рту ни крошки. Жорес и его сотрудники идут в кафе «Круассан», это рядом с редакцией «Юмани́те». Здесь у каждого своё место. Профессор Жорес обычно сидит на клетчатом диване, спиной к окну. Но сейчас он расстроен, озабочен. Ходит вокруг стола, что-то насвистывает. Он всегда негромко свистит, когда сильно взволнован. Наконец садится. В раскрытое окно заглядывают любопытные лица, потом они исчезают. Вдруг из-под занавески вылезает рука с револьвером — выстрел, второй. И дикий крик на улице: «Жореса убили!» Где-то падает и разбивается посуда, все суетятся, куда-то побежали, давка в дверях. А на

тротуаре одиноко стоит растерянный молодой человек, он, похоже, не понимает, что натворил...

На следующий день после убийства Жана Жореса началась Первая мировая война. Великий французский гуманист пророчески предсказал, что станет её первой жертвой.

Молодого человека звали Рауль Вийен. При аресте он не оказал сопротивления и не отрицал вины. Этот 29-летний недоучившийся студент, неудачник по жизни, вёл себя смиренно и странно.

— Поначалу я хотел убить немецкого императора Вильгельма Второго, но узнал, что кайзер страстный коллекционер, большой ценитель живописи и скульптуры, а я тоже искусство уважаю, — заявил он в полиции. — Мой идеал — Жанна д'Арк...

Некогда и некому было с ним заниматься, потому что во Франции началась всеобщая мобилизация. Посадили его в тюрьму и занялись войной. Всё время, пока она шла, Вийен терпеливо ждал. Молился каждый вечер. И дождался...

Французские власти вспомнили про убийцу Жореса незадолго до подписания Версальского договора о мире. Немало поспособствовал этому премьер-министр Жорж Клемансо. Принимая титул «Отец Победы», бывший приятель Жореса заявил публично:

— Провидение помогло нам в июле 1914-го. Я не шучу, ведь если бы во время войны у нас был Жорес, мы никогда бы не одержали победу. Жорес был опасным идиотом. Его убийство дало Франции шанс...

Зря он сказал эти скверные слова. Они многих возмутили до глубины души. 19 февраля 1919 года молодой анархист Эмиль Коттен несколько раз выстрелил по «роллс-ройсу», в котором ехал Клемансо. В премьер-министра попала лишь одна пуля, ранение оказалось неопасным. Клемансо в больнице с удовольствием шутил с газетчиками:

— Мы только что выиграли самую ужасную в истории войну, а вот вам француз, который попадает в цель всего

один раз из семи, стреляя в упор. Конечно, этот парень должен быть наказан за неосторожное обращение с оружием. Предлагаю его посадить, пусть тренируется в тюремном тире...

Служители закона тут же вспомнили про убийцу Жореса, который провёл за решёткой четыре с половиной года. Так что в марте 1919 года в Париже проходили сразу два громких судебных процесса. Двенадцать присяжных заседателей, словно двенадцать апостолов, единогласно вынесли оправдательный приговор Раулю Вийену, сочтя «простительным убийство на почве страсти» и обязав оплатить судебные издержки... семью Жореса. А Эмиля Коттена суд приговорил к смертной казни.

Странно даже не то, что получилось как-то всё наоборот. Трудно поверить в другое: что оба политических террориста переживут многих во всей этой истории.

Рауля Вийена освободят из зала суда чуть ли не под аплодисменты. Он уедет в Испанию, на Ибике построит себе дом без единого окна, станет зажигать свечи перед гипсовой статуей Жанны д'Арк. Чтобы прокормиться, он делает всякие безделушки для туристов. По ночам бродит по пляжу, не желая никого видеть и слышать. И однажды — это случится уже в 1936 году, во время гражданской войны в Испании — его окликнет республиканский патруль. Он не ответит, побежит и получит пулю в спину.

Смертный приговор Эмилю Коттену будет по ходатайству Клемансо заменен десятью годами тюремного заключения. После смерти бывшего премьер-министра он выйдет из тюрьмы и некоторое время проживёт под домашним арестом. В 1936 году присоединится к братьям-анархистам, отправляющимся на войну в Испанию, где и погибнет в бою.

**Автор (из-за кулис):** Можно было бы не упоминать имён убийц. Но история Франции оставила нам и другие имена. Как быть с этим высокопоставленным шутником,

по-тигриному безжалостным «Отцом Победы»? Он не просто осквернил память о великом гуманисте Жане Жоресе, гордости нации. Миллионы людей восприняли гибель Жореса, как личное горе, а его это горе не тронуло. К месту или нет, но вспомнились поэтические строчки: «Чужого горя не бывает. Кто это подтвердить боится — наверно, или убивает, или готовится в убийцы». А правильное всего о Жореса сказал нобелевский лауреат Ромен Роллан: «Для его добродетели не оставалось места на земле в наступавшую лихорадочную эпоху». Вот это действительно золотые слова!

## КАРТИНА 23-я

### Учительница из Лооса

*Действующие лица:*

✓ **Эмильен Моро** (1898—1971) — французская героиня Первой мировой войны. Храбрость и отвага этой школьной учительницы были отмечены многими военными наградами, в том числе иностранными.

✓ **Генри Тэнди** (1891—1977) — во время Первой мировой войны рядовой Йоркширского полка «Зелёные Говарды» (Шотландия). После войны был награждён за храбрость Крестом Виктории (высшим орденом Британии) и другими высокими наградами разных стран.

*Место действия* — Франция, коммуна Лоос.

*Время действия* — осень 1915 года.

**Автор** (из-за кулис): После Первой мировой войны эту женщину называли «Жанна д'Арк из Лооса». Даже вышел художественный фильм с таким названием. Учительнице Эмильен Моро лично награждали президент Франции Р. Пуанкаре и британский король Георг V. Позднее она активно участвовала в движении Сопротивления и стала видным деятелем французской Социалистической партии.

**В** ШАХТЕ отец оставил своё здоровье, но без дела усидеть не смог: сложил из камня пристройку к дому, большую печь и открыл пекарню. Мать помогала ему, но тиф в одночасье унёс её вместе с младшими сёстрами Эмильен. Остались они вдвоём с отцом. Эми как раз школу заканчивала. Училась хорошо, мечтала сама учить ребятшек. Так и шло: с утра, задолго до рассвета — хлеб и булочки, потом школьные экзамены, вечером курсы на учительскую лицензию. Жить можно. Если бы не война...

Немцы как-то быстро вошли в маленький городок Лоос. Ни французской армии, ни союзников здесь не видали. Боёв в августе четырнадцатого не было. Правда, боши всех, кто мог лопату в руках держать, заставили копать за околицей траншеи. Заходили и в их дом, глянули на старика, на девушку (ей только-только шестнадцать исполнилось) — смели в мешок булочки и ушли, не заплатив.

— Всё, дочка, — сказал отец. — Больше сдобу не печём, только хлеб.

Так и жили почти месяц. Потом началось. Весь сентябрь под Лоосом шли жуткие бои. Снаряды залетали во дворы. Немецкая кавалерия металась по улицам. Уже казалось, что вот-вот французы освободят коммуну. Но боши получили подкрепление, и сражение затихло. Снова немцы собирали по домам жителей, заставляли их тянуть ряды колючей проволоки перед окопами, хоронить убитых. Убитых было много — десятки. Слава Богу, никто не знал тогда, что через год их будет в сотни раз больше.

Дисциплина стала жёстче. Но документы в порядке, никто не приставал. На улице ей обычно в спину свистели и гоготали. Но это не страшно, а даже смешно — и строем боши ходят по-гусиному, и гогочут, как гусаки.

Однажды вечером Эми прибежала домой с курсов и не увидела отца. Он собирался после обеда за углём — а до сих пор нету. Пошла по соседям.

— Арестовали твоего отца, — вздохнула сочувственно старая соседка. — Прямо на моих глазах увели. Вроде не было ещё шести, а они кричали, что за нарушение комендантского часа.

Несмотря на темноту, помчалась в комендатуру. В караулке сидит тощенький такой гусак — сабля, каска с шишаком. Лыбится:

— О, мадемуазель!

Стала объяснять ему, как могла, отпусти, мол, папу:

— Я принесла тебе хлеба и бутылку домашнего вина — отпусти!

Подарки взял, по щеке своей пальцем стучит: «Ещё поцелуй с тебя!».

Эми следила в окно, когда отец скроется за поворотом. Не успела отойти, как бош схватил её за плечи, пытаясь повалить на пол. Закричала на всех языках, едва устояла на ногах, вырывалась изо всех сил.

На счастье вошёл, видать, начальник, капрал по нашивкам. Глянул недоумённо, рявкнул что-то сердито. Эми метнулась к двери, капралу выдала на бегу по-французски:

— Мерси боку, господин офицер! Там вино на двоих. Солдат поцелуя ждёт — сделайте это за меня!

Понял тот или нет, но для них с отцом обошлось без последствий. Назавтра капрал пришёл за хлебом, Эми протянула ему бутылку вина, он молча кивнул и ушёл, не прощаясь. Повезло.

К Рождеству она, наконец, получила лицензию и открыла частную школу. Жаль, отец не увидел этого, умер.

С утра Эмильен учила малышей, десять человек пяти-семи лет. После обеда — мальчики от семи до десяти лет. Учила, конечно, грамоте. Писать, читать, считать. За малышами к концу занятий приходили мамы, а мальчиков провожала до дома сама учительница. Так ей было спокойнее. Теперь в городке все её знали, и городок она знала, как свои пять пальцев.

Летних каникул не стала делать: надо навёрстывать отставание, да и родители просили — с такой опекой можно за детишек не волноваться.

День 25 сентября они запомнили на всю жизнь. Да и не только они — весь мир человеческий узнал, что под Лоосом произошло страшное побоище. А утро началось тихое, мирное. В конце второго урока кто-то из малышей спросил:

— Мадам Эмильен, а почему птицы так носятся по небу? Они с ума сошли, да?

Все повернули головы к окну, и тут на них тягучей волной навалился непонятный гул. Первое мгновение он

походил на раскаты далёкой грозы, потом на скрежет гигантских машин — и тут же страшный грохот, шквал непрекращающихся взрывов. Это с разных сторон начала бить артиллерия.

Спасибо папе, такой большой подвал вырыл в доме. Туда детей — быстро, быстро.

— Никому не высовываться! Я скоро приду!

Сама бегом на улицу. А там... Стрельба идёт отовсюду. Со второго этажа дома пастора не переставая бьёт пулемёт. Суматоха, хаос. И куда все стреляют, в кого — ничего не понятно. Вот, вроде, потише стало. Но всё равно по улице не пройти, солдаты немецкие бегают туда-сюда. Орут, глаза бешеные. Вернулась в дом.

С полчаса было тихо. Потом вдруг запахло хлоркой. Да так сильно, что схватила простыни с кровати, ведро воды — и мигом в подвал, к детям.

— Глазки закрываем, дышим через мокрые тряпочки, сидим не шевелясь, слушаем сказки!

Так пересидели они до вечера. Вылезли, когда стало безопасно. Ещё и удивились, какая странная вокруг тишина. Эми повела детей к их родителям. Мамаша в последнем доме, вся в слезах, рассказала ей ужасное...

В тот день под Лоосом в страшной битве погибли тысячи солдат. Причем неизвестно, кто больше их убил — немцы или англичане. В тот день британцы впервые применили отравляющие вещества. Более ста тонн ядовитого хлора ветер погнал на немецкие позиции. Но вдруг его направление переменялось, и атакующие пехотинцы оказались в ловушке. Тысячи англичан погибли в страшных мучениях, остальных солдаты кайзера уложили пулемётами на нейтральной полосе...

Все следующие дни командование Британии регулярно посылало под пули резервы свои и союзников-французов. Огромное поле пред Лоосом было сплошь усеяно мертвецами, да не в один ряд. Более трёхсот тысяч погибших с обеих сторон. Нейтральная полоса, это изъеденное воронками



поле, превратилась в сплошное месиво из грязи и человеческих останков. И дикая, непереносимая вонь. Страшный смрад с той стороны вползал во все дома, и не было никакой возможности прятаться от него. Запах хлеба или французских духов неспособен перебить зловония войны.

А через полторы недели союзники пошли в новое наступление. Занятий все эти дни не было. Из окошка пристройки Эми видела, как по улице, отстреливаясь, бегут немцы в своих мышинного цвета шинелях. Их буквально по пятам преследовали солдаты в голубых и красных штанах — это свои, французы! А рядом — странные люди в чёрных меховых шапках и клетчатых юбках. Во дела! Кто это?

— Это адские фурии! — кричали друг другу пробегающие мимо боши. — Это небесные дьяволицы, спасайтесь!

Один из немцев упал замертво прямо у крыльца её дома. Эми подняла его винтовку. Её тут же окружили французы.

— Мадам, вы за кого воюете? — улыбаясь, спросил один солдат.

— «Вставайте, сыны Отечества, настал день славы!» — пропела она.

Голубые и красные штаны подхватили разом «Марсельезу»:

— «Святая любовь Родины, поддержи нашу руку мести!..»

— Белый дом с крестом на башенке видите? — спросила учительница соотечественников. — Там на втором этаже у бошей пулемёт. Через площадь нельзя, всех положит. Давайте слева, по винограднику!

И сама поползла за ними, волоча за ремень чужую винтовку. Сквозь не опавшие ещё листья, сквозь тоненькие стволы старых виноградных лоз Эми видела, как засверкали огоньки в окне пасторского дома, как попадали на площади солдаты-освободители. Одна пуля попала в плечо человеку в клетчатой юбке, он упал, неловко подвернув ногу и уронив чёрную мохнатую шапку. К нему кинулись два немца. Один остановился, чтобы подобрать упавшую шапку, второй наклонился глянуть, что за «адская фурия» разлеглась тут.

— Добьют! — ахнула мысленно Эми.

До них было всего метров десять-пятнадцать. Она подняла винтовку, прицелилась в широкую спину второго немца и нажала на спусковой крючок. Немец остался стоять, как стоял. Потом первый что-то спросил у него, подошёл — и убитый вдруг стал валиться, оседать, и чтобы его удержать, первый немец как-то неожиданно повернулся лицом к Эми. Девушка снова нажала на спусковой крючок. Приклад опять толкнул её в плечо, но не больно. Этот бош тоже упал замертво. Она поползла к раненому.

— Гранд мерси, мадемуазель! — белозубо улыбнулся парень.

И добавил по-английски:

— Это счастье, что у вас винтовка-полуавтомат. Повезло нам обоим.

Она поняла, что он хотел сказать, но сейчас это мало её интересовало. Схватив лежащего за ворот зелёной куртки, Эми потащила его в виноградник, куда пули не залетали. Стянула с головы платок, этим жгутом перетянула плечо. Парень вытащил из кармана пакетик с крестом, и она прямо поверх куртки туго перебинтовала, убедившись, что ранение сквозное, — вот уж кому действительно повезло.

Теперь они оба молча смотрели, как боши поливают свинцом городскую площадь.

— Э-и-эх! — вздохнул раненый и вытащил из-за пояса две гранаты.

Он попробовал ползти, да куда там. Эмильен забрала у него гранаты. Тогда раненый попытался показать, как с ними обращаться: мол, сначала прижимаем вот этот рычаг, потом выдёргиваем кольцо и бросаем. Показал четыре пальца:

— Фор секондс... энд — буум!

Чего непонятного-то? Зажав рукоятки гранат в одной руке, она поползла к дому пастора. Это здание она знала прекрасно — каждое воскресенье ходила сюда на проповедь, здесь принимала причастие. И знала: главный вход —

с паперти, а запасной — со двора. С той стороны и зашла. Треск от пулемёта стоял такой, что Эми собственных шагов не слышала. Поднялась по деревянной лестнице на второй этаж и сразу их увидела через открытую дверь: склонились у окна за пулемётом двое, ничего не видят и не слышат.

Как этот парень в юбке учил? Прижимаем рычаг, выдёргиваем кольцо и бросаем...

Буум! Рвануло так, что горячей пыльной волной оттолкнуло её от двери обратно к лестнице. И тут опять повезло: не успел дым рассеяться, как Эми увидела ещё двух солдат в касках с шишаками, они поднимались вверх. И ещё раз — рычаг прижимаем, кольцо выдёргиваем и бросаем. Четыре секунды. Успела и отшатнуться, и голову нагнуть — буум!

Потом, когда осела вся муть, пыль и дым, Эмильен стала медленно спускаться по разрушенной лестнице. На трупы немецких солдат старалась не смотреть — скорей на воздух! Почти бегом метнулась в спасительный виноградник и только оттуда увидела, как на площади поднимаются раненые. Им помогали товарищи, что уцелели под огнём пулемёта.

— Сюда! Ко мне! Помогите!

Это было единственное, что она знала по-английски. Но солдаты поняли. Подняли раненого в юбке, понесли его и других за Эмильен, в её дом. В пристройке она быстро кинула одеяла на пол, принесла подушек, поставила на печь греться воду. «Её раненый» безотрывно следил за ней глазами, улыбался издали. А она быстренько прибила снаружи на дверь белую наволочку, прицепила к ней крест-накрест красные ленты — и давай рвать на полосы простыни, перевязывать, поить, успокаивать. Через пять минут ещё пятеро или шестеро пациентов пополнили импровизированный госпиталь.

— Мне нужен доктор! — пыталась она с крыльца остановить французов. — Помогите!

Те в горячке не обращали на неё внимания. Бой продолжался, союзники гнали бошей, голубые, красные штаны и

меховые шапки с клетчатыми юбками бежали мимо, стреляя на ходу. Боже милостивый! Эми не успела вернуться в дом, как какой-то военный в зелёном форме с белой повязкой на рукаве отозвался:

— Я врач!

Он резал по-живому, кухонным ножом, прогретом на огне. Никаких других инструментов — лишь бы спасти жизнь человеку. Эми бегала в подвал за вином, это единственное, чем она могла облегчить страдания солдат. «Её раненый» помогал: одного за другим таскал на себе только что прооперированных. И так всю ночь. К утру скончался только один пациент.

Врач ушёл, пообещав, что пошлёт санитарный автомобиль. Эмильен и «её раненый» сидели на скамье, прижавшись спинами к стене пристройки, опустошённые и обессиленные. Глядя прямо перед собой, солдат в юбке заговорил:

— Меня зовут Генри Тэнди, — он едва шевельнул раненой рукой, показывая нашивку на рукаве. — «Green Howards», Йоркширский полк. Я из Шотландии. Уже год воюю, и даже был дважды ранен...

Он говорил медленно, а Эми казалось, что она понимает всё. Что неделю назад «зелёным Говардам» досталось по полной, да и остальным тоже. Что «зелёные» успели к лесу отойти, а полк шотландских хайлендеров выбило почти полностью. Ещё бы — германцы целый час стреляли по их обороне из «Большой Берты», словно горцы не в земле, а за стенами бастиона какого-то сидели. Каждый взрыв — ямища десятиметровая, осколки за километр летят. А отравляющие газы — это ещё страшнее...

Он пил вино и всё говорил-говорил. Показывал пальцем на свою юбку:

— Это килт, наша национальная одежда. Обычно шотландские солдаты носят килт в вещевом мешке, но в атаку мы надеваем его. И шапку меховую — тоже. Пусть враги знают, с кем имеют дело, пусть боятся.

«Зелёный Говард» помолчал, искоса глянул на Эми.

— А ты молодчина. Бесстрашная девушка, уважаю. Давай после войны встретимся, а? Я обязуюсь выучить французский язык...

— Хорошо, — усмехнулась Эмильен. — А я выучу английский.

Утром пришёл грузовик и увёз всех раненых в тыл. Там медпункт, кухни, штабы, тылы — короче, все те, кто после войны будет носить медали и ордена, не доставшиеся павшим.

— Мы обязательно встретимся! — пообещал девушке Генри.

Он не соврал. Они встретились. И ни где-нибудь, а в Букингемском дворце, на официальном приёме у короля Соединённого Королевства. Им, Генри Тэнди и Эмильен Моро, героям только что закончившейся войны, король Георг V вручал высшие награды Британской империи. Генри получил Крест Виктории, а Эми была награждена Военной медалью, Королевским Красным крестом и Дistinguished орденом Святого Иоанна.

После приёма во дворце у них с Генри была возможность пообщаться. Он уже неплохо говорил по-французски, а Эми прекрасно понимала его английский — они же дали обещание. И теперь им было что рассказать друг другу.

Он и дальше воевал все эти годы, она учительствовала. Вспоминали тот сентябрьский день в Лоосе. Эми гордилась успехами своих учеников и честно сказала, что обручена. Генри несильно расстроился, похвастался, что ему за награды идёт доплата, и он сегодня самый богатый солдат в британской армии.

— С разрешения начальства я на нейтралку ночью один ходил, проходы в минных полях делал, — хвастал Генри. — А однажды вышел смешной случай. «Языка» с нейтралки привёл. Вижу, стоит — худой, грязный. Я его за шкурку — и в блиндаж к нашему командиру. А «язык» молчит, трясётся от страха. Орёт только: «Фоксль! Фоксль! Майн Фоксль!» Мы

дали ему воды. С трудом удалось понять, что немец ничего не видит, ослеп после газовой атаки, что вчера потерялась его собака Фоксль, и кто-то украл его альбом с рисунками, что солдаты его презирают, хотя он ефрейтор и никому не причинил зла, что отвечает только за доставку писем и никогда не стрелял в англичан. Командир роты мне говорит: «Лучше бы ты заколол его там штыком! Тащи теперь обратно! Дай ему белую тряпку в руки, лицом к своим поставь да пни под зад хорошенько. Доберётся — его счастье, а нам завтра наступать...

Так они сидели и разговаривали, шотландский парень и французская девушка, герои минувшей войны. Если б только они знали, кто был этот слепой, трясущийся ефрейтор!

...В начале 1920-х годов случайно нашлась медицинская карта Гитлера. Оказалось, что он временно потерял зрение не после газовой атаки, а из-за истерической амблиопии. Это редкое заболевание возникает при стрессах, например, у солдат из-за сильного страха перед боем. Мозг как бы отказывается реагировать на жуткие картины действительности и перестаёт принимать сигналы зрительных нервов, само же зрение при этом остаётся в норме. Немецкий профессор выяснил, что у его пациента крайне болезненное самолюбие, и это можно использовать во время гипнотического сеанса. В абсолютно тёмной комнате психотерапевт ввёл Гитлера в транс и сказал: «Ты ослеп, но раз в тысячу лет на Земле рождается великий человек, которого ждёт великая судьба. Возможно, именно тебе суждено вести Германию вперёд. Если это так, то бог вернёт тебе зрение прямо сейчас». После этих слов профессор чиркнул спичкой, и — случилось чудо. Больной заорал: «Я вижу-у-у!»

Стоит ли говорить, что после 1933 года все, кто знал об этой медкарте, бесследно исчезли? А известна эта история станет лишь в 1938 году. Английского премьер-министра Чемберлена будут торжественно встречать в лондонском аэропорту, и с трапа самолёта он торжественно объявит: «Я привёз вам мир!» А на банкете расскажет, как подписы-

вал с Гитлером мюнхенское соглашение, и фюрер рассказал ему, что двадцать лет назад британский солдат проявил к нему милосердие, и лишь благодаря этому он остался жив...

Генри Тэнди и Эмильен Моро расстались добрыми друзьями. Больше они никогда не встречались.

**Автор (из-за кулис):** Четырнадцатого июня 1940 года немцы вошли в Париж. По требованию победителей, парижане должны были тянуть руки вверх в нацистском приветствии. Почти все так и делали, прижимая платки к заплаканным глазам. Эмильен с мужем стояли в первом ряду, они не собирались приветствовать фашистов. Сжав зубы, они вспоминали, наверное, как в 1914 году немцы под командой Вильгельма II уже вплотную подошли к стенам французской столицы. Чтобы остановить их, нужны свежие силы, и резервы-то были, а вот доставить их к передовой не на чем. И тогда все парижские таксисты повезли подмогу на своих легковых автомобилях. В Первой мировой войне парижане отстояли свой город. Нынче — нет. Жаль, что времена настоящих героев проходят быстро.

## КАРТИНА 24-я

### Пастырь звал на обед: последняя жертва

*Действующие лица:*

✓ **Огюстен Требюшон** (1878—1918) — французский солдат, вестовой 2-й роты 415-го полка 163-й пехотной дивизии.

✓ **Фердинанд Фош** (1851—1929) — французский военачальник времён Первой мировой войны. Маршал с 6 августа 1918 года.

*Место действия* — Франция, Западный фронт, Арденны.

*Время действия* — 1916—1918 годы.

**Автор** (из-за кулис): Пастырь — это пастух. Пастухом и был Огюстен Требюшон. Он родился в небольшой деревне на юге Франции. Рос в семье старшим, ещё четверо братьев и четыре сестры. Так что ему первому выпало родителям помогать. Сначала подпаском ходил, а в двенадцать лет уже деревенский пастух. Дудочки из камыша делал сам — вот и вся начальная школа. Ещё на аккордеоне выучился, на свадьбах играл. Родители рано умерли. Когда началась война, Огюстен передал пастырские заботы брату и ушёл добровольцем в армию.

**НА** ЛЮБОЙ войне рядовому солдату, как правило, не удаётся дожить до победы без единой царапины. Огюстен не был исключением. Он был дважды ранен в той мировой войне.

Первый раз Огюстен был ранен в самом конце сентября 1915 года при наступлении на Лоос-Артуа. План французских генералов состоял в серии атак вдоль Западного фронта, они надеялись, что итальянцы поддержат через реку Изонцо. Но те не сдвинулись ни на шаг. Французы,



несмотря на помощь англичан, не смогли прорвать вторую линию немецких траншей. Наступление захлебнулось. Генерал Фош приказал перейти к обороне. Настало время осенних дождей, взаимных обвинений в штабах и скорбно-го подсчёта убитых и раненых.

Огюстену повезло: ранило осколком до распутицы. Он сам перевязал ногу и теперь лежал на спине, глядя в хмурое небо, мечтая о тёплом доме, но больше всего — о том, чтобы санитары не прошли мимо.

Он слышал, как они перекликаются, разговаривают между собой. Пытался ползти им навстречу, но голоса вдруг стали удаляться. И тогда, понимая, что его оставят здесь умирать, достал из вещмешка недавно сделанную дудочку и заиграл мелодию, которую всегда выбирал, созывая стадо.

Ему показалось, что пиликал долго, до самых сумерек. Или это в глазах стало темнеть?

— Эй, друг, ты живой, что ли?

Чьё-то бородатое лицо заслонило весь белый свет. Как его донесли до госпиталя, Огюстен помнил плохо. Осталась в памяти только дикая боль, когда врач вытаскивал осколок из бедра. А потом — всё хорошо, чистые простыни и кровать, первая кровать за год его солдатской жизни. От счастья достал дудочку и заиграл. Ходячие больные расположились кругом. Улыбаются:

— Подуди ещё, друг! Так дом напоминает!

А врачи примчались, давай всех разгонять:

— Мигом по койкам! Командующий идёт!

Оказалось, сам генерал Фош решил в свой день рождения раненых провести, которые под Лоос-Артуа себя геройски проявили и которым повезло в живых остаться. А тут дудочка пастушья, понимаешь...

— Кто играл?

Попытался раненый привстать, доложить:

— Огюстен Требюшон, рядовой второй роты 415-го пехотного полка.

— Лежи, рядовой! — генерал сел на подставленный свитой табурет. — Давно воюешь?

— Год, можно сказать — с первого дня.

— И что, победил уже страх?

— У меня его и не было, господин генерал. Я доброволец.

— А раз не боишься, скажи мне, солдат, почему немцы такие злые?

— Они-то как раз и боятся, потому и злые. Трусливые люди всегда злые, словно волки.

Генерал улыбнулся в свои роскошные усы. Встал.

— Молодец, рядовой! Поправляйся — и в строй! А на дудочке играй, я разрешаю.

Вышел, свита за ним. Весь госпиталь потом ахал: наш пастух с самим командующим армии запросто говорил. Со знаменитым Фошем, о котором газеты писали, что неделю назад он телеграмму отбил в генштаб: «Мой центр сдаёт назад, правый фланг отступает, положение превосходное, я атакую». Ой, что творится! Быть тебе капралом, пастырь Огюстен!

Теперь он в палате выздоравливающих на дудочке подавал сигналы: обед, ужин, отбой. Вроде как полковым трубачом был. На поправку шёл быстро, даже палочка не потребовалась, чуть-чуть прихрамывал. Выписали и назначили в тот же полк вестовым, разносить приказы туда-сюда.

Второй раз его ранило через год — на Сомме. Это была одна из крупнейших битв Первой мировой. Сражение на обоих берегах реки Соммы планировалось почти полгода и продолжалось четыре с половиной месяца. Здесь, на севере Франции, погибло в общей сложности более миллиона человек. Здесь страны Антанты хотели разгромить армию Вильгельма II и его команды.

Общее руководство этой широкомасштабной операцией было возложено на французского генерала Фоша. Он продумал всё до мелочей. Не учёл только одного: что «Верденская мясорубка» не закончится к июлю. Более того, там французская армия оказалась в таком жутком положении,

что из Парижа улетела срочная телеграмма российскому императору Николаю Второму с истошным призывом о помощи. На юге итальянцы ждут Брусилова, а на севере французы застряли под Верденом. Ладно, чего уж тут, помогли русские солдаты союзникам, да так, что Фердинанд Фош, будучи уже маршалом, скажет:

— Если Франция не была стёрта с карты Европы, то в первую очередь благодаря мужеству русских солдат!..

В июле 1916-го началось сражение при Сомме. Семь дней подряд артиллерия союзников крушила германские укрепления. Сотни самолётов бомбили оборону немцев, которые зарылись в землю на много метров, настроили блиндажей и бункеров, окружили себя колючей проволокой в несколько рядов, пристреляли из орудий и пулемётов каждый бугорок. Неделю продолжался этот крошечный ад. А потом пошла вперёд пехота.

На берегу Соммы рядовой Требюшон впервые увидел танки: под их прикрытием полк Огюстена шёл в атаку. Британские бронированные чудовища расчищали пехоте дорогу, легко сминая кайзеровские укрепления, наводя дикий ужас на немцев. Издалека артиллерия врага пыталась бить по танкам, калеча своих и чужих солдат. Один из таких снарядов разорвался рядом с Огюстеном.

— Не дам резать руку! — кричал он в госпитале, как только очнулся.

— Тогда молись богу, чтоб само зажило! — отвечал усталый врач.

И он молился. Не переставая, вслух, пытаясь шевелить раненой рукой. Она не слушалась, болела. Только однажды медсестра, меняя бинты, сказала:

— А чернота-то уходит! На поправку пошло, помогла молитва...

Соседи справа и слева тут же попросили:

— Помолись и за меня, а?

Слух быстро разлетелся по госпиталю: какой-то пастырь деревенский волшебное слово знает, чуть руки не лишился,

а вылечил себя сам и другим помогает. Так и пристало — пастырь. Распятие возле его койки повесили.

А на Рождество Огюстен смастерил новую дудочку. Двумя руками...

Война шла без него. Вязкая, окопная, неизвестно кому нужная. На всём Западном фронте практически без перемен. Но и такое позиционное противостояние — в окопной грязи, в вечном ожидании смерти, ранения или перемирия — не может обойтись без перестановок и замен. Резервисты и выздоровевшие должны занять место тех, кто отсидел своё в сырой траншее. Огюстен вернулся в полк.

Сидеть в траншее ему не пришлось. Снова вестовым — разносить приказы и распоряжения по позициям. Порой захватывал и почту, в дудочку свистел, чтобы солдаты знали: вестовой весточки из дома несёт. А кому «ещё пишут», тех утешал словом господним — пастырь же. Любили его солдаты. А командование представило к очередному званию, написав в характеристике: «Хороший солдат, добросовестно исполняет свой долг, при любой обстановке сохраняет спокойствие, для своих молодых товарищей служит примером, пользуется у них уважением».

Довелось бывшему пастуху участвовать и во второй битве на Марне — последнем крупном сражении, которое немцы проиграли после мощной атаки французов. Командовал союзными войсками всё тот же Фердинанд Фош.

Генеральный штаб кайзера планировал в разных местах разделить французскую армию на части, и теперь немцы били мощной «свиньёй» в стыки между дивизиями. На западе немцы продвинулись на пятнадцать километров. И тогда Фош приказал контратаковать: такой был его стиль, его излюбленный метод ведения боевых действий.

Две недели продолжалась эта мощная атака, и каждый день французы возвращали по километру своей территории. К шестому августа 1918 года обе стороны выдохлись, понеся огромные потери. Немцы вернулись на старые по-

зиции. Битва закончилась, и это была явная победа французов. В тот же день генералу Фошу было присвоено звание маршала.

С того дня и началось солдатское ожидание перемирия. Сидели в окопах, лишь изредка постреливая в сторону врага. Читали газеты — интересно же: в России революция, солдаты сами выбирают командиров, свобода! Писали письма родным: «Скоро войне конец, ждите с победой». Почту носил всё тот же рядовой первого класса Требюшон.

— Огюстен, а ты что будешь делать после войны? — спрашивали друзья-сослуживцы. — Снова пасти коров?

— Не, я грамоте выучиться хочу, — отвечал миролюбиво. — Племянники в школу ходят, помогут. И жениться, конечно, своих детей заиметь. А корова, что корова — будет своё хозяйство, будет у нас с женой и корова. И телёночка принять, и подоить я умею. Дом построить братья помогут...

— Молодец, пастырь! — одобряли друзьям. — Правильно мыслишь. Лишь бы война поскорей закончилась. Давай-ка сыграй на своей дудочке, погрей душу! «Марсельезу» сможешь? «Святая любовь родины, проводи, поддержи нашу руку мести»...

Прошла-пролетела осень, наступил ноябрь. Требюшон узнал о подписании перемирия первым. Он не имел права сказать об этом своим друзьям — иначе трибунал и расстрел. Показательных казней он насмотрелся за четыре года на всю оставшуюся жизнь.

Огюстен не знал, не мог знать, что в Компьенском лесу идут переговоры, что маршал Фош требует от немцев немедленного перемирия, а те просят отсрочки, на что-то ещё надеясь. Выпросили-таки: подписано соглашение рано утром, а прекращение огня — в одиннадцать часов одиннадцатого числа одиннадцатого месяца.

Как только германская делегация покинула штабной вагон, маршал Фош отдал приказ — перейти Маас и атаковать немцев на их берегу. У французского полководца

были давние счёты с этой рекой: здесь в начале войны погибли его единственный сын и любимый зять. И ещё — по условиям только что подписанного соглашения, противоборствующие стороны остаются на тех землях, где их застанет одиннадцать часов. А это значит, что можно за оставшееся время отхватить немалый кусок Фландрии. Так что — вперёд, пехота, в атаку!

...Ночью, не переставая, лил дождь вперемешку со снегом. Маас вышел из берегов, все мосты давно взорваны, противоположный берег не виден из-за тумана. Как атаковать, на чём переправляться?

— За невыполнение приказа — расстрел на месте! — кричат командиры и гонят солдат в ледяную воду.

Кто не умел плавать, пропал первым. Первым из последних на этой войне. Тут Огюстену повезло: задержался в штабе, где полковник радостно сообщил ему:

— Кайзер Вильгельм Второй отрёкся от престола! Конец войне, солдат! Разнесёшь по батальонам приглашение на праздничный обед в одиннадцать-тридцать. Будет горячий суп и вино. Исполнять! Бегом, солдат!

Он решил начать со своего батальона, но догнал его, когда почти все уже были в воде. Командир отмахнулся от протянутой бумаги:

— Потом! Быстро в роту!

И снова Огюстену повезло, потому что первые смельчаки уже были на той стороне и протянули верёвку, за которую можно держаться тем, кто плавать не умел.

Промокшие, продрогшие сидели они на берегу. Часы показывали десять-тридцать. Когда стало светлее и туман рассеялся, увидели прямо перед собой немецкие траншеи. Свисток — и полк поднялся в атаку. Без артподготовки, на пулемёты, в последнюю свою атаку.

Девяносто человек остались там навсегда. Девяносто первый — рядовой Огюстен Требюшон. Когда подошли санитары, он был ещё жив. Протянул им приглашение на праздничный обед — и всё, пастырь умер.

**Автор** (*из-за кулис*): Огюстен Требюшон стал последним солдатом французской армии, убитым на Западном фронте. Всего в последний день боевых действий в Европе погибло несколько тысяч человек. Окончательную точку в Первой мировой войне поставит Версальский договор о мире, подписанный 28 июня 1919 года. Впрочем, маршал Фош скажет: «Это не мир, это перемирие на двадцать лет!» И будет прав.

## ЭПИЛОГ

*«Заплатив за победу Антанты миллионами жизней, Россия, к сожалению, упустила свой шанс и свою возможность на дальнейшее мирное развитие. Заключённое уже без России 11 ноября 1918 года Компьенское перемирие подтвердило, что ни у одной из стран Европы больше не осталось сил для продолжения войны. Однако Версальское мирное соглашение, заключённое в июне 1919 года, показало, что у западных элит также не хватило дальновидности и политической воли для того, чтобы по-настоящему войну закончить. Война оказалась попросту «отложена» ещё на два десятилетия.*

*Между Версальским миром и так называемым «Мюнхенским сговором» — такими двумя ключевыми точками на пути ко Второй мировой войне — оказалось поразительно много общего. В основе обоих решений лежали убеждённости участников этих «сделок» в собственной исключительности и полное пренебрежение нормами международного права, которые понимались их участниками как «право сильного». И там, и там сказалось нежелание пускать за стол переговоров нашу страну, традиционно выступающую гарантом устойчивости любых геополитических сделок в Европе.*

*Нам ещё предстоит обсудить всю цепочку фатальных решений, которые привели человечество из огня одной мировой войны в ужас и бездну другой, ещё более кровавой и ещё более страшной...»*

**Из выступления председателя  
Российского исторического общества  
Сергея Нарышкина в «Манеже», 2018 год**



**Р**ОВНО двести лет назад президент США Джеймс Монро официально заявил, что Западное полушарие — это зона влияния исключительно Соединённых Штатов и любые посягательства на земли этого континента расцениваются отныне как угроза безопасности и будут жёстко пресекаться. За минувшие два столетия американцы не раз показывали всему миру свою агрессивность. Они и сейчас с гордостью утверждают: «У нас довольно денег, чтобы закупить стволы, и мы без малейших колебаний перестреляем всех, кто доставляет нам неудобства».

Так было и в Первую мировую, когда они сами подтверждали, что «каждый убитый или раненый немец был убит или ранен из американской винтовки, американской пулей или снарядом». Эта страна практически никогда не воевала на своей территории, она только и делала, что стравливала народы, разжигала военные конфликты и ловила рыбку в мутной воде, поставляя оружие и кредиты всем воюющим сторонам. Она делала деньги на людском горе.

Семьдесят процентов населения земного шара участвовало в той войне. Десять миллионов солдат и более десяти миллионов мирных граждан было убито за четыре с половиной года — столько же потеряло человечество в войнах за тысячу предыдущих лет.

Её называли Великой. При подписании мирного договора в Версальском дворце победители торжественно заявили, что больше войн не будет никогда. Для этого провозглашается создание Лиги Наций, которая станет заботиться о всеобщем разоружении, предотвращении военных конфликтов, обеспечении коллективной безопасности. Про мирные инициативы русского царя никто не вспомнил, его уже не было в живых. Да и Россия была другой, она теперь не в счёт, не может считаться победительницей в Великой войне.

Страны, подписавшие в Версале мирный договор, больше всего были озабочены судьбой побеждённой Германии.

Её обязали выплатить державам-победительницам финансовые репарации в 132 миллиарда золотых марок — более 400 миллиардов долларов по нынешнему курсу. Этот долг поставил Германию на грань финансовой катастрофы, обрушил экономику страны и в немалой степени способствовал приходу к власти национал-социалистов.

Германский милитаризм потерпел поражение, но существовал верный путь его оживить — надо только новое поколение с первых дней воспитывать в духе реваншизма, и через двадцать лет такая идеологическая обработка обязательно принесёт свои плоды. И снова зазвучали в стенах рейхстага старые призывы: «Времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому море, оставляя себе одно лишь небо, — эти времена миновали. Мы требуем и для себя место под солнцем!».

Национализм — прекрасная почва для военной диктатуры, для фашизма. Новая власть убеждала свой народ, что Германия превыше всего, что «истинные арийцы» могут взять у богатого соседа всё, что захотят. Естественно, взгляды нацистов были направлены прежде всего на восточного соседа.

Антанта, вчерашняя союзница России, не смогла задуть молодую советскую республику и теперь с удивлением наблюдала, как бывшая царская империя стремительно поднимается из руин и нищеты, она готова дать отпор любому агрессору, но выступает за мир, предлагая всё новые и новые инициативы.

Никак это Запад не устраивает. «Есть вещи намного важнее, чем мир», — продолжают считать за океаном. Если бы был способ уничтожить Россию и захватить всё в этом мире, Соединённые Штаты немедленно бы им воспользовались. Но нет такого способа, так что «семейке Адамсов» остаётся только мечтать об однополярном мире и ждать, когда закончится время «отложенной» войны.

К концу 30-х годов выросло невоевавшее поколение, — вот тогда и случилась Вторая мировая. Она оказалась ещё

страшнее, чем Первая. И снова за океаном шептались: «Пусть они дерутся между собой, и пока русские думают, что мы союзники, у них не будет шансов на победу, только пусть они подольше так думают и подольше воюют».

А мы победили, в тяжелейшей войне разгромив нацистов. С самого начала знали, что у нас за союзники, чего они ждут и чего можно ожидать от них. И сегодня мы отлично видим, как Запад мечтает властвовать над миром и пытается развязать новую войну «чужими руками». Это и есть нацизм. С ним Россия будет бороться, где бы он ни возродился.

Миру не быть однополярным. Это — без права на обжалование.

*Литературно-художественное издание*

16+

**Королев Виктор Владимирович**

**ЗА КУЛИСАМИ  
ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Исторический роман-спектакль  
о Первой мировой войне

Ответственный за выпуск *Юлия Радыгина*

Редактор *Нина Соколова*

Корректор *Нина Дронова*

Технический редактор *Сергей Чалый*

Верстальщик *Марина Дьяченко*

Дизайнер обложки *Алиса Дьяченко*

*E-mail: mail@izdat-kniga.ru*

*Сайт: www.izdat-kniga.ru*

Подписано в печать 20.04.2023. Формат А5.  
Бумага офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 20477.  
Гарнитура «PT Serif».

Издательство «Союз писателей»

654029, г. Новокузнецк, ул. Вокзальная, 10.

Тел.: 8-913-429-2503

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей».

Любое использование материала данной книги,  
полностью или частично,  
без разрешения правообладателей запрещается